

**Андрей
КРУЗ**

ТЕ, КТО ВЫЖИЛ

Мир «Эпохи мёртвых»

Андрей Круз
Те, кто выжил

«ЭКСМО»

2011

Круз А.

Те, кто выжил / А. Круз — «Эксмо», 2011 — (Мир «Эпохи мёртвых»)

ISBN 978-5-9922-0877-1

Никто не умеет так выживать, как человек. Никто не сравнится с человеком в умении приспособиться к любым условиям, умении построить новую жизнь там, где только что погибла жизнь прошлая. Никто не сравнится с человеком ни в чем, ни в коварстве и жестокости, ни в благородстве и трудолюбии. Править миром у живых мертвецов не получилось, человек быстро вернулся на вершину пирамиды. А заодно вернулись и все привычки рода человеческого, как хорошие, так и плохие, только они стали заметней и откровенней. А герою книги надо доехать, надо найти себе место и надо понять, кем же он стал в конце своего Пути.

ISBN 978-5-9922-0877-1

© Круз А., 2011

© Эксмо, 2011

Содержание

5 мая, суббота, середина дня. Северная Атлантика, южнее Пласентиа Бэй, полуостров Ньюфаундленд	5
10 мая, четверг, утро. Северная Атлантика, где-то в самой середине	8
10 мая, четверг, день. Северная Атлантика, где-то в самой середине	10
12 мая, суббота, день. Северная Атлантика	11
18 мая, пятница, день. Северная Атлантика	12
24 мая, четверг, ночь. Средиземное море, побережье Андалусии	13
24 мая, четверг, утро. Спортивный порт в Пуэрто-Банусе	14
25 мая, пятница, утро. Спортивный порт в Пуэрто-Банусе	16
25 мая, пятница, день. Спортивный порт в Пуэрто-Банусе	20
25 мая, пятница, день. Спортивный порт в Пуэрто-Банусе	28
26 мая, суббота, утро. Спортивный порт в Пуэрто-Банусе	30
26 мая, суббота, утро. Коста-дель-Соль, окраина Марбельи	43
26 мая, суббота, вечер. Коста-дель-Соль, спортивный порт в Пуэрто-Банусе	47
27 мая, воскресенье, утро. Коста-дель-Соль, спортивный порт в Пуэрто-Банусе	49
27 мая, воскресенье, день. Старинный форт возле г. Фуэнхирола	51
28 мая, понедельник, утро. Андалусия, автотрасса «Сьерра-Невада»	53
29 мая, вторник, утро. Баскония, автотрасса «дель Кантабрико»	58
2 июня, суббота, утро. Бельгия, Антверпен	62
2 июня, суббота, день. Бельгия, Антверпен	69
3 июня, воскресенье, утро. Бельгия, Антверпен	74
4 июня, понедельник, утро. Бельгия, Антверпен	77
Конец ознакомительного фрагмента.	87

Андрей Круз Те, кто выжил

5 мая, суббота, середина дня. Северная Атлантика, южнее Пласентиа Бэй, полуостров Ньюфаундленд

«Проныра» – массивная и с виду неуклюжая круизная яхта-траулер восьмидесяти футов в длину – неторопливо и солидно резала высоким форштевнем серо-зеленую океанскую воду, двигаясь параллельно канадскому берегу и находясь сейчас примерно на траверзе Ньюфаундленда, его самой восточной оконечности. Штурвал крутил сейчас я, а наш самый опытный мореплаватель – молоденькая голландская художница Хендрике, отзывающаяся преимущественно на краткую версию своего имени, звучащую как Дрика, – спала в каюте после восьмичасовой вахты. За подвахтенного у меня был ветеран вьетнамской войны и бывший водитель грузовика Сэм, на редкость бодрый и решительный старикан, присоединившийся к нам в Техасе. Сейчас он засел в машинном отделении судна, разбираясь в руководстве по эксплуатации судового дизеля. Ну и правильно, он тут один, дизель в смысле, и случись поломка – нам хана, без вариантов. Спасать нас никто не бросится, потому что никого не осталось. Умер весь мир вообще-то, вместе со всеми спасателями. А дизель «Проныры», со слов все того же Сэма, от дизеля грузовика отличался мало, так что должен он с этим железом совладать.

Пустота, кругом пустота. Но эта пустота спокойная, это не та мертвая страна, которую мы оставили позади, это просто океан, который мы неторопливо пересекаем со скоростью восемь узлов. Восемь узлов – восемь морских миль в час, совсем не быстро, это не на машине и не на самолете. Прикидочно получается, что нам в океане недели три болтаться. Даже и не знаю, хорошо это или плохо. Если погода будет такая, как сейчас, когда ветер гонит мелкую волну, а небо ясное до самого горизонта, то и хорошо, пожалуй: отдых получается. Хороший такой отдых, сдобренный рыбалкой. Ни зомби вокруг, ни зомбированных мутантов, ни бандитов – вообще никого. Мелькнула было смешная мысль о пиратах, да кто теперь пиратствовать будет, если все судоходство замерло?

Видели мы, правда, несколько рыболовных траулеров вчера – видать, ньюфаундлендские рыбаки на промысел вышли, но они на нас внимания не обратили, равно как и мы на них. Заметили, да и все, у всех свои дела и свои пути, всем удачи.

Итак, восемь узлов. А между тем тысяча миль морских уже позади, уже пройдена, растаяла пенным следом за округлой кормой «Проныры». Топлива даже меньше тратим, чем ожидали, – идем с теплым океанским течением Гольфстрим, которое несет нас почти что туда, куда нам и нужно. Такое дело очень радует, да и движемся с опережением графика, пока в пути всего пятеро суток. Это именно мы восемь узлов даем, а ведь у течения тоже своя скорость имеется.

Впереди, если все пойдет по плану, Амстердам. В Амстердаме нам надо высадить Дрику. Не просто высадить, естественно, а для начала узнать, где ее мать, к которой она едет. И что там вообще в Амстердаме делается, не превратился ли этот старый город на каналах в подобие покинутого нами недавно Нью-Йорка. Если город в норме и мать найдем – расстанемся. Если нет, о чем думать не хочется, – будем думать дальше. Придумаем что-нибудь, это дело понятное. Пока придумывали, по крайней мере.

Путь нашей лодки предварительно был проложен на британский Плимут, откуда мы намеревались свернуть в Ла-Манш, или Канал, как называют пролив англичане. Хотелось взглянуть с борта и на британский берег, и на французский, понять, во что вылилось нашествие

мертвецов для Европы. Очень уж слабая надежда была на ее выживание, если откровенно. Тут и скученность, и невооруженность населения, и либеральные правительства, и маленькие слабые армии – все против них. Никакого просвета, если честно. Вспоминалась маленькая Швейцария, где каждый военнообязан и хранит дома автомат, но и этого, как мне кажется, совсем недостаточно. Что взять с населения страны, не воевавшей ни с кем сотни лет и всегда старавшейся держаться подальше от любой заварухи?

Не знаю, не знаю. Вот не верится в счастливый исход – и все тут. Впрочем, нам в Швейцарию точно не по пути. Берег французский, берег бельгийский, а следом за ним – голландский. Все, первый пункт нашего путешествия будет достигнут, можно радоваться.

Сэм... Сэм до сих пор не сказал о своих планах. Сойдет на берег в Голландии или пойдет дальше со мной, до самого Питера, – пока ни гугу. Ну я и не настаиваю: придет время – скажет. Может, он и сам пока не решил и присоединился к нам лишь потому, что ему было нечего делать.

Коту, прибившемуся к нам еще в Аризоне, все равно, как мне кажется. Он спит сейчас прямо у меня за спиной, на диванчике, предназначенном для отдыха подвахтенного. При этом он меня сменять на посту не собирается, так что занимает его без всякого на то права – узурпировал, можно сказать. Но тут ничего не поделаешь, все их кошачье племя такое.

Топлива нам до Питера не хватит – там еще полторы тысячи миль ходу, маршрут извилистый, но подозреваю, что в Европе им можно будет где-нибудь разжиться, в каком-нибудь порту или марине – взять да и слить. Проходили мы уже это дело, разобрались, как надо действовать. А вот что там, в Питере... этого не знаю и представлять боюсь. На ум опять приходит недавно покинутый Нью-Йорк – гигантский мертвый город, разлагающийся как труп, каким он, в сущности, и является.

В Питере флот. Если точнее, то в Кронштадте, но флот – это уже всерьез. Думаю, что Кронштадт отобьют и беспредельничать у берегов не дадут. Надеюсь на это, по крайней мере, – что мне еще остается. Есть еще Калининград неподалеку, как запасной вариант. А чем плохо? В любом случае если доберусь до русских берегов – дальше справлюсь. У меня и мотоцикл есть, эндуро, вон прямо рядом со шлюпкой стоит, замотанный в пластиковый чехол, у меня и оружия полно, и патронов – всего с запасом. Разберусь. Или разберемся, это уже как сложится.

Надеешься на то, надеешься на это, и все эти надежды и есть единственный способ прогнозировать события. Нет телевидения, нет Интернета, нет радио – ничего нет. Все наугад. И наугад, самое главное, то, за что я все время норовлю найти себе как можно больше проблем: семья. Где они? Что с ними? Все ли в порядке? Это то, что не дает нормально спать, что посылает плохие сны, что заставляет думать о чем угодно – лишь бы не думать о главном. Жена. Дети. В общем, те люди, что составляют сам смысл моей жизни, без них она лишена какой-либо мотивации. Нет их – зачем жить самому?

Но в моей надежде на лучшее нет ничего иррационального. У них был, как говорят американцы, *head start*, говоря по-нашему – фора. Они были за городом, когда пришла Беда, они были в крепком большом доме с запасами еды и воды, и самое главное – у них было оружие. Не мой нынешний арсенал, естественно, но два новых и добротных дробовика с несколькими сотнями патронов – на тот момент настоящее сокровище. А еще с ними был брат жены, Володя, человек большой, сильный, отслуживший и на диво оборотистый, у которого к тому же была на попечении беременная Настя, так что еще и стимул шевелиться. Позже я узнал – связь тогда еще была, – что ему удалось разжиться у военных, которые начали раздавать оружие на заправках вокруг Москвы, еще и ППШ¹, и двумя пистолетами ТТ, и целым цинком

¹ Пистолет-пулемет Шпагина.

патронов. В общем, должны были устроиться в безопасности, на мой взгляд, тем более что в поселке – мы жили за городом – было еще немало людей.

А пока... а пока надо добраться до страны под названием Королевство Нидерландов – это задача-минимум. Туда мы и идем. Ползет отметка на карт-плоттере, рассечен прямой линией нашего курса экран навигатора, радар «Фуруно» честно демонстрирует почти пустой экран – нет в океане никого настолько большого, чтобы обозначать себя метками. Пустота, как я уже сказал.

Сзади слышались шаги, в рубку вошел Сэм, на ходу вытирая руки полотенцем.

– А что ты здесь, а не наверху? – вроде как удивился он. – Погода прекрасная, да, сэр, загорал бы.

Над головой еще одна рубка, открытая – специально для тех, кто желает принимать солнечные ванны, так сказать. Называется «летучий мостик».

– Неохота, – покачал я головой. – Здесь кресла мягче.

Действительно, вдоль панели управления выстроились в ряд три невероятно удобных вращающихся кресла, обтянутых кожей сливочного цвета. Сядешь – и вставать неохота. Наверху сиденья виниловые, жестче будут, нет такой благодати для сидалища.

Сэм взглянул на часы, сказал:

– До вахты полтора часа еще, спиннинг заброшу.

– Ага, давай, – кивнул я. – Тунец хороший не помешал бы.

После «консервной и сухпайковой диеты», которой мы вынуждены были придерживаться во время нашего путешествия через Америку большинство времени, возможность ловить рыбу была прямо праздником как для души, так и для желудка. Первый выловленный тунец, большой, обтекаемый, толстый, одарил нас несколькими килограммами суховатого и плотного темно-красного мяса, превратившегося на сковородке в такие же плотные, только уже сероватые стейки, на удивление вкусные. Следующая попытка рыбачить почти сразу же завершилась следующим тунцом, а сейчас Сэм рассчитывал выловить уже третьего. Ну удачи.

Оставив лодку на попечение автопилота, пошел на кухню, которую язык никак не поворачивался называть камбузом – очень уж шикарно она выглядела, у меня такой и в доме подмосковном не было, пожалуй. Налил воды в чайник, включил. Надо же, тут у нас опять все блага цивилизации появились – и душ горячий, и электричество в сети, и даже кондиционер есть, который никто не включает, правда: и так свежо, – и топливо экономится.

Вот почему Москва не на берегу моря, да еще какого-нибудь теплого? Так бы туда и дошел, с комфортом и горячим душем. Ну и кондиционером, пусть и выключенным, разумеется. И жить вполне можно на борту «Проныры», причем очень неплохо жить. Интересно, люди где-нибудь пришли к идее селиться на борту, например, больших круизных судов? Там и генераторы большие, и кают много, и охранять от вторжения такое место легко. Ладно, увидим, чего сейчас гадать.

Москва – порт пяти морей. Ха-ха. Каналы, шлюзы – кто там кого теперь пропускать будет? Всю жизнь мечтал жить где-нибудь у моря, да так и не получилось. Может быть, все же теперь с семьей куда-нибудь в подобное место перебраться? А куда? В Питер? Так там непонятно что есть придется: места-то не слишком сельскохозяйственные, Поволжье этот самый Питер кроет как кит воблу с таких позиций. А позиция «пожрать» – она куда как сильная в любом планировании, базовая, можно сказать.

Ладно, все равно пока проблема в том, чтобы добраться. Доберусь – и видно будет, там придумаю.

Чайник быстро вскипел, щелкнув выключателем, кипяток тугой парящей струей полился в кружку, быстро окрашиваясь от болтавшегося там чайного пакетика. Две ложки бурого тростникового сахара – и можно обратно на мостик, смотреть на пустынный горизонт Атлантического океана.

10 мая, четверг, утро. Северная Атлантика, где-то в самой середине

Дни тянулись за днями, мили за милями, и ничего, абсолютно ничего не происходило. Даже пейзаж не менялся. Погода радовала до последнего дня. Легкий ветерок, к тому же еще и попутный, небольшая волна, которой даже не под силу было сколь-нибудь заметно раскачать «Проныру», приглушенный гул дизеля – его уже перестали замечать. Все в штатном режиме. Даже режим вахт нарушился – мы обнаружили, что так жить скучновато, и менялись уже «творчески», выгадывая время так, чтобы можно было хотя бы всем вместе за стол сесть, пообщаться.

По ощущениям, как ни странно, это все напоминало отдых на даче, особенно после того, как я нашел в кухонном ящике газовый гриль и начал на нем жарить вполне пристойный шашлык из неизменного тунца – только он у нас и ловился почему-то.

Утро же четверга встретило нас не так ласково, как раньше. Ветер стал резче, холоднее, а горизонт к юго-востоку заметно потемнел.

– Похоже на шторм, – сказал Сэм, при этом не открыв мне ничего нового: я сам как раз об этом и думал.

– Похоже, – согласился я с ним. – Очень похоже. Что делаем?

– Не знаю, – пожал он плечами. – Попробуем взять северней? К северу, да и прямо по курсу небо пока чистое.

– Давай, – вздохнул я, склонившись над карт-плоттером и внося поправки в курс. – Не думаю, что получится придумать что-то умнее.

Дрика, стоявшая рядом с нами, хоть и была самым опытным из всех мореплавателем, лишь качала головой. Ее опыт тоже измерялся несколькими поездками на яхте ее дяди, так что все мы представляли прекрасный образец дилетантов, взявшихся не за свое дело. Единственное, что я помнил про штормы, так то, что судно все время надо стараться держать носом к волне. Что делать, если волна идет с той стороны, куда тебе категорически не надо, я не знал. И похоже, что этого не знал никто из нас.

Несколько следующих часов прошли в тревожном ожидании. Горизонт темнел, становилось пасмурно, ветрено, волна пошла частая и резкая, с заметным плеском колотящаяся в скулу «Проныры». Стало прохладно, все натянули штормовки.

К середине дня стало ясно, что идея с отклонением от курса была не слишком продуктивной: шторм шел к нам по диагонали, зато очень широким фронтом, так что обойти, похоже, его никак не получалось. Надо было просто поворачивать назад, чтобы его избежать, но такую идею даже рассматривать никто не собирался. Да и догонит ведь наверняка.

– Значит, так, – сказал я, почесав в затылке, – надо закрепить все, что у нас не закреплено. Это я точно помню, из детских книг. А потом еще раз проверить, точно ли закреплено все, чтобы не обнаружить, что потом мотоцикл, скажем, нырнул в воду. Дрика, давай тогда ты на штурвал, а мы с Сэмом займемся осмотром хозяйства.

Авральные работы у нас прошли за час примерно, убрали и закрепили все, что могло стронуться с места. Затем собрались в рубке, куда перевели управление с «летучего мостика». В отличие от мостика здесь было тепло и даже качало немного меньше – мы находились ниже. Захлопнулась дверь на палубу, окончательно отделив нас от непогоды. Вместе с тем ветер становился все резче, волна – выше, с гребней начало срывать брызги, попадающие на стекла, – приходилось включать стеклоочистители. Вставшая за штурвал Дрика сменила курс, развернув «Проныру» курсом к волне, – бортовая качка стала слишком чувствительна, а шторм даже еще не начался.

– От маршрута отклоняемся, – сокрушенно вздохнул Сэм, увидев, как на экране навигатора к синей линии курса добавилась еще и красная, тянувшаяся от стрелки, обозначающей положение судна. И красная отодвигалась от синей все дальше и дальше.

– Выбора нет, – сказала Дрика. – Это единственный курс, которым мы сейчас можем идти.

– И куда он нас ведет?

Я потыкал пальцами в стрелки масштабирования карт-плоттера, затем ответил Сэму:

– Куда-то на стык Испании и Португалии. Не так все страшно – места обитаемые, разберемся, что там к чему.

Он только хмыкнул в ответ, затем сказал:

– Хорошо, что вчера сообразили все топливо из бочек в танк перекачать. Похоже, расход у нас резко подскочит.

Темный край неба наводил меня на схожие мысли. Мало того что наш курс будет против волн и ветра, так он еще выйдет из течения Гольфстрима, скорость должна упасть сильно. Хорошо бы, до берега солярки хватило. Должно хватить. Надеюсь.

О том, что ждет нас впереди, думать не хотелось. Сводок погоды давно уже никто не передавал, и мы ни малейшего понятия не имели, что за шторм идет нам навстречу. А у «Проныры» был свой предел мореходным способностям, и если то, что нас ждет, в этот лимит не укладывается... можно даже не продолжать.

Было страшно, но как-то умеренно страшно, с примесью фатализма: чему быть – того уж точно не миновать. А глядишь, еще и миновать удастся. Весь наш поход слишком смахивает на авантюру – трудно удивляться очередной опасности.

10 мая, четверг, день. Северная Атлантика, где-то в самой середине

Килевая качка все усиливалась и усиливалась, но пока «Проныра» с ней справлялся. К счастью нашему, шторм, идущий с юго-востока, пока был умеренным. Будь мы на борту упущенного нами в Хьюстоне контейнеровоза «Алисия», например, мы его, возможно, особо и не ощущали бы, но наш восьмидесятифутовый траулер болтало изрядно. Он то с усилием карабкался на идущий навстречу пологий водяной холм, то срывался по его обратному склону вниз, скользя как большой неуклюжий серфер. В самой нижней точке его высокий форштевень выбивал целое облако брызг, летевших навстречу, в стекло рубки, по которому размеренно сновали туда-сюда длинные щетки.

Дрику сменил я, но она далеко не ушла – сидела в соседнем кресле, попивая минералку с лимонным соком. К счастью, пока морская болезнь никого не одолела, и причина этого была понятна – никто не уходил в каюты, все смотрели вперед. Укачивает обычно того, кто не видит идущей навстречу волны и чей организм воспринимает каждый прыжок или провал как сюрприз, выжимая из вестибулярного аппарата все возможности. Не поможет такой способ – есть и другой: алкоголь в умеренных дозах. Так вроде нельзя, но, учитывая, что присматривать за нами некому, то по чуть-чуть даже можно. Если подопрет.

– Надолго это, интересно? – спросил Сэм, не обращаясь ни к кому конкретно.

– Может быть, до самой Европы, – пожал я плечами. – Это же не ураган, как в Техасе, это просто непогода, а она бывает и по несколько дней подряд. Сам знаешь.

– Знаю, да, сэр, – мрачно согласился он.

– У нас так бывает недели по две или три, – добавила Дрика. – Дождь, ветер, хоть вообще из дома не выходи. Нормальная погода.

12 мая, суббота, день. Северная Атлантика

Шторм не успокаивался уже два дня и постепенно начал всех нас выматывать. Спать как-то толком не получалось – мешала качка, заявляла о себе морская болезнь, стоило только лечь. Даже алкоголь помогал временно, пока «доза работала». Отдыхали в креслах на мостике, сменяли друг друга у штурвала по просьбе «дать отдохнуть». Лица у всех бледные, под глазами синяки. Но как-то пока справлялись. Один кот почти никак не реагировал на качку, разве что удивительно много спал – даже для него сверх нормы, хотя обычно Тигр старался посвящать этому полезному занятию все свободное время, не занятое едой.

Волны катились навстречу большими, пугающими серо-зелеными холмами, брызгающими пеной со своих вершин. В небе ни единого просвета, сплошные тяжелые, цвета свинца, тучи, дождь поливает как из душа, навстречу, превращая изображение в стекле рубки в подобие картины авангардного художника, всеми силами избегающего четких линий и очертаний, – все плывет, все размазывается, все теряет свою форму. И в голове подобная картина – сказывается утомление.

18 мая, пятница, день. Северная Атлантика

Больше недели непогоды добивало всех. Наш крошечный экипаж дошел до последней стадии вымотанности, но шторм все не утихал. Вместе с тем морская болезнь немного отступила – организм адаптировался, а дикая усталость вроде даже наладила сон. Опять назначили вахты так, как и положено, – циклически, вахтенный, подвахтенный, отдыхающий, – по четыре часа. Отдыхающий удалялся в нашу единственную неразгромленную каюту, а подвахтенный пытался уснуть на диване в рубке.

Радар упорно показывал отсутствие какого-либо движения в океане: ни судов, ни лодок – ничего. Пустота, только одни мы, пробирающиеся меж уверенно катящихся куда-то к северо-западу водяных валов. Наш курс упорно вел вдаль от главной цели – входа в Ла-Манш, – мы шли навстречу волне и отворачивать не собирались. Нельзя нам было отворачивать: потом нем к чертовой матери с нашими умениями.

Запасы топлива таяли предсказуемо быстро, все получилось именно так, как я и рассчитывал: непогода порушила все наши планы. Но это как раз расстраивало меньше всего – мы все равно приближались к Европе, а Европа – это такое место, где люди всегда жили очень плотно, и побережье тоже не пустовало. Найдем способ добраться туда, куда нам надо, – нам бы под ногами твердую землю ощутить, а уж потом... для твердой воли нет преград.

Хуже другое: оптимальный курс упирался в воронку Кадизского залива, и вот это напрягало. Направление волн давало нам некий простор для отклонения к югу, но тогда мы упирались в Африку, и уж она нам нужна была меньше всего на свете. Отклоняться же к северу толком не получалось – мы разворачивались так, что волна била бы нам в правую скулу, и к чему это приведет... Мы хоть и на судне, а маневрируем как на плоту – нет у нас умений для большего, идем как несет, как получается. А получается в Кадизский залив.

24 мая, четверг, ночь. Средиземное море, побережье Андалусии

Волны в заливе короче океанских, какие-то резкие и суматошные. Задавленная было морская болезнь возродилась в нас всех с новой силой: амплитуда качки сменилась. Я принял волевое решение приступить к лечению алкоголем, и это предсказуемо помогло. Заодно и страх навалился, потому что, когда опустилась ночь, мы были у самого Гибралтарского пролива. И там на радаре впервые увидели как очертание берегов, так и большое судно. Судно пронеслось мимо нас, влекомое волнами, – немалых размеров сухогруз, лишенный экипажа, полузатопленный, с волнами, перекатывающимися через палубу: видать, сорвало откуда-то с рейда.

На нашем левом траверзе находился большой испанский порт Альхесирас, но зайти в него не смогли – как только волны стали бить в борт, качка усилилась настолько, что пришлось держаться за что попало, чтобы устоять на ногах. Мы были как человек, который никогда не видел льда и теперь, разогнавшись по гололеду, не мог повернуть туда, куда хотел, и был вынужден нестись прямо, надеясь остановиться где-нибудь и не упасть до этого момента. Наверное, бывалые моряки надорвали бы животы от смеха, наблюдая за нами, но мы бывальными не были. Мы и моряками не были никогда, нам даже скромное звание дилетантов морского дела пока не грозило, и то, что мы вообще оказались в этом месте, можно отнести лишь на счет небывалого везения.

Но все же наша сверхосторожная тактика принесла свои плоды – после того как мы все же втолкнули себя в горловину пролива. Сразу же после Гибралтарской скалы с ее английской базой, с которой нас запросили по радио и которой мы просто не стали отвечать, утонувшей в ночи где-то на левом траверзе, волна пошла на убыль. Нет, штиль вовсе не настал, было по-прежнему ветрено, но волны стали куда менее крутыми и высокими. Даже по сравнению с теми, через которые мы карабкались в океане, не говоря уже о заливе, где нас трепало как цветок в проруби.

– Ты чувствуешь? – с затаенной радостью спросила Дрика, оглядываясь, хоть за стеклами рубки ничего не было видно. – Легче, да? Ты чувствуешь?

– Еще бы не чувствовать, – засмеялся я. – Кажется... боюсь сглазить, но кажется, мы живем. И кажется, мы дошли. Пусть в Испании, но мы все же в Европе, ты это понимаешь? Я буду двигаться к берегу, здесь вот сколько портов... – Я потыкал пальцем в экран. – Как раз к рассвету доберемся примерно в этот район. И к волне бортом поворачиваться не надо, разве что так... чуть-чуть.

Направление ветра и волн тоже сменилось на куда более выгодное для нас. Пусть «Проныру» еще качало, пусть из-под форштевня летели брызги, пусть вся наша информация об окружающем мире поступала с экрана радара и навигатора, потому что видно не было ничего – ни луны, ни звезд, – но мы были совсем близко от берега.

24 мая, четверг, утро. Спортивный порт в Пуэрто-Банусе

Сначала мы увидели очертания гор, поднимавшихся словно бы из воды, прямо из волн. Смесь сочной зелени и серых скал под серым дождливым небом. Тучи нависали прямо на вершины, запутавшись в них, как шерсть в репейниках. Постепенно они росли, затем показались очертания светлых домов на их склонах и берегу моря, а потом мы увидели маяк. Небольшой такой, аккуратный, белый в красную полоску маяк – вход в гавань. В гавань, за высоким бетонным молом которой виднелись очертания надстроек и мачт больших яхт, а за ними – белые дома. Красиво было, кстати, до изумления, вид как с открытки.

Перекинув рукоятку управления двигателем на «полный ход», Дрика, стоявшая сейчас за штурвалом, направила «Проныру» в створ между волноломами, ограждающими порт от волн и непогоды. Волна раскачала траулер, ставший к ней боком, и в какой-то момент показалось, что нас несет прямо на бетонную стену, Дрика даже заныла испуганно, выкручивая штурвал, но справилась. И после того как судно вошло в длинный проход, качка резко прекратилась. Вообще. Совсем.

Раздался дружный выдох, затем все заорали, засвистели, запрыгали. Есть. Все. Берег. Конец мытарствам. Что бы ни ждало нас впереди, но переход через океан остался за спиной. Мы справились. Мы выжили. Мы живы. И мы доберемся туда, куда нам нужно.

Быстро теряя ход, «Проныра» зашел в марину, и я присвистнул, глянув на нее. Куда там нью-йоркскому «Яхт-клубу Линкольна», из которого мы угнали свой траулер. Тот яхт-клуб выглядел прибежищем нищевродов по сравнению с открывшимся нам великолепием марины Пуэрто-Бануса. Да и меньше был намного.

– Ни хрена же себе, – только и сумел я сказать, глядя на ряд яхт, выстроившихся вдоль самого дальнего пирса.

Другие пирсы тоже были заполнены лодками далеко не сиротского калибра. Если в своем порту «Проныра» стоял в самом последнем ряду, с самыми большими лодками, гордясь превосходством, то здесь ему место было бы где-то в середине, скромненько так.

Набережная с магазинами вроде «Армани» и «Луи Виттон», между магазинами – рестораны, бары... За ними – дома с роскошными пентхаусами. Ряды «мерседесов», «бентли» и «феррари» на набережной. А между ними – мертвецы, сидящие, стоящие, бродящие.

– Хорошее место было, похоже, – сказал Сэм задумчиво и добавил свое привычное: – Да, сэр.

Длинные причалы, уходящие в воду перпендикулярно набережной, к нашей радости, были закрыты с той стороны массивными решетчатыми воротами, поэтому на них мертвецов не было. И к самому торцу одного такого мы и причалили – медленно, аккуратно, до конца даже не веря в свое счастье, в то, что мы дошли до другого материка, лежащего по другую сторону океана. Эх, домой бы позвонить, а? Вот прямо сейчас, отсюда, с мобильного... «Дорогая, угадай, где я сейчас?»

– Швартоваться не надо пока, я думаю, – сказал вдруг Сэм.

– Почему? – удивилась Дрика, как раз примеривающаяся со швартовкой к торцу длинного пирса.

– Мы все устали, – ответил он после небольшой паузы. – Да, сэр, я подыхаю от усталости, я уже старый. Надо лечь спать. Всем. А если пришвартуемся, то всем лечь не получится – нужен будет пост. Мертвец без сходен на борт не заберется, а вот «суперу» запрыгнуть – никаких проблем.

Разумно. Сам я чувствовал себя так, что заснуть мог стоя. А сидеть в кресле я уже пару суток как опасался – уснул бы наверняка. Ноги гудели от постоянного стояния, ступни отекали, с трудом умекаясь в обуви. К счастью, проблема швартовки оказалась небольшой – спустили лодку на воду и отвезли на ней тросы швартов к двум соседним пирсам, как бы «растянув» траулер между ними: и устойчиво, и не подберешься – никакой мутант не допрыгнет.

После того как дизель «Проныры» замолчал, наступила невероятная, какая-то даже неестественная тишина. Тихий плеск воды о борт – и все. Даже чаек не слышно: непогода. Я спустился из рубки в салон, открыл бар, вытащил оттуда бутылку шампанского «Баланже» и бутылку «Абсолюта» – так сказать, «начать и кончить». Затем выставил бокалы и рюмки, какими богата была кухня, притащил мельхиоровое ведерко со льдом.

Выставил все на стол. Подошла Дрика, быстро накрывшая еще и немудрящий завтрак. Последним пришел Сэм, сел тяжело на диван, откинувшись.

Содрав фольгу и размотав проволоку, хлопнул пробкой. В воздухе запахло вином, «Баланже» с шипением устремилось в бокалы, вскипая шапками пены и быстро опадая. Подняв свой бокал, я сказал:

– Вот и все. Мы дошли до Европы. Не совсем туда, куда планировали, но это уже мелочи, туда мы доберемся. Мы пересекли океан, хотя по нашему умению мы никак пересечь его были не должны. Я всех нас поздравляю.

Зазвенел хрусталь, все что-то сказали. Потом выпили. В голове сразу зашумело, волна легкой радости прошла по всему телу. Шампанское приговорили быстро. Потом пили водку, по-русски, рюмками, без всякого льда, закусывая оливками из банок. Выдули всю бутылку, неожиданно здорово опьянев: сил не было сопротивляться алкоголю. Да и хотелось напиться – для того я водку и притащил. Напиться в хлам хотелось, если честно, так что мы еще сдержанно себя вели. А потом все разбрелись спать, поручив охранять нас коту. Последнее, что я услышал, погружаясь в сон как в омут, – стук капель дождя по фибергласовому потолку рубки.

25 мая, пятница, утро. Спортивный порт в Пуэрто-Банусе

– Не помню даже, когда мне в последний раз удавалось проспать ровно сутки.

Сэм искоса глянул на меня, усмехнулся, сказал:

– Не ты один. Я встал всего на час раньше тебя. А Дрика вообще решила не просыпаться.

– Пусть Тигр ее поцелует, – буркнул я, – принцессу спящую.

Я чувствовал себя переспавшим. Голова тяжелая, зевота раздражает челюсти, но при этом я все же отдохнул. Хорошо так отдохнул, по-настоящему, всерьез. Потер лицо руками изо всех сил, стараясь «вернуться в кондицию», потряс головой, как лошадь, даже фыркнул, огляделся. Погода оставалась все той же – и не холодно совсем, но мокро и ветрено, и даже отсюда видно, как море штормит.

– Людей не видел? – спросил я.

– Нет, – покачал Сэм головой. – Одни мертвецы кругом. На нас слабо реагируют, разве что вон тот... – Он указал рукой на зомби, пытающегося трясти массивные ворота на входе на пирс.

– Тогда надо искать топливо, что еще остается, – пришел я к выводу. – Сколько там у нас осталось?

– Примерно на девятьсот миль, если погода будет хорошей, – ответил Сэм. – До Амстердама не хватит.

– А если на машине?

– Тогда хватит: у нас почти две тонны солярки, да, сэр. Только мне кажется, что здесь заправиться не так сложно. – Он кивнул в сторону бесконечных рядов белых яхт, почти сплошь моторных.

– Надеюсь, – суеверно-уклончиво сказал я, опасаясь радоваться заранее.

Конечно, путешествие морским путем было бы предпочтительней. Вдоль берега, не удаляясь, имея возможность почти в любой момент укрыться от непогоды – чем плохо? Куда удобней, чем прорываться через континент, на котором неизвестно что происходит. Хотя бы безопасный ночлег гарантирован.

С другой стороны... это ведь две недели как минимум. Еще две недели неизвестности, надежд, ожидания, нервов, дурных снов – так же рехнуться можно очень даже запросто. А на машине... сколько это? Ведь дня за три-четыре реально до Амстердама добраться. И две тонны солярки – это очень много, этого хватит, чтобы доехать на чем-то большом и тяжелом.

– Ладно, разбужу Дрику, и надо будет пошариться по лодкам, – сказал Сэм.

Я лишь кивнул, продолжая разглядывать берег. Мрачная картина: создается ощущение, что вообще вся земля вымерла. Понимаю, что так не бывает, и это место было всегда дорожным курортом, где много людей, много роскошной недвижимости, но все это было беззащитно против мертвецов. Люди просто не станут оставаться в таком замертвевшем месте, отойдут куда-нибудь... да вон в горы отойдут, они тут вполне крутыми выглядят. В горах дорогу перекрыл – и дальше проход только скалолазам.

Нет, пожалуй, все же прав Сэм, неплохо было бы здесь с берегом не связываться. Сольюем солярку из брошенных лодок да и пойдем себе морем помаленьку. Пара недель терпения – и мы на месте, да еще разглядываем его с безопасного рейда, смотрим, кто там вдоль каналов гуляет, живые или мертвые.

Ладно, с терпением все понятно, с нашим терпением. А как быть с терпением у тех, кто нас ждет? Тоже вопрос. На Дрику в последние дни уже смотреть страшно становится – она хоть и молчит, но уже извелась от ожидания.

Хотя сейчас у нее вид был еще почище моего. Мне показалось, что она вышла на мостик с закрытыми глазами. Ну с полуоткрытыми, в крайнем случае.

– Как ты? – спросил я ее.

– Проснуться не могу, – тихо пробурчала она и широко зевнула, прикрыв рот ладонями.

– Не ты одна. Ладно, готовим завтрак и займемся поиском топлива.

«Готовим» было сказано сильно – скорее, следовало просто открыть консервы и упаковку сухих хлебцев, разве что включение чайника немного соответствовало термину. Зато времени много это все не занимало, и через пару минут все сидели за столом в салоне, жуя уже опостылевшие бутерброды и запивая их чаем. Лафа со свежими тунцами закончилась с приходом шторма.

– Кстати, здесь прямо в порту рыбы полно, – вдруг сказал Сэм, словно перехватив мои мысли. – Большая такая рыба, и много.

– А какая?

– Не пойму, – развел он руками. – Пока что-то не поймает – не разберемся.

– Надо попробовать, – согласился я.

Лодку вчера наверх не поднимали, она так и стояла у борта «Проныры», притянута тросом. Так что нам с Сэмом осталось только вооружиться и спуститься в нее. Дрика осталась на верхнем мостике, со снайперским «штайром»: прикрывать и вести наблюдение.

– Повнимательней, особенно когда мы будем по чужим лодкам лазить, – наставлял я ее. – Увидишь хоть что-то непонятное – сразу дай знать.

– Хорошо, – кивнула она, откидывая сошки винтовки и устанавливая ее на парапет, огибающий полукруглый диван «летучего мостика».

Я загнал патрон в патронник короткого автомата «коммандо», поставил оружие на предохранитель. Сэм повторил мои действия и встал за штурвал «зодиака». Отвязали швартов, затахтел негромко подвесной мотор, и лодка плавно отвалила от борта траулера.

Так, начинать надо оттуда, где на борт легко забраться. Если идти к тем мегаяхтам, что выстроились в рядок дальше, то там сначала придется выбираться на пирс... который, кстати, ничем не защищен – они прямо к прогулочной набережной, променаду швартовались. А вот все остальные пирсы защищены, у них ворота есть на стыке с набережной. Или закрыть успели, или бардак здесь начался ночью и их вообще не открывали. Не то чтобы великая защита от зомби – иной мертвяк легко сообразит, как перелезть, – но стимула у них не было, наверное. Судя по перевернутым стульям в кафе и ресторанах, битым стеклам и разбросанным костям, тут все случилось достаточно неожиданно. Паника, суeta, затем все умерли. Или убежали, надеюсь, потому что слишком много умерло в этом мире, хватит уже.

Лодка медленно подошла к причалу, втиснувшись между белыми большими яхтами, ткнулась в бетон надувным упругим бортом. Я быстро накинул трос на утку, подтянул.

Выбрались на пирс – и я тихо рассмеялся: было странно ощутить под ногами твердую землю вместо палубы. Тоже ведь приятное ощущение, отвык ведь начисто.

На набережной началось небольшое оживление: несколько мертвецов подошли к решетке, встали, уцепившись гнилыми руками в никелированные трубы, из которых она была сварена.

– Ты лучше на палубе постой, последи за ними, – сказал недовольно поморщившийся Сэм. – Найти танк я и сам сумею, ты там не нужен.

– Ты осторожней, тут где-то и дохлый хозяин может ошиваться, – предупредил я его.

– Он бы вонял хоть немного, – ответил Сэм, вытаскивая из кобуры «кольт». – Но за заботу спасибо – буду осторожен.

Стеклянные двери в салон не были заперты, Сэм вошел, остановившись на пороге на минуту, потом исчез из поля зрения.

Я топтался на палубе, стараясь одновременно смотреть во все стороны: из памяти еще не выветрился случай в яхт-клубе Мальборо, что на реке Гудзон, где на меня напал и чуть не покусал зомби, на которого я напоролся при осмотре лодки, – только чудом отбился. С тех пор некая фобия образовалась, пожалуй что и полезная. Сейчас любые фобии полезны, от них целее будешь.

Сэм вышел на палубу через минуту, явно очень недовольный, сказал:

– Откачали топливо.

– Может, закончилось? – предположил я.

– Не думаю: там явно кто-то слив вывинчивал, – с сомнением сказал он. – Ладно, глянем следующую лодку.

Все лодки в бухте нам осмотреть не удалось – их там были сотни, но в паре десятков, тех, которые мы все же посетили, горючего не было ни капли. Зато следы посещения их людьми становились все очевидней и очевидней. Здесь инструмент забытый, там шланг подрезали, где-то еще что-то. Говорить про заправку, разместившуюся на конце пирса, ограничивающего док для суперяхт, вообще смысла не было – все люки открыты, ни капли топлива.

– Все украдено до нас, – сказал я вслух, после того как мы вернулись на «Проныру».

– Попробуем найти еще порт? – предположила Дрика. – Их здесь должно быть много. Мы с мамой сюда приезжали пару раз, летом, немножко помню. Можно на «зодиак».

Я с сомнением посмотрел на стену волнолома. Затем сказал:

– Выходить в такую погоду нам все же не стоит: судьбу испытывать. Даже на «Проныре», а «зодиак» наверняка не пройдет. Надо ждать, когда погода исправится.

– А потом? – спросил Сэм, стоявший с чашкой кофе в руке. – Если кто-то так тщательно прошелся по одной марине, то почему он не мог пройти и по остальным? Времени прошло много, да, сэр, успели бы все слить. Видно же, что приходили с моря и морем же уходили обратно. Так можно долго искать.

– А что предлагаешь? – обернулся я к нему.

– Пока не знаю, если честно, – ответил он. – Но если мы найдем хороший грузовик, то нам горючего хватит докуда угодно. И мы доберемся намного быстрее.

– На лодке не так страшно, – откровенно сознался я. – К хорошему быстро привыкаешь. И после Амстердама на ней путь понятен.

– Если найдем топливо, то почему нет? – пожал плечами Сэм. – Но можем и не найти. Это не Техас, здесь больших нефтехранилищ быть не должно, как мне кажется, так что вполне могли слить все, до чего дотянулись.

– Да, пожалуй, – осталось согласиться мне. – Или засели там, где оно осталось, как в Техасе, к слову. Для начала надо искать машину. А заодно выяснить, как лучше прорываться на берег. Это все, – я кивнул на забитую мертвецами набережную марину, – совершенно не вдохновляет.

– Можно вывезти тебя куда-нибудь на лодке, когда погода исправится, – сказала Дрика.

Мысль разумная, да непохоже было, что погода намерена исправляться. Ветер, дождь, хотя и не холодно. Юг Испании, чего же вы хотите, тут до Африки рукой подать. Можно бы подождать, но... домой очень хочется. И расслабляться нельзя: сделаешь себе одну поблажку – и завтра сделать вторую станет куда легче. Нет, надо сразу начинать шевелиться. Хотя бы разведать окрестности – не думаю, что такая плотность мертвяков на квадратный метр и дальше тянется. Тут что-то другое... видать, местечко популярное раньше здесь было, вот и тянутся, или что другое.

– В общем, так, – сказал я, – надо чистить набережную. Сначала с мостика, с оптикой, потом... потом видно будет.

– А для чего? – спросила Дрика.

– На мотоцикле прокачусь. Посмотрю, что здесь и как.

– А мы?

– А вы здесь подождете. Только пару канистр с соляжкой на мотоцикл назад подвесим, на случай если что-то найду подходящее, а бак будет пустой.

25 мая, пятница, день. Спортивный порт в Пуэрто-Банусе

– М-да, – сказал я, откладывая заметно нагревшуюся М-16 с оптикой. – Они все же сообщают.

– Все равно хорошо почистили, – сказал Сэм, оглядывая набережную, на которой появилось немало трупов уже окончательно упокоенных. – Теперь надо быть аккуратным и очень быстрым. Не теряй времени и не теряй головы.

– Это понятно, – согласился я и пошел к шлюп-балке, под которой уже болтался мотоцикл – синяя «Ямаха ХТ-600», довольно уродливый с виду, но лихой и проходимый эндуро.

Дрика медленно-медленно подавала яхту к причалу, точнее, к набережной, от которой они отходили. Расстояние между последним пирсом, где выстроился «парад тщеславия» в виде самых больших яхт, и следующим было достаточным для маневра. Ну и, кроме всего, следовало прижаться бортом: спустить что-то с кормы шлюп-балка не могла – не хватило бы длины.

Кстати, мечты о том, что в бездонных танках суперяхт осталось топливо, развеялись сразу, едва мы вошли в этот док. В борту каждой из них была грубо пробита немалого размера дыра, через которую, по всему виду, внутрь шланг и подавали. Не тащить же его по всем изгибам судовых коридоров! Кто-то слил все, до последней капли, не пропустив ни единой посуды. А пробивали, похоже, взрывчаткой, что тоже наводит на мысли о серьезном подходе к делу.

Со швартовкой справились легко, простор для маневра был, и, пока Сэм с Дрикой, вновь вооружившись винтовками, меня прикрывали, я спустил мотоцикл на асфальт, попутно задев капот темно-синего «бентли», стоявшего наискосок.

Заранее прогретый мотор запустился с пол оборота, и я, мысленно перекрестившись, толчком ноги воткнул первую передачу и тронул машину с места. Качнулись длинноходные амортизаторы, и я покатил по набережной, старательно объезжая трупы и мусор, которого здесь тоже хватало.

К счастью, выезд из порта нашелся сразу, совсем неподалеку. Я опасался, что придется ехать направо, по всей длинной и загроможденной набережной до дальнего ее конца, но на ближайшем углу, возле бара под навесом с перевернутыми стульями и огромными пятнами застывшей крови на полу, обнаружился выезд из порта, прикрытый опущенным шлагбаумом. Похоже, что раньше всем подряд в этот порт ходу на машине не было – только тем, «кому положено», и даже пешеходная калитка была предусмотрительно прикрыта турникетом, чтобы не дать заезжать мотоциклистам.

Добротный такой желтый шлагбаум между двумя колонками, в одной переговорное устройство и прорезь, для того чтобы совать в нее пропуск. Пропуска у меня нет, да и колонка не работает. Сломать эту конструкцию с ходу у меня бы не получилось: выглядело все довольно капитально. Кроме того, это место никак в сектор обстрела с лодки не попадало и было «нечистым», так что не следовало и задерживаться.

Я огляделся. Улица, параллельная набережной, заваленная грязью, мусором и битыми стеклами, вела куда-то вдаль, и по ней ко мне как-то неторопливо, словно спросонья, но неумолимо, как сама смерть, уже приближались несколько мертвяков. Я выматерился, рука непроизвольно скользнула к короткому «коммандо», висящему на боку, но затем я заметил вполне нормального вида дорожку, идущую вдоль разбитой витрины ювелирного магазина, к тому же еще и выгоревшего изнутри. И эта самая дорожка вела к газону, по которому вполне можно было преодолеть препятствие. Мне осталось только сделать мертвякам ручкой и прибавить газу.

Мотоцикл взвыл в развороте на месте, легко вскарабкался на бордюр, я лишь толкнул руками рукоятки, сжимая переднюю подвеску, затем заднее колесо попыталось пробуксовать по мокрой траве, местами подросшей от нормального газонного размера, а местами уже и выгоревшей до желтизны, но я мотоцикл удержал. И через секунду соскочил на гладкий как стекло асфальт круглой площади с фонтаном посередине, окруженным со всех сторон домами – такими... пышными, иначе и не скажешь, что мне осталось только присвистнуть. Всякое видал, но тут место шибко богатое. Было.

Куда дальше? У нас ни карт, ни навигатора – вообще ничего для этих краев. И я тут раньше не бывал, не довелось. Два бульвара с пальмами посередине, оба засыпаны этими самыми пальмовыми листьями, бурными и мокрыми, – на таких, кстати, поскользнуться на мотоцикле очень даже запросто. Аккуратненько надо, тем более что мертвяки видны. Не то чтобы толпа, но есть, есть, и активные такие, подвижные. Точно, это у них от погоды, еще в Техасе насмотрелись. Водный баланс организма восстанавливают. Шутка такая. А может, и не шутка? Почему бы и нет.

Так, один бульвар шире и ведет от берега, второй – вдоль берега, и он уже. Ну его, нечего на нем делать. Дал газку и покатил неторопливо по указателю «Нуэва Андалусия», без понятия, что это такое, – район местный, наверное.

Дома с цветными зеркальными стеклами, облицованные светлым камнем и украшенные зеленью, маркизами ресторанов и магазинов, витринами, тянулись с обеих сторон. Мертвецы, видать давно не знавшие здесь никакого движения, останавливались и провожали меня взглядами, но погнался только один, медленный и неуклюжий, и тот запутался в кустах и упал.

Еще круг, с него несколько дорог во все стороны. Если указателю верить, то, поехав прямо, попаду на какую-то трассу. Мне оно надо? Может, и надо: как-то не очень хочется по этому замертвяченному городку колесить, где наверняка ничего полезного не найдем. Хотя... как знать, как знать.

Решил все же прокатиться – разведка ближних подступов и все такое. Свернул с площади направо, поразившись, каким треском вернулось ко мне от стен эхо мотоциклетного мотора. Что значит место брошено – любой громкий звук пугает. Магазины, магазины, салон «Жак Десанж», въезд на парковку... Огромный торговый центр с зеленой витиеватой надписью на стене «Эль Корте Инглез» – «Английский двор», если по-нашему. За ним – «улитка» огромной многоэтажной парковки. Может, там пошариться? А что, и пошаримся, просто не сейчас.

Бары, ресторанчики, суши-бар, магазины, магазины, магазины... Зомби, разумеется. Машин мало, но подземных стоянок много – наверное, все там стоят, скрываются от штрафных талончиков за неправильную парковку. То, что вижу, – не вдохновляет. Нам бы грузовик хороший вроде «шишиги», а тут «кайенны» с «рейнджроверами» сплошные, гламур, блин. Не пойдет, пусть на них вон... зомби катаются.

Опять торговый центр, и опять рестораны, рестораны, рестораны... явно здесь публика отдыхающая по вечерам гуляла. Круг с уродливой статуей, не пойми что изображающей – зомби какого-то в психическом припадке, – развязка под шоссе... ага, точно, хорошее место – вон дилер «Порше», затем БМВ, вон «Классические автомобили» с «ягуарами» пятидесятих годов в витрине. Гулкий короткий туннель, в котором я чуть не перевернулся, налетев на валяющегося зомби, еле мотоцикл удержал, а затем уже дорога... не в ту сторону. Блин, я направо хотел, а в указателях запутался.

Но ничего, здесь разделительный барьер был с разрывами, так что развернулся почти что сразу. На шоссе – ни одного мертвяка, слава богу, разве что мусора и сюда нанесло уже. Листья, трава, все то же самое. Трасса уводит налево, а направо – указатель «Марбелья». Ну да, действительно хорошее место. Туда и проеду, пожалуй.

Странное ощущение, очень странное. В Америке к этому уже привык, а тут все вновь переживаю. Пустота, отсутствие людей, ощущаемое чуть ли не спинным мозгом, словно я все-

гда хотя бы человеческую ауру ощущал, а сейчас это чувство исчезло. Справа тянутся дорожные жилые комплексы и resorts, какие-то небольшие торговые центры, бутики, мебельные магазины и бесконечный парк. Красиво, очень дорого... и страшно. Страшно именно своей заброшенностью и ощущением того, что этими местами правит какая-то другая сила, беспредельно враждебная человеку.

Постепенно пригород сменился городом. Улица сузилась, зажалась, как река в ущелье, стенами домов. Пошли магазинчики попроще. Все уже заметно запущенное, с пыльными стеклами, много разбитых окон, в некоторых домах следы пожаров, особенно заметные и какие-то оскорбительные на белых стенах, каких здесь большинство.

Мертвяков почти не было – так, два-три в поле зрения, неактивных, валяющихся под стенами, хотя обглоданных костей на улицах хватало. Похоже, смерть здесь разгулялась по-настоящему: в той же Юме такого не было даже после окончательной гибели самого города. Юма умирала постепенно, по мере того как ее покидали люди, а здесь, как мне кажется, даже эвакуации толком не получилось. Много брошенных и битых машин, много... всяких нехороших признаков много. Автобус, почти перегородивший улицу, полицейская машина с открытыми дверями – сине-белый «Рено Сеник», в который врезался белый «мерседес», промяв салон почти до самой середины, видны следы крови на лобовом стекле, пошедшем трещинами. Явно была именно паника. И была настоящая атака мертвецов. Растащенных по всей дороге костей полно, смрад от них ощущается даже тогда, когда мимо проносишься: здесь сам воздух гнилью пропитан. А вот следов стрельбы, которыми был богат город в Аризоне, пока я не видел. Ни гильз на асфальте, ни следов от пуль на стенах. Это не Аризона, штат вооруженных людей, здесь оружие отнюдь не у каждого второго.

Заправка, сгоревшая дотла. А прямо за ней сгорел магазин «Хонда», полный всякой техники. Обидно: хороший квад бы не помешал, пожалуй. А теперь там один металлолом почерневший.

А город пуст. Совсем пуст, под ноль, я это просто чувствую. Не могу объяснить как, но чувствую – и все тут. Мертвое это место. И очень плохое.

Сквер с выключенным фонтаном справа, трава, пожелтевшая на всех газонах. Здесь явно все за счет полива держалось – места ведь жаркие и сухие: это сейчас тут дождик, небось за весь год первый. Как поливать перестали, так все и сохнет, и это придает городу вид окончательно убитый. Брошено место, пусто осталось.

Треск мотора возвращается от стен, колотится эхом, где-то за сквером увидел мутанта, самого настоящего, но он за мной не погнался – видать, лень ему или просто я слишком быстро проехал. А вот совсем быстро нельзя: это как по листопаду осенью уже, каток самый настоящий, навернуться – никаких проблем.

Дорога сузилась немного, потом стала шире. Мелькнула вывеска «Госпиталь Ю-Эс-Пи» над многоэтажным зданием, заставив заранее напрячься: помнится, чем стали больницы. Но ничего сверхужасного я не увидел, хотя мертвяков как раз на этом участке немного прибавилось.

Опять заправка, на этот раз с надписью, извещающей, что нет ни бензина, ни дизельного топлива. Ага, спасибо, все понятно. За заправкой какой-то автосервис небольшой, при случае можно заглянуть, мало ли... только потом, если будет время и желание.

Странный памятник посреди фонтана, напоминающий носы затонувших кораблей, торчащие из воды. Что он на самом деле должен символизировать, я так и не понял, но выглядит уродливо. В фонтане плавают два частично обгрызенных и полуразложившихся трупов, мертвая плоть от долгого пребывания в воде приобрела цвет омерзительный, вонь стоит такая, что даже на улице морщишься. Да и вода теперь больше похожа на мерзкий гнилой бульон. Отвык опять же за время океанского перехода, надо привыкать. Разнежился, блин.

На улице мертвяков не было видно. По крайней мере, в поле зрения – черт его знает, что в укромных местах делается. Но притормозить и оглядеться возможность появилась, причем без особого опасения – просторно, все открыто, незаметно не подберешься.

По сторонам широкой улицы, тянувшейся дальше после фонтана, выстроились два ряда деревьев, отгородившие боковые дорожки. А вот за ними я увидел то, что очень заинтересовало: с обеих сторон на фасадах домов «магазинного вида» висели вывески с названиями автомобильных марок. Первой справа, например, виднелась «Тойота». Вообще таких вывесок справа было больше, они шли подряд, а слева – так, две или три, не больше. Поэтому я недолго думая тронул мотоцикл с места и вскарабкался на узкий газон, после чего спрыгнул с него на неширокий асфальтовый проезд.

В «Тойоте» меня ничто через витрину не заинтересовало. Если бы «лендкрузер» там был, а так... И еще там, за стеклянной витриной, мертвяк ошивался. Подошел к стеклу и уставился на меня, возюкая грязными ладонями и оставляя мерзкие следы. Тьфу, гадость какая...

За «Тойотой» пристроился «Форд», с небольшой площадкой перед ним, уставленной распродажными «фокусами», через пыльную же витрину вообще ничего не получалось разглядеть, а слезать с мотоцикла пока было, откровенно говоря, боязно. А вот следующая надпись меня вдохновила намного больше – «Джип».

Ага.

А там что есть?

Витрина стеклянная, видно хорошо... ну ты гля, а? Прямо так и стоит, прямо в салоне, как будто так и надо.

Негромко рыкнув двигателем, мотоцикл вырулил на наклонный пандус и подкатил прямо к дверям. Открытым дверям. А потом я внутрь так на нем и заехал, восхищенно оглядываясь, и на меня никто не кинулся. Было пусто, разве что два маленьких офиса-скворечника у дальней стены плохо просматривались, но мы их сейчас проверим. Главное то, что здесь есть машины.

Вот «гранд чероки», черный и красивый. Неплохо вообще-то. У меня был «гранд чероки», правда, предшествующей модели, мне он нравился. Зря, кстати, врут, что он телом слаб и с проходимостью проблемы, – все у него хоть куда. Вот седан «крайслер», большой и длинный, сверкающий хромом, на фиг не нужен. А вот это...

«Рэнглер». Темно-красного цвета, с мягким верхом. Да еще и четырехдверный: последний писк. Мягкий откидной верх, большие колеса в просторных арках, механическая коробка передач, все очень простенько внутри – классический пляжный вездеход в самой простенькой комплектации, и при этом еще размером с полноценный внедорожник, не то что трехдверная модель. И дизельный, вот что самое главное: мы же в Европе. Фаркопа только нет: к сожалению, их всегда дополнительно устанавливают, уже при продаже, по желанию.

– Офигеть, – честно выразил я свое мнение.

Если я его заведу – первая стадия добычи транспорта будет решена. На нем мы сможем ездить вдвоем с Сэмом, а тот уже заведет что угодно. На мотоцикле вдвоем среди мертвецов все же страшновато, да еще по скользкой дороге.

– Ну-ка, ну-ка... – сказал я, вытаскивая из кобуры «зиг-зауэр» с глушителем и взводя курок.

В правом «скворечнике» никого, в левом тоже. Везде порядок, белые столы, белые стены, разве что пыльно. Давно тут никто не убирался и уже не будет никогда. В той кабинке, что слева, на столе фотография – молодой улыбающийся парень с девушкой. Интересно, кто из них здесь работал? На столе пачка визиток в держателе. Выдернул одну, глянул – Иван Родригез, менеджер. Надо же, даже Иван... Он тут работал, не девушка.

– Так, Ванька, извини, мне тут пошариться надо, – сказал я, отодвигая верхний ящик стола.

Ну вот, даже шариться не пришлось. Коробка с ключами: какие от «рэнглера», сразу видно – они простенькие, с серой головкой, а от «чирка» уже посolidней, с кнопочками. Тут же папочка с руководством, в кармашке папки – ключ от колесной секретки. Вот это хорошо, сам бы не вспомнил и даже не глянул.

Так, все нормально, но мотоцикл прямо в офис. И дверь прикрыть. Я его совсем бросать не намерен – заберем, пусть лучше припрятанным постоит. Но пока на джипе покатаемся, мне как-то спокойней на чем-то таком, большом и железном.

Сел, примерился, подогнал зеркала и сиденье. Все хорошо, все удобно, чудесный запах новой машины, который среди мертвого города ощущается совершенно нереально, вроде как сон или бред. Повернул ключ – джип завелся, резкий трескучий звук дизеля отразился от стен. Лампочка резерва топлива не загорелась, хотя до нее, судя по стрелке, было совсем недалеко. Ничего, у меня двадцать литров в канистрах, это, наверное, километров на двести. Ну чуть меньше, может быть.

Заглушил двигатель, вытащил воронку из рюкзака, неторопливо все перелил в бак из обеих канистр, забросив их в багажник. Все, можно ехать.

С обратной стороны стеклянной витрины стояла мертвая женщина, разглядывая меня. На стекло не бросалась, просто стояла, но я не заметил, как она подошла, и когда встретился с ней взглядом, то испуганно выматерился, отскочив назад и хватаясь за автомат.

Расслабился, оболтус, обрадовался добыче. А она ведь могла не только снаружи оказаться – дверь ведь открыта, а я тут жалом вожу на радостях.

– Иди отсюда, нечисть, – выругался я сквозь зубы и добавил затем, чтобы вроде понятней было: – Fuera!²

Ладно, валить отсюда надо, а то сейчас поналезут. Верить в то, что мой мотоциклетный прогон тут никого не разбудил, все же не стоит. Так... надо ведь еще и выехать отсюда, расслабился, блин. Типа сел и поехал. «Крайслер» дорогу перегораживает, надо двигать.

Опа. Только выбрался из «рэнглера», как в салон зашел мертвяк. Невысокий мужичок, на обвисшем лице которого угадывались индейские черты, – из латиноамериканских мигрантов, видать, их тут много. Уставился на меня своими буркалами, чуть пригнулся, вроде как собираясь броситься, – и получил пулю в лоб. Это я успел выстрелить, разумно схватившись не за автомат, а за пистолет с глушителем. Хлопнуло на манер духовушки, у зомби только башка дернулась, брызнув гнильем.

– Вот так вот, не лезь, – сказал я наставительно, уже не убирая оружия в кобуру, а так и продолжая держать его двумя руками.

Опять пошел в офис к неизвестному Ивану, нашел в столе ключи от машины. Передвинуть ее на пару метров назад получилось быстро, больше «крайслер» не мешал. Интересно, что бы я делал, если бы машины простояли здесь не пару месяцев, а пару лет? Пришлось бы еще и «прикуривать» каждую.

Так. Класс. А я и забыл: вдоль дороги, перекрывая съезд с пандуса, выстроились еще машины, с объявлениями о продаже на лобовом стекле. Хоть одну, но убирать придется. Или фиг с ним, попробовать толкнуть бампером – вон он какой мощный! Нет, не стоит. Видел я, как пытались так столкнуть машину бампер в бампер, а вышло то, что радиатор погнули. Хотя... ключи где искать?

Вышел из салона, огляделся. Так, вообще-то бы здесь уже лучше не крутиться: вон идут помаленьку. Оттуда один, оттуда еще двое... ага, вон еще тянутся. Нашумел. В мертвом городе любой шум далеко разносится. Ладно, пока до них далеко. А вот та, что на меня через стекло смотрела, должна быть здесь, где-то совсем близко.

² Убирайся! (исп.)

Заглянул за угол. Зомби так и стояла, глядя в окно, – похоже, не могла сообразить, куда я делся. Но стоило показаться, как она сразу оживилась – обернулась резко, оскалив грязные, покрытые коркой запекшейся крови зубы.

– Да щас! – сказал я и выстрелил.

Негромкий хлопок, звон катящейся гильзы, брызги смердящей дряни на стекле витрины, глухой стук упавшего тела.

Все, эту проблему решили, теперь пошли к машинам.

Подергал дверь БМВ-«трешки» – заперто. Заглянул в окно... ага, коробка механическая, так что дальше все ясно. Вернулся ко входу в салон, прихватил оттуда металлическую стойку для буклетов. Затем с двух ударов вышиб ею посыпавшееся мелкими шуршащими кристаллами закаленное стекло. Заорала сигнализация, ее вой подхватила еще одна. Плевать, разбе-ремся.

Всунулся в тесный из-за надетой на мне массивной разгрузки салон, скинул ручник и передвинул рычаг коробки на нейтралку. Все, можно толкаться, колеса и так вывернуты налево до упора, блокировкой зажаты – этого мне и надо, чтобы в сторону свернула, а не уперлась в высокий бордюр напротив. Хорошо, что «трешка», она не тяжелая... и уклончик тут есть небольшой, это тем более хорошо.

Поднатужился, качнул, еще раз, еще – машина немного сдвинулась. Упираясь изо всех сил, толкнул ее дальше – сразу же пошло легче. Еще немного, тут уже уклон «заиграл»... есть проход. Серебристый БМВ встал против движения, глухо стукнувшись и упершись бампером в борт какой-то старой «витары».

– Вот так... проедем, – сказал я вслух, оглядевшись.

Мертвяки приблизились, но пока всерьез не угрожали: расстояние было внушительным. Ну и связываться с ними незачем.

Джип выбрался теперь «на оперативный простор» легко, порадовав малым радиусом поворота с отключенным передним приводом. Тоже удобно, плюс ему. И сразу ощущение некоей надежности возникло: все же машина – не мотоцикл, ты всем ветрам не открыт.

Не торопясь, не торопясь дальше. Похоже, что там, впереди, заправка. Тоже ведь пустая небось. До заправки попало синего стекла здание с надписью «Полисия локаль», возле которого приткнулся расстрелянный «сеник» – такой, как и тот, на главной улице. Не так тут все просто было, похоже.

Двери открыты, видна дежурка, в которой ни души. Что там делать? А ничего, ничего мне там не надо. А заправок, кстати, тут сразу две. На той, что рядом, с вывеской «Сепса», знакомая надпись о том, что ничего нет, сделанная краской по стеклу магазина. А вот напротив, в «Би-Пи»... то же самое, наверное, но надписи не вижу. Надо бы глянуть, убедиться.

Развернулся на кругу, чуть не сбив вылезшего из кустов мертвяка, поехал к заправке... есть надпись, даже между колонками полосатые ленты натянуты, чтобы не заезжали. Видать, какое-то время у города было, чтобы к Беде подготовиться, – вот куда в таком случае весь бензин делся...

Внимание привлекло довольно большое, магазинного вида здание за сетчатым забором, прямо рядом с заправкой. Сверху вывеска «Уренде» и рекламные плакаты – мобильный со скидкой, лэптоп со скидкой... электроника, что ли? Глянем.

Завернул во двор, остановился у дверей. Так, на маленькой стоянке никого. Странно, что такая маленькая... ага, там дальше спуск в подземную. Ну мне туда не надо, мне и здесь хорошо. Выбрался из машины, еще раз оглядевшись, постарался заглянуть через витринное стекло внутрь. Полумрак и вроде бы вообще никого. Мне там надо что-нибудь? Так, а ведь надо – навигатор бы неплохо найти для Европы. Очень было бы неплохо.

Садануть стекло? А вдруг там кто-то прячется, а я ему всю оборону поломаю? Нет, вряд ли: кто будет в магазине электроники прятаться? Что ему там, телевизор смотреть все время? Если только в продуктовом или оружейном.

Витринное окно выбил задним бампером «рэнглера», ударив самым углом. Лопнувшее огромное стекло загрохотало как ядерный взрыв, наверное разбудив каждую тварь в этом городе, поэтому я решил времени не терять и через витрину залез внутрь.

Темновато, но все же видно. Две кассы, турникет... справа всякие микроволновки и холодильники, прямо – компьютеры, слева – диски, музыка, фильмы и прочее. Куда? Где компьютеры, наверное.

Навигаторы нашлись почти сразу, на второй от входа стойке. Образцы в витрине, коробки с товаром в ящиках под ней. Выбрал сразу три «Навмана», у них на коробке надпись была «Mapas de toda Europa». То, что и нужно. Схватил со стэнда сумку для ноутбука, кое-как закинул в нее коробки.

Звякнуло разбитое стекло, что-то мелькнуло в светлом прямоугольнике окна, через которое я залез. Быстро мелькнуло – можно сказать, что пугающе быстро: мне не понравилось. Я даже сам не заметил, как сумка оказалась у меня за спиной, а в руках «коммандо». Луч подствольного фонаря забегал по стенам, прилавкам, кассам... Я рывком перебежал к стойкам с компакт-дисками, чтобы как можно больше увеличить расстояние между собой и тем, что могло заскочить в окно.

Тихо, тихо, даже не дышать, чтобы ничего не прощелкать... Гадство, у них здесь полы ковролиновые, нормально? В большом магазине – ковролин. Ходишь бесшумно, ноги пружинят. Как не вытоптали только, не пойму. Или у них тут покупателей мало? Додумаются же, блин.

Если *оно* внутри, то где *оно* может быть? Справа от меня стеклянная стена, за ней – торговые автоматы со всякими напитками и кофе, еще лифт вниз, на парковку... кассы передо мной. Дальше – прилавки с кондиционерами... там что-то есть вроде бы, за прилавком.

Сердце колотится так, что от него эхо в ушах, на загривке волосы шевелятся. Кого там принесло по мою душу? Еще мутант? Что-то не в настроении я с ним сейчас воевать в одиночку: страшно. Очень мне страшно, аж дыхание перехватывает.

А может быть, просто дернуть отсюда? Выход не перекрыт, можно в джип заскочить, завестись – и ходу отсюда. Я даже капотом к выезду его поставил. А успею?

В любом случае лучше сдвигаться туда. Все ближе буду... Но пока надо вперед, к кассам, к *этому* поближе.

Вроде запах мертвечины в воздухе появился... точно, есть такой. Значит, какая-то нежить там. А то я сомневался.

За окном показался мертвяк – самый обычный, медленный, покачивающийся. Под ногами у него выбитое стекло захрустело, в окружающей тишине беспощадно перекрыв все остальные звуки. Приличный в прошлом средних лет дядька с лысиной, в сером костюме. Потоптался, полез в витрину.

Я рванул вперед изо всех сил, в три прыжка преодолев расстояние между собой и кассами, заскочил в проход между ними, оставляя между собой и неведомой угрозой хоть какое-то препятствие. Мертвец, увидев мой маневр, засуетился, влез уже внутрь – и я выстрелил одиночным.

После пистолета с глушителем автоматный выстрел был громким как взрыв, особенно в окружающей тишине. Сверкнула вспышка, мертвец ввалился внутрь и ткнулся лицом в пол. Пол, кстати, за кассами был уже каменный, поэтому голова стукнула неожиданно громко, словно мяч для боулинга уронили. Палец резко перекинул флажок переводчика на стрельбу очередями.

Темная и непонятная тварь в зале быстро перебежала за другой прилавок, приблизившись, но на меня не кинулась – опять укрылась. Нет, на фиг такие разборки, я отсюда сруливаю, у меня сейчас медвежья болезнь со страху приключится, я тут оставаться более не могу, а *оно* – как хочет.

Крутя головой на триста шестьдесят градусов, быстро попятился к выходу. И спиной к залу повернуться страшно, и спиной к окну пятиться – тот же эффект: оттуда только что влез мертвец, кто знает, что еще там, снаружи.

А снаружи оказался еще мутант. Если бы он дождался того момента, как я полезу в окно, – мне бы пришли кранты. Но он поторопился – бросился через проем, пробуксовав на рассыпанном стекле. Я словно в стоп-кадре успел его разглядеть: еще не «обезьяна», но уже и не человек – зубастая пасть, морда, словно грубо вылепленная из пластилина, какая-то железяка, зажатая в уродливых кривых пальцах и занесенная над головой...

Он упал. Сам упал, из-за стекла, наваленного слоями у него под ногами. Слой заскользил по слою, зазвенело, прыжка не получилось, тварь просто рухнула «на четыре кости», раскроив одну руку почти пополам: из нижнего края рамы торчали длинные, похожие на мечи осколки. Железный ломик-гвоздодер брякнул о плитку пола, отлетев почти к моим ногам.

«Коммандо» заколотился у плеча, разом выпустив из пучка пламени с десятков пуль в затылок существу, превратив его голову в фарш. Садануло эхом по барабанным перепонкам, боковое зрение уловило какое-то движение, и я отскочил назад, прикрывшись стеклянной стеной и автоматами с напитками.

Они охотились вместе. Тварь в окне была в засаде, а то, что сейчас присело в трех метрах от меня с другой стороны стеклянной перегородки и прижавшегося к ней прилавок с батарейками, было загонщиком.

Еще взгляд на «охотника». Повезло мне – словно сверху кто-то помог: голова была почти начисто разнесена пулями, тварь не шевелилась и шевелиться не могла. «Загонщик»?

Оно спряталось, совсем рядом. Что делать? Стрелять через перегородку не хочется – она для меня сейчас как защита: стекло толстое, сразу не расшибешь, как мне кажется. Ладно, пошли к окну, все равно ничего другого не остается. Только для начала вот так, «новые технологии» типа...

Выдернув из разгрузки светозвуковую гранату, я подскочил к самому краю стеклянной стены, бывшей мне сейчас главной защитой, и катанул увесистый цилиндр за нее.

Яркая вспышка достала сетчатку даже через плотно сжатые веки, громкий хлопок саданул по ушам дубиной. А затем вторая тварь выскочила из-за прилавка, испуганная и дезориентированная. Женщина. Маленького роста, тощая, серое лицо, тоже искаженное, словно пластилинное, оскаленные острые зубы, дикие, страшные глаза под висящими черными космами, в руке – нож. Самый обычный, здоровенный такой кухарь, длинный и грязный.

– Хренасе... – сказал я, глядя на нее, замершую.

Я не выстрелил от удивления. Я еще не видел зомби с ножами. Она не напала – ей было не до того: «хлопушка» подействовала на все сто. Мы просто уставились друг на друга, причем взгляд зомби был мутным и несфокусированным, а затем она резко пригнулась и метнулась за прилавок, причем с невероятной, именно что нечеловеческой быстротой. Кинься она на меня, будь такая возможность, – и я бы, скорей всего, отбиться не сумел.

Она скрылась, а я быстро, стараясь при этом все же не упасть, выбрался в окно, используя в качестве мостика два труп.

Еще два зомби были во дворе, почти рядом с машиной, но «нормальных» зомби, никакого посмертного «тюнинга». Одному я с ходу снес верхушку черепа короткой очередью, второго застрелил чуть позже – он попытался укрыться за машиной. А потом я уехал оттуда.

25 мая, пятница, день. Спортивный порт в Пуэрто-Банусе

Не стал заезжать в марину, решив не тревожить и не возбуждать у местных зомби аппетит своим появлением. Джип есть джип, поэтому подключил полный привод и просто выехал на нем на пляж, начинавшийся прямо за пирсами, и там взялся за рацию. Через несколько минут к берегу подошел «зодиак», которым управляла Дрика, я забрался в лодку, начерпав воды в бутылки, и вскоре разулся уже на борту «Проныры».

– На заправках горючего нет, по крайней мере, на тех, что я видел, – оповестил я сразу. – Зато добыл новый джип, на котором можно поехать по окрестностям.

– Машины на улицах есть? – спросил Сэм.

– Есть. Но сливать из них топливо в черте города я бы не рискнул, – ответил я совершенно честно. – Много мертвецов, пришлось отбиваться. Да, кстати, я добыл навигаторы, надо зарядить, наверное.

– Давай сюда, – сказала Дрика и унесла коробки в салон.

– Ты уже что-то решил? – спросил Сэм.

– Пока нет, – покачал я головой. – Мне хочется добраться как можно быстрее: я слишком давно ничего не слышал от семьи. Но если удастся, условно, найти сразу цистерну солярки, я все же пошел бы морем. Наверное.

– А Дрика?

– Надо спрашивать, – пожал я плечами, хотя был твердо уверен, что девушка выберет наземный путь.

– Надо спрашивать, да, сэр, – закивал и Сэм. – Как там, на земле?

– Жутко. Не видел ни одного человека и даже признаков жизни. Все мертвое, – кратко описал я впечатления.

– Мы слышали выстрелы, – сказал он. – Пару часов назад.

– Мои, может быть?

– Нет, с другой стороны, стреляли много. Где-то там. – Он указал рукой куда-то на северо-запад.

– Я так понимаю, побережье было заселено густо, – предположил я. – Люди могли просто отойти в горы.

– Тоже так думаю.

Дрика вышла обратно, протянула мне коробочку навигатора и зарядник:

– Его только в машине можно зарядить, обычного устройства нет в комплекте, – пояснила она. – Но немного поработает, кажется.

– К нему бы карту найти неплохо, – сказал я, сразу подумав о том, что мог бы зайти в магазин на любой заправке из тех, которые проезжал, и набрать там этих карт полный чемодан. Вовремя надо думать, а у меня все как-то задним числом получается.

– Не проблема, найдем, – сказал Сэм, наблюдающий за одиноким мертвяком на набережной, безуспешно старающимся перебраться через ворота на пирс.

Я нагнулся, поднял приставленную к борту М-16 с оптикой, приложился. Лицо зомби приблизилось. Здорово ему досталось тогда, когда на него напали: весь покусан. Похоже, что араб, – тут вообще марокканцев много, до их родины рукой подать.

Зомби, словно почувствовав, что в него прицелились, вдруг замер и повернул серое лицо с обвисшей плотью ко мне, уставившись прямо в прицел. Зябкая дрожь пробежала по спине, я выстрелил. Звонкий треск одиночного выстрела разнесся над портом, разрушив плотно нависшую тишину. На сером лбу появилась черная точка, труп мешком осел возле ворот.

– Дрика, у нас к тебе вопрос, – заговорил я, обернувшись.

Она посмотрела на меня, вопросительно подняв жидкие светлые брови.

– Идти до Голландии морем недели две, – сказал я, а затем добавил после паузы: – И это после того как погода исправится, сейчас из порта не выйти.

– А сушей?

– Не знаю, – ответил я честно. – Но в любом случае быстрее. Три, четыре, пять... ну шесть дней, если все будет нормально.

– И в чем вопрос? – уточнила она. – Вам мое мнение нужно?

– Да.

– Сушей, – ответила она без всяких колебаний, не задумываясь ни на секунду. – Давай рискнем. Утонуть ведь тоже можно – сами видите, что сюда чудом добрались.

Сэм хмыкнул негромко, я кивнул. Все, как и предполагал.

– Тогда завтра мы с Сэмом поедем искать... что-нибудь. Топливо, машины... может, даже прицеп к джипу, не знаю, там будет видно. И потом решим все окончательно.

– Я уже решила: сушей, – сказала Дрика. – Так что дальше думайте без меня.

26 мая, суббота, утро. Спортивный порт в Пуэрто-Банусе

Лодка мягко уткнулась пластиковым днищем в пологий песчаный пляж, и мы с Сэмом выскочили на берег, подхватив две канистры с соляркой.

– Дрика, ты все знаешь – дежурь у рации, оружия ни на минуту не выпускай. Не рискуй, никуда не лезь, оставайся в безопасности, хорошо? – быстро выдал я порцию наставлений.

– Хорошо, – вполне серьезно ответила она. – Не беспокойся за меня, я буду осторожной. Я кивнул и оттолкнул «зодиак» от берега.

На пляже было пусто, лишь с дальнего его края к нам неторопливо ковылял одинокий зомби, до которого было еще метров триста. Сэм не стал терять времени и, открыв ключом пробку, взялся переливать солярку в бак джипа, так и стоявшего здесь со вчерашнего дня. Никто к нему не подходил, судя по следам, никого он не интересовал. Да кого он мог заинтересовать в этом мертвом месте? Зомби пока за руль не садятся, хотя ножиками уже размахивают, как эта вчера, которая в магазине. Да и «напарник» ее, который с гвоздодером...

Закинул сумки в салон и подумал, что неплохо было бы снять верх машины. Можно стрелять в любую сторону, можно подняться и оглядеться будет. Но, по здравом размышлении, перенес это на потом, потому как дождик пока не закончился, хоть и совсем мелкий, и сидеть на пропитавшихся водой матерчатых сиденьях не очень хотелось. Успеем еще.

Сэм уселся за руль, а я быстро закрепил экранчик навигатора на лобовом стекле с помощью кронштейна с присоской. Поискал гнездо прикуривателя, с радостью обнаружил рядом с ним авторозетку с крышечкой, куда и воткнул витой шнур зарядника. На черном экране появилось изображение батарейки. Затем я включил прибор, и тот через несколько секунд показал карту окрестностей в аксонометрии, сообщил, что видит четыре спутника, и отметил наше положение на карте стрелочкой. Хорошо.

– Я на Малагу маршрут проложу, а там уже посмотрим, – сказал я, тыкая пальцем в пиктограммы на экране.

– А что в Малаге? – спросил Сэм.

– Самый большой город в окрестностях. Ну и все дороги, которые на восток, ведут туда.

– Тебе видней.

Прибор предложил мне выбор между платными дорогами и бесплатными. Я предпочел бесплатные, чтобы проезжать через населенные пункты: хотелось все же осмотреться, а не просто проскочить. Джип рыкнул дизелем и быстро покатыл по мокрому песку, оставив позади оторопевшего зомби, подошедшего совсем уже близко.

Навигатор сначала растерялся, не в силах привязать наше движение к конкретной дороге, потом, когда мы выехали на асфальт, все же справился и женским голосом известил нас о том, что следует свернуть на второй по счету выезд с круга. Что мы и сделали.

Вновь была пустынная Марбелья, по которой мы ехали неторопливо, молча, настороженно оглядываясь по сторонам.

– Много машин, – единственный раз нарушил молчание Сэм. – Можно слить много топлива. Очень много.

– Здесь и мертвецов очень много – не дадут, если нашим способом сливать, – возразил я. – Нужно что-то новое. Оригинальное, так сказать. Или искать место поспокойней.

Сэм был прав: горячего вокруг было много. Но все, так сказать, в малых дозах. Пока сольешь с одной легковушки, вокруг будет толпа зомби. Отобьемся, разумеется, мы уже привычные, но со второй слить уже не дадут. А может, и не отобьемся, а получится как в порту

в Хьюстоне, где нас целая стая мутантов осадила в конторе на пирсе. Мало тогда точно не показалось.

Так что я тоже прав: нужна какая-то новая технология слива топлива. Только она пока не придумывается, к сожалению.

– Вот здесь я джип взял, – сказал я, когда мы проехали мимо автосалона. – Надо будет оттуда еще и мотоцикл забрать.

– Куда?

– Ну когда будет куда. Вон там заправка с магазинчиком, давай притормозим.

Сэм только кивнул и завернул неторопливо кативший джип на бензоколонку. Перехватив половчей автомат, я сказал:

– Карту поищу. Ну и вообще что-нибудь.

– Хорошо, я прикрою.

Маленький стандартный магазинчик со стеклянной стеной, каких по всему миру хватает. Толкнул дверь, заглянул, сразу принялся по привычке. Нет, не пахнет мертвяками, даже чуть-чуть. Пылью пахнет, сыростью немного, запустением. Слева от входа – стойка с журналами. Взял в руку крайний, глянул мельком – «Гольф Дайджест», соответствует местности. Ну и дальше сплошной спорт, светская хроника, голые девки с силиконовыми достоинствами – обложки на все вкусы.

Магазинчик никто и не грабил, похоже. Отключенные холодильники с прозрачными дверцами так и заполнены бутылками минеральной воды и кока-колой, конфеты и шоколадки по-прежнему разложены на стендах. Взял «Марс», надорвал зубами обертку, куснул – «Марс» как «Марс», но вот почему-то вкусно получилось – жуть. Словно бы от той, погибшей, жизни кусочек перепал.

Так, карты... вот же они, целая куча, в самом низу. Тут и атласы всей Европы, и карты самой Марбельи, и Малаги, и Андалусии, и только Коста-дель-Соль – все есть. Сгреб в стопку, покрутил головой... ага, целый стенд батареек, вот они точно никогда лишними не будут! Нашел сумку с логотипом «Репсол», ссыпал их туда – все, что нашел, – и вышел наружу.

Сэм стоял у машины, крутя головой по сторонам, в руках – автомат.

– Все, закончил? – спросил он меня.

– Почти, – кивнул я и спросил в свою очередь: – Пока ведь тихо?

– Тихо, – подтвердил он.

– Тогда подожди еще пять минут, – сказал я ему и опять направился в магазин.

Не ел ведь никогда всех этих «сникерсов», а тут на тебе, словно прорвало. Перекидал их в еще одну сумку с логотипом компании, хватая с прилавка пригоршнями, радуясь добыче как ребенок. Все подряд, и знакомое, и незнакомое, и просто жвачку – все, подчистую. Потом начал открывать холодильники и выгребать оттуда напитки. Немного – на сейчас, запивать шоколадки, чтобы пасть не слиплась от переизбытка сладкого.

Когда сумку закидывал в машину, на заднее сиденье, Сэм только хмыкнул, вроде как иронически, но сразу же запустил туда руку и вытащил шоколадный батончик.

– Никогда не любил сладкого, – сказал он и разорвал обертку.

За заправкой Марбелья закончилась. Дорога вывела нас на неширокое извилистое шоссе с двумя полосами движения в каждую сторону, старательно повторявшее очертание береговой линии. Дорога мне не слишком понравилась – от встречной полосы ее отделял бетонный барьер, а от обочин барьеры металлические. Да и за обочинами ничего не было, почти везде начинались заросшие травой довольно крутые склоны. Будет затор – деваться станет некуда. Даже подумал о том, что надо было бы ехать на платную, которая шла через пустынные места и была наверняка шире, но потом все же решил своих планов не менять.

Обнадеживало то, что пока дорога была просто пустой в обе стороны, то есть сколько-нибудь проедем. И от нее было много ответвлений. Правда, обнадеживало это меньше – если

верить карте, то каждый такой съезд вел в некую «урбанизацию», из которой можно было попасть разве что обратно на шоссе. То есть все маневры были бы бесполезными: упрямся в серьезное препятствие, и придется назад возвращаться. Проехать куда-то без дороги не получилось бы, скорее всего: вокруг были предгорья. Ладно, как-нибудь да выкрутимся, машина новая, проходимая, оружие есть, да и мы уже ко всему привычные.

– Похоже, все население сбежало, или его съели, – сказал Сэм после того, как мы проехали несколько километров.

За это время нам попало всего несколько брошенных посреди дороги машин. Я так и не понял, что заставило людей расстаться с транспортом в таком неподобающем месте, – лишь в одном маленьком «Рено Клио» внутри сидел зомби, так и не нашедший способа выбраться наружу. Остальные машины были пусты.

Притормозили рядом с одной из них, серебристой «астрой», осмотрели ее со всех сторон.

– Топливо никто не сливал, – пришел к выводу Сэм.

– Верно, – согласился с ним я. – Ни дырок, ни следов от солярки на асфальте, даже пробку бака никто не открывал.

– Можно будет «надоить» себе на дорогу.

– Можно. Наверняка. Надо только способ придумать.

– Придумаем, да, сэр, – сказал Сэм, возвращаясь за руль.

Километров в семи после Марбельи увидели слева от дороги два супермаркета. Решили осмотреть, но разворота поблизости не было. Доехали до местечка с указателем «Эльвирия», где и обнаружилась развязка. Тут столкнулись с первым разочарованием: в магазинах пошарили. Витрины были разбиты, полки пусты, лишь тяжкая вонь гниющей еды волной накатывала из темных залов – мародеры забирали долго хранящееся, оставляя мясо и овощи в отключенных холодильниках, а теперь над ними висели черные облака мух.

На стоянке вокруг магазина под сине-белой вывеской «OpenCor» обнаружилось несколько зомби, вялых и скучных.

– Неплохое местечко для жизни было, похоже, да, сэр, – предположил Сэм.

Мне осталось только согласиться. Помимо двух супермаркетов на почти смежных стоянках обнаружился чуть не десяток баров и ресторанчиков, причем вполне приличных с виду. И японский ресторан, и пара китайских, и индийский, и даже «традиционная британская кухня», хуже которой себе и представить ничего невозможно. Ну и испанские «таписерии» имелись, куда же без них.

Опять выбрались на дорогу, поехали дальше, читая указатели – Лас-Чапас, Кабопино, Калаонда, Ла-Кала, – ничего не говорящие. Сами эти «урбанизации» тоже были от дороги в стороне, ничего полезного разглядеть не получалось. Зато не было и зомби, вообще. Похоже, на дороге делать им было нечего, так что ехали мы в гордом одиночестве.

Все время ловил себя на мысли о том, что места здесь невероятно красивые: зеленые горы, сползающие к морю. Ладно, сегодня пасмурно, а как здесь в солнечный день? Ох, недавно именно в эти края ехали из России новые обладатели новых богатств, у кого каких. И сам бы, пожалуй, здесь жил – тут куда живописнее, чем в пыльной Юме, в которую меня занесла судьба.

Хотя тоже грех жаловаться на Аризону. Окажись я здесь – и с чем бы отбивался от оживших мертвецов? Это же Европа, тут оружие не так чтобы сильно распространено, – отмахивался бы табуретками, наверное. Нет, если принимать во внимание все факторы, то Юма на круг лучше выходит.

На крутом повороте дороги возле местечка Эль-Фаро мы наткнулись на скопление машин, больше всего напоминающее затор, который кто-то успел растолкать. Причем совсем недавно растолкал: на сбившихся в беспорядочную кучу машинах те места, с которых была ободрана краска, проржаветь не успели, а отсюда до воды было метров двадцать, не более,

даже мелкие соленые брызги от прибоя долетали, то есть ржавчине сам бог велел появиться как можно скорее.

– Кто-то здесь ездит, – подтвердил мои мысли Сэм.

– Ага, поаккуратней бы надо, – кивнул я и с этими словами поудобней перехватил М4, на которую накрутил все, что только можно: от фонарей до оптики.

Так, на всякий случай – мало ли что и где пригодится.

Скорость, и без того невеликую, сбросили совсем.

Так и катили дальше – справа море с пляжем, хоть сейчас купайся, если волн не боишься, слева холмы, сплошь застроенные жильем или бесконечными торговыми центрами. Затем море чуть отдалилось от дороги, мелькнула желтоватая глыба под названием «Беатрис Отель», а затем мы увидели холм. Неслабый такой холм, почти что гору, со старинной крепостью на самой вершине. И над крепостью развевался флаг.

«Не испанский», – механически отметил я, потянувшись за биноклем. Сэм притормозил.

Точно, это никак не испанский – вертикальная полоса зеленая, посередине белая, а справа оранжевая. Где-то в глубине сознания скрипки заиграли «Galway girl» и вроде даже как запах пива сгустился откуда-то из пространства. Про оранжевую полосу сразу вспомнилось, что они зовут ее «золотой». Они – это ирландцы: над старым испанским фортом гордо реял флаг Ирландии.

– Чего это вдруг? – спросил я сам себя.

– Они везде пролезут, ирландцы – как вши, – ответил вдруг Сэм. – Пролезли когда-то в благословенный штат Миссисипи – и получился я.

– Вот как? – Я немного удивился.

Ирландцев в Америке очень много, но над происхождением Сэма я в принципе не задумывался.

– Так и есть, – подтвердил Сэм. – С фамилией Каллахан трудно быть не ирландцем. Даже если скажу, что это так, мне никто не поверит, да, сэр. Попробуем пообщаться?

– Ну... давай, почему бы и нет, – кивнул я.

Не начнут же в нас сразу стрелять, правильно? Ну не должны, как мне кажется. А вот узнать, что здесь к чему, не помешало бы.

Дорогу наверх нашли не сразу, пришлось объезжать холм по кругу. Между холмом и неширокой речкой, стекающей в море, за которой виднелись дома какого-то города, оказалась стоянка, а уже за стоянкой нашелся подъем. По неширокому серпантину мы в два витка доехали почти до вершины горы, где уперлись в шлагбаум. А сверху, с вершины надвратного барбикена, послышался громкий и хриплый мужской голос:

– Эй, там! Если вы в гости, то машину поставьте на стоянку.

Кричащий был не один – с ним стояло еще несколько человек с оружием.

– Туда, – сказал Сэм, кивнув налево.

Как раз с той стороны была довольно просторная площадка, на которой вполне можно было разместить автомобиль. Мертвецов или какой другой мерзкой твари вокруг видно не было, хотя под откосом несколько трупов валялось – похоже, что их отстреляли сверху, а так мертвецу сюда было бы проблематично добраться – напрямик не залезешь, очень уж круто, а сообразить, как дойти... не каждый мертвый мозг додумается.

Выбрались из машины все же настороже, оглядываясь по сторонам, и, лишь убедившись окончательно, что никакой опасности поблизости нет, скорым шагом пошли к воротам.

Снаружи форт выглядел вполне впечатляюще. Высокие мощные стены из больших камней, с зубцами поверху, башни по углам и над воротами, причем дорога в ворота поворачивает под прямым углом, а так все время идет прямо на башню – идеальная позиция для обороны: и продольным огнем накрывать наступающих можно, и со стен прямо на головы кидать всякое.

Ворота серьезные, из толстеного бруса и железа, и их приоткрыли прямо перед нами, мы даже постучаться не успели. Какой-то темноволосый круглолицый парень махнул рукой, приглашая зайти внутрь, а затем створка с глухим стуком затворилась.

Нас окружило пятеро вооруженных, но не враждебно настроенных мужчин – скорее, наоборот. Среднего роста человек, бледный, с темными короткими взъерошенными волосами, одетый в самую обычную рубашку с закатанными рукавами и серые брюки и вооруженный каким-то очень знакомым с виду и в то же время непривычным автоматом, сказал:

– Привет, я – Дэйв. Вы откуда взялись и как к вам обращаться?

Акцент у него был такой, что я с трудом понял, что он сказал. Четверо мужчин, стоящих рядом и вооруженных точно так же, промолчали, явно следя при этом за нашими руками. Мы представились, а вот сказать «откуда взялись» – откровенно затруднились. Сказали лишь только, что приехали со стороны Пуэрто-Бануса. Для завязки разговора этого хватило, и нас без лишних церемоний пригласили дальше. Дэйв пошел с нами, а четверо мужчин остались возле ворот.

Только теперь я огляделся. Большой прямоугольный двор крепости был условно разделен на две половины. Ту, что слева, занимали автомобили, в основном внедорожники, а у дальней стены стояли три автоцистерны, явно с запасом горючего, вызвав у меня одним своим видом приступ неумеренной зависти. Вторая половина сплошь заставлена туристическими кемперами, теми самыми RV, в которых нам довелось пожить еще в Аризоне, после бегства из города. Разве что отличались от американских они очень сильно, хоть сразу и не скажешь чем: совсем другой стиль.

Людей в крепости скопилось много – и мужчин, и женщин, – правда, детей не было заметно совсем. Заняты были кто чем, но общее впечатление сложилось такое, что все повально сортируют и упаковывают добычу, причем разнообразную – от консервов до одежды. Как к вывозу готовят.

На стенах виднелись часовые – трое, глядящие в разные стороны. Здесь чувствовалась атмосфера некоего спокойствия, было ощущение безопасности. Крепость – она и в Испании крепость, сейчас такая никому не помешает.

У дальней стены вытянулись ярмарочные палатки с навесами, возле которых сгрудились пластиковые столы и стулья, явно вывезенные из магазина садовой мебели, прикрытые от дождя разборными тентами. Здесь раньше наверняка была какая-то торговля сувенирами, а вот теперь все стало очень по-ирландски – открыли бар. В одной из палаток сгрузили огромное количество алюминиевых бочек с пивом «Сан-Мигель», а столики сгрудились поближе к прилавку, так, чтобы сидящим за ними бегать было недалеко.

Впрочем, сейчас за столиками и в палатке никого не было – видать, развлекаются здесь по вечерам, а сейчас все при деле.

Дэйв жестом пригласил нас за один из столиков, а сам зашел за стойку, спросив:

– Что вам предложить?

Внутренний голос сказал: «Проси минеральной, еще дел полно!» – но язык сработал сам, без участия мозга и внутренних голосов:

– Пива.

– Пива, – эхом отозвался Сэм.

Дэйв ловко подхватил два высоких бокала, поставил под воткнутое в стойку краном, потянул ручку, косо подставляя бокал под струйку и не давая подняться пене. Наполнил один, второй, потом еще один, поменьше, уже себе. Принес за столик и расставил, да еще культурно, на картонные кружочки. Перехватив мой взгляд, пояснил со своим жутким акцентом:

– У меня был бар в Эльвирии. Ирландский, разумеется.

– Вы здесь главный?

– Пожалуй, что так, у ирландцев всегда главный тот, кто наливает выпивку. Остальные от него зависят почти полностью и почитают его святым.

Говорил он быстро и совершенно неразборчиво, шутил с непроницаемо серьезным лицом. Впрочем, налет непроницаемости слетел очень быстро – после того как мы сказали, откуда мы действительно взялись. Помолчав, он даже предложил нам что-нибудь покрепче, но тут мы уже отказались.

– И что теперь? – спросил он после затянувшейся паузы.

– Теперь мы хотим понять, что делается вокруг, – сказал я, открывая карту местных дорог. – Сообразить, где можно разжиться подходящим транспортом и где можно слить горячего.

Дэйв пожал плечами, сказав:

– Горючего вокруг пока много. Машины брошены, можно найти и то и другое. Пока всего много.

– А люди есть?

– Отсюда на запад мы не видели ни одного человека до самого Сотогранде, – ответил он. – Здесь такое творилось, что страшно даже рассказывать, – поэтому все ушли, кто выжил.

– Много выжило? – спросил Сэм.

– Здесь? Нет, здесь немного, – покачал он головой. – Почти всех сожрали. Кто выжил – ушел в горы. Мы как-то организовались, удалось добыть оружие.

– Это как? – любопытствовал я.

– Ну ты знаешь, где ирландцы, там всегда найдется оружие, – засмеялся он. – А вообще подсказали люди: эти винтовки, – он показал на свой автомат, – сняли с вооружения и сложили на склад, на старой базе в Ла-Линеа. А дальше... в общем, удалось до них добраться.

Я опять посмотрел на оружие, пытаюсь понять, чем же он вооружен. По виду нечто вроде уменьшенной немецкой G3, но явно под 5.56, магазин как у моей М4, стандартный натовский. И приклад хеклеровский, его ни с чем не спутаешь.

– «Хеклер-кох»? – спросил я.

– Нет, хотя похоже, да? – засмеялся он. – Это испанская винтовка, СЕТМЕ, ими раньше испанская армия была вооружена.

– А теперь ирландское ополчение? – уточнил я.

– Вроде того, – опять улыбнулся он. – Ладно, на чем мы остановились?

– Есть кто живой на побережье? – напомнил Сэм.

– Кажется, только мы, – ответил Дэйв и сразу добавил: – Но здесь у нас временная база, живем в другом месте. Ла-Майрена, знаете?

– Откуда? – удивился я вопросу.

– А, ну да, – спохватился он. – Это «урбанизация» возле Эльвирии, но уже в горах. Туда всего одна дорога и один мост, мертвецы не добираются почти, а люди все бросили – виллы, апартаменты, даже теннисный клуб. Хорошо устроились, в общем. В теннис играете? Если играете, то могу пригласить. В гольф не предлагаю – и сам не умею, и поля везде заросли, а зомби их не стригут.

– Много вас? – с удивлением спросил я.

– Около пяти сотен, – ответил он. – Здесь ирландцев и англичан жило почти полмиллиона, так что ничего удивительного. А в остальном... здесь все бросили, так что пока жить получается.

– А дальше?

– Там видно будет, – пожал он плечами.

Я кивнул на ряд RV, спросил:

– Откуда такая роскошь?

– Там, на въезде в Малагу, прокат таких был. Вот мы и вывезли.

Вспомнилась наша эпопея, заодно помечталось о чем-то таком, вроде подобного жилого транспорта с огромным баком, и чтобы полный привод, и чтобы... ну как у тех «пляжников», что мы встретили в Аризоне и с которыми катили до Нью-Мексико, попадая из проблемы в проблему. Это путешествие на роскошной яхте расслабило, наверное: до этого ехал в развозном фургоне «шевроле» – и радовался тому, что вообще цел остался. К хорошему привыкаешь, не зря так говорится.

Дэйв между тем сказал уже нечто интересное:

– Дорогу к Малаге патрулируют военные, зачем – не скажу, понятия не имею. У них застава на перевале, но в принципе никого не трогают и никому не мешают, так что можете проехать. Советую свернуть к аэропорту – там указатели сохранились, это вот здесь... – Он сделал пометку на карте. – Но в сам аэропорт не сворачивайте, езжайте дальше, и вот здесь...

Я чуть сдвинулся в сторону, чтобы удобнее было разглядывать карту.

– ...Вот здесь поворот... и развилка. – Он продолжал чиркать по бумаге карандашом. – Вот дорога к порту, там полно складов, а вот сюда – в местную индустриальную зону. Она очень большая.

– А что там есть? – спросил Сэм.

– Склады. Тысячи всяких складов. – Дэйв даже руки в стороны развел, показывая, как много там всяких складов. – Стоянки машин. Множество брошенных грузовиков. Что угодно. Там даже оружейный магазин был, кстати, вот здесь. – Он поставил крестик на пересечении каких-то улиц. – Если вам надо найти грузовик и слить топливо – лучше места не найти. Там даже дилеры грузовиков есть, вот здесь... здесь... здесь... здесь «ивеко», кстати, огромная стоянка у них... и вот тут, «мерседес». Понятно?

– Грузовики – это хорошо, да, сэр, – сказал Сэм. – С этим мы справимся.

– И с европейскими? – спросил я скептически.

Сэм только фыркнул, словно даже не желая комментировать мою глупость.

– Ну что же, – сказал я, глянув на часы и поднимаясь из-за стола, – спасибо за гостеприимство. Попробуем поехать в Малагу.

– Если хотите, можете подождать, минут через пятнадцать в порт поедет команда от нас, можете присоединиться, – сказал Дэйв. – Вам почти по пути.

– Да? – обрадовался я. – Сэм, подождем или как?

– Пятнадцать минут ничего не решают, лучше подождать, – сказал Сэм, пока еще не допивший пиво.

Дэйв что-то сказал в простенькую туристическую рацию, и вскоре к столику подошли двое мужчин. Один был маленький, круглолицый, носатый, с брюшком и акцентом еще более ужасным, чем у Дэйва. Он представился нам как Полли, но Дэйв отрекомендовал его как «Наполлиона», нисколько того не смутив. Полли вообще был дружелюбен, жал руки, хлопал по плечу и с удивительной скоростью проглотил, одну за другой, две кружки пива, что никак не вязалось с его размерами.

Вторым был крупный парень с толстой золотой цепью на толстой шее и прической в стиле наших «ревуших девяностых», то есть стриженный под «ежик». Тоже круглолицый, белокожий, с постоянно удивленно поднятыми бровями, он был представлен как Брайан, что прозвучало скорее как «Бруйн». Акцент у «Бруйна» был вроде как у Дэйва, то есть понимать можно, если сильно вслушиваться. Пива, разумеется, он тоже сразу попил.

Вооружен же он был чем-то интересным – самым настоящим немецким MG-42 военных лет, только поменьше размерами, с обычным коробом с лентой снизу вместо тогдашнего «барабана», и главное – патроны в том кусочке ленты, который был виден, вставлены были другие – обычные автоматные 5.56.

– Это что у тебя? – не выдержав, спросил я.

– «Амели», – ответил Брайан, гордо потрянув пулеметом. – Испанская машинка, стрижет как газонокосилка. Тысяча двести выстрелов в минуту.

– А как оно против мертвецов? – немного удивился я.

Пулемет сложно рассматривать как оружие точное. На мертвецов я бы с ним точно не пошел.

– А никак, – оправдал мои подозрения Брайан. – А вот против «прыгунов» очень неплохо работает.

– «Прыгунов»? – переспросил Сэм. – Это те, которые?..

Он изобразил нечто невнятное руками, но ирландцы поняли его сразу, подтвердив – да, это как раз и есть мутанты, или суперы.

Ну все верно. Если данный пулемет выпускает в секунду двадцать пуль, то им можно просто в куски порвать любую тварь на близком расстоянии.

– А много их здесь, «прыгунов»? – поинтересовался я.

– Немало, – сказал Наполлион, важно кивнув. – Каждый выезд видим, без них никуда.

Откуда-то прибежала крашенная в ярко-красный цвет некрасивая девица с обильным пирсингом и вооруженная пистолетом, выругалась нецензурно и спросила – какого черта тут все ошиваются, когда машины готовы к выезду? Все засуетились, быстро допили оставшееся в бокалах пиво – чтобы врагу не оставлять, наверное, – и пошли в сторону ворот. По пути спохватились – вспомнили, что связь пока не налажена, после чего дали нам номер канала.

Действительно, у ворот стояли две машины – большой грузовик «ивеко» с тентом и подготовленный для внедорожных гонок старый «лендкрузер» на мощных зубастых колесах, расписанный в разные цвета, обклеенный рекламой, с силовым бампером и серьезной лебедкой. К моему удивлению, рыжая полезла за руль грузовика, а Полли с Брайаном втиснулись во внедорожник.

Нам нашлось место в кузове «ивеко», где сидело еще шесть человек, вооруженных все теми же СЕТМЕ. Машина тронулась с места, медленно и аккуратно выехала в крепостные ворота и вскоре остановилась, высаживая нас на стоянке. Нас даже прикрывали, пока мы забирались в «рэнглер», после чего голос Наполлиона в радиии предложил стать в колонну за «той-отой». Как мы и поступили.

Наш маленький конвой медленно спустился по серпантину, при этом «лендкрузер» сбил бампером незнамо как забредшего сюда мертвеца, который, отлетев назад, скатился по склону вниз.

Затем вновь тянулось шоссе, по которому разогнались примерно до восьмидесяти километров в час, пустынное и мрачное. Слева от него шло бесконечное скопление всевозможных торговых центров, а справа был город Фуэнхирола, в котором, похоже, мертвяков хватало, насколько удалось рассмотреть с дороги.

Потом город остался в стороне, а машины выбрались на широкую шестиполосную дорогу, одну из тех, что в этих краях назывались «карретерами», и покатали по ней, поднимаясь все выше и выше. Шли и постепенно, и плавно, но в конце концов я ощутил недостаток давления – вроде как слегка уши заложило – и вынужден был несколько раз сглотнуть, чтобы убрать неприятное ощущение. Эдак примерно на километр забрались, наверное.

Слева вплотную прижимались к дороге горы, справа, между склонами и морем, раскинулись внизу курортные городки, перетекающие один в другой. Названия их попадались на указателях: Фуэнхирола, Беналмадена, Торремолинос. В одном месте я засмотрелся на висящие вагончики канатной дороги, ведущей откуда-то сверху куда-то в сторону берега, и мне стало как-то грустно. Грустно потому, что никогда эти вагончики уже никуда не поедут, не повезут туристов с детьми, никто не будет заполнять пляжи этого места, есть паэлью в ресторанчиках на набережных, фотографироваться у достопримечательностей, играть в гольф в многочисленных здесь клубах. Такое было веселое место, и вот на тебе, всех съели. Обидно.

Перевал заняли военные – в этом Дэйв не соврал. Две БМП³ неизвестной мне марки с дополнительными плитами на вытянутом носу перегородили дорогу наполовину, направив в разные стороны длинные тонкие хоботы автоматических пушек. Рядом с ними стояли два внедорожника. Первый показался мне сначала американским «хамви», но потом я заметил отличия – где в пропорциях, где в форме панелей, а заодно и в загадочной надписи URO на капоте. Второй выглядел «Лендровером Дефендер», который тоже оказался вовсе не «лендровером», а его подобием с надписью «Santana».

Кроме того, на невысокой скале, нависающей над самой дорогой, за камнями был оборудован настоящий опорный пункт, где я заметил и крупнокалиберный пулемет, и автоматический гранатомет, и солдат с десятком.

Мы лишь притормозили, и Полли, высунувшись в окно машины, перекинулся несколькими фразами с солдатами, сидящими на броне. Похоже, друг друга они знали хорошо и проблем не ожидалось.

Так и получилось: нас пропустили беспрепятственно, и конвой понесся по идущему под уклон шоссе.

После того как дорога свернула к аэропорту, пейзаж резко изменился – дальше пошла самая настоящая промзона. Огромные ангары, оптовые магазины, склады, что-то еще в том же духе. На следующем после аэропорта повороте мы расстались. Ирландцы свернули туда, куда указывал знак «Пуэрто», а мы погнали в противоположную сторону, перевалив по горбатуому путепроводу на другую сторону шоссе.

На самой верхней точке эстакады мы остановились и выбрались из машины с картой в руках, чтобы оглядеться.

Какой-то сверхогромный компьютерный, за ним гигантский хозяйственный «Баулэнд», знакомый еще по Москве. Прямо под нами, сразу после спуска с эстакады, большая и пустынная стоянка «Прокат мобильных домов» – похоже, отсюда ирландцы свои и угнали, благо она была почти пустой.

Дальше дорога ремонтировалась. Было много грязи, ям, каких-то заборов, но вроде проехать было можно. Это обнадеживало, потому что возможность обойтись без дорог здесь была около нуля в силу рельефа местности, изобилующей канавами, заборчиками и еще черт знает какими препятствиями.

Еще в воздухе заметно смердело, но не мертвечиной, а так, как пахнет от переполнившейся канализации, то есть все равно тошнотворно.

– Ладно, поехали, – сказал я, забираясь обратно в кабину джипа.

Место буквально нагоняло напряжение – черт знает, почему так. Вроде и мертвецов почти не видно – промзона все же, и растерзанные трупы нам всего дважды на глаза попались, а все равно как-то нехорошо здесь было. Может, из-за того, что промышленный пейзаж и по замыслу вовсе не предназначен был радовать взгляды, а в дождь, расквасивший строительную грязь, картина стала мрачной и подавно; может, из-за чего-то другого, – но вот такой эффект получался.

Я тоже ни на секунду автомата из рук не выпускал, высовывался в окно, постоянно оглядывался в заднее стекло, но при этом никакой опасности заметить не получалось.

– Грузовик, – сказал Сэм, показав на здоровенный «рено» с крытой фурой, съехавший правой стороной в раскопанную строителями грязь и прочно в ней застрявший.

– Не, не пойдет, – покачал я головой.

– Бак проверь, – вздохнув, сказал Сэм.

³ Боевая машина пехоты.

А, ну да, ступил я чего-то. Джип остановился у грузовика, я выбрался из кабины, оглядываясь, поводит маркой коллиматорного «Эо-Тех» по окрестным строениям, но так никакой угрозы и не обнаружил.

Пробка с огромного бака грузовика свинтилась легко, а вот заглянуть туда или даже простучать его не получалось. В конце концов удалось замерить уровень, сунув туда подобранный с земли кусок упругой пластиковой трубки неизвестного назначения, и это привело к выводу, что баки почти наполовину полны соляркой.

– Сколько в таком топлива? – спросил я.

– Галлонов двести пятьдесят в обоих баках, – ответил он.

Я мысленно выmaterился, примерно перевел галлоны в литры и получил почти что тысячу, чуть меньше. То есть если этот бак полон наполовину, а второй пуст, то все равно больше двухсот литров можно слить. А неплохо вообще-то: так откачай из десятка грузовиков – и...

Забравшись в машину, я сказал:

– Ладно, с этим все ясно, поехали дальше.

Грузовиков вокруг разбросано много, а мертвецов пока не видно. Но все равно заниматься откачиванием с нашим простеньким инструментом было как-то страшновато: в голове крутились слова ирландца о том, что они «прыгунов» видят в каждом выезде. Не значит ли это то, что мы тоже обязательно встретимся? Тем более что сливать топливо было некуда: шланг с помпой есть, а вот канистр мы не брали. Мы ведь пока не за этим.

Вот так, помяни черта к ночи – а он тут как тут. Мутанта заметил Сэм, сказавший:

– Смотри направо, вон туда, видишь?

Он указал рукой. Я всмотрелся, но ничего не заметил.

– За маленьким белым фургоном, сейчас покажется, – сказал Сэм.

Точно, показался. Высунулся и спрятался обратно, но разглядеть я его все же успел – тот самый классический «бабуин», который напал на меня на складе в Юме. И осторожный, как все они.

– Ладно, давай дальше, просто аккуратней, – принял я решение.

Сэм лишь кивнул и вновь тронул машину с места. Мутант за нами не гнался, но расслабляться не стоило – эти твари достаточно хитры для того, чтобы подкрадываться незаметно. Где один есть, там и второй найдется. А то и куда больше, как тогда в порту. Сколько их было, штук шесть? Вот мы повеселились тогда, до сих пор икается.

Дорога вильнула возле заправки с надписью, уже привычно информирующей о том, что топлива нет, а затем по левую руку показались стоянки автоторговцев – огороженные сетками пустыри, грязные, неряшливые, кое-как засыпанные гравием. Похоже было, что кто-то просто сдавал их торговцам в аренду временно, явно рассчитывая в будущем продать под какой-нибудь торговый центр.

Первая стоянка удивила добрым десятком новеньких грузовиков с бетономешалками, выстроившихся в один ряд. Там же были непривычно длинные самосвалы, стоящие с высоко поднятыми кузовами, и прочая сугубо строительная техника, большая, тяжелая и до солярки жадная. За вторыми воротами были просто грузовики, самые разные, но все не новые – от слегка поездивших и до полного уже хлама. Сэм на эту стоянку свернул, но ничего подходящего не нашел, все морщился и не очень прилично выражался сквозь зубы.

Все, что мы видели, было рассчитано на хорошие европейские дороги, в крайнем случае на укатанные грейдеры возле строительных площадок, а такая машина намертво привязала бы нас к дорогам. Случись какой затор или что другое – и ищи новый путь.

Опять выезд на грязную под дождем дорогу, въезд в следующие ворота, такое же разочарование – или старые легковушки, или такие же древние мобильные дома, или вообще не пойми что. С этим тоже понятно – более или менее привычным секонд-хендом торгуют

наверняка в городе, а в таком месте, как это, продают самое дешевое, на что хватит даже нелегалу, расплатившемуся последними наличными. Или то, что используют строители и владельцы складов, каких в округе прорва. А им проходимость ни к чему.

– Куда теперь? – вздохнул Сэм, заметно разочарованный.

– У нас есть два варианта, – сказал я, разглядывая карту. – Можно доехать до дилера «ивеко», это вот здесь, на перекрестке налево, а можно до оружейного магазина – убедиться, что он разграблен и мы зря туда тащились. Это вот сюда, направо.

– Поехали налево, – решил Сэм совершенно разумно.

Надеяться на то, что оружейный магазин в этих безоружных краях мог уцелеть, было бы по крайней мере наивно, не говоря большего.

Дорога в нужную нам сторону оказалась заблокированной – там сбились в пробку и замерли теперь на века несколько десятков машин. Из-за ремонта дороги выезд на перекресток был очень тесным, и похоже, что туда ломились, наплевав на все знаки и правила, сразу с трех сторон. Потом – авария, два грузовика сцепились бортами, сползание большого фургона в канаву, потом кто-то бросил свой транспорт и пошел пешком – все, этого уже не растащишь.

– Не проедем, – сказал Сэм.

Мне осталось только согласиться.

– Давай вокруг попробуем – может быть, этот квартал объедем, – предложил я, показав маршрут на карте.

Сэм всмотрелся, кивнул, сказал:

– Может, и получится, поехали.

Я вновь заметил мутанта. Он явно преследовал нас, но нападать не решался и перемещался от укрытия к укрытию. Неприятно. Неприятно знать, что ты все время должен смотреть самому себе за спину, ожидая нападения в любую минуту. Так эта зараза вообще ничем не даст заняться. А такого пулемета, как у «Бруйна», у нас нет. А жаль. Мне даже вспомнился «миними» убитого наемника на аэродроме в Уичите – обидно, что не было времени подобрать.

Машина выехала на неожиданно широкую улицу, по левой стороне застроенную складами, а справа тянулось длинное-длинное двухэтажное здание, состоящее сплошь из офисов, банковских отделений и ресторанчиков. Видать, было в свое время местным центром деловой жизни.

А затем со мной случился шок. У перекрестка, кругового движения, топталось несколько зомби. Все женщины, наряды которых никаких сомнений в их бывшей профессии не оставляли, – проститутки. Уличные. Из недорогих, наверное, причем не испанки. Декольте до пупа, чулки-сеточки, шорты меньше трусов, волосы невероятного цвета. Все рваное, грязное, покрытое немалым слоем размывающейся под дождем грязи. Они тупо стояли на месте, замерев, и явно никуда не собирались.

– Они... я слышал, что остатки памяти сохраняются, – сказал я, озадаченный до полной невозможности таким их скоплением на перекрестке.

– Они на работе, приятель, – сказал Сэм в ответ. – Сейчас подъедет потрепанный пикапчик с зомби, у которого нашлась лишняя двадцатка, и он отъедет куда-нибудь за поворот с одной из этих сук.

– Я не хочу даже представлять сцену «zombie blow job», – сказал я. – Я сегодня завтракал.

– Никто и не настаивает, – хмыкнул Сэм.

Как бы то ни было, но мертвые проститутки пошли за нашей машиной, словно сожалея о том, что теряют таких славных клиентов на таком хорошем новом джипе, но вскоре отстали.

Оружейный магазин оказался на следующем перекрестке. Если верить надписям, он был еще и тиром с несколькими залами, и еще бог знает чем и оказался, естественно, аккуратно вывезен. При этом все было заперто, даже ворота на стоянку, мне пришлось перелезть

через забор и заглядывать внутрь через затемненное стекло. Жаль. Хотя удивляться абсолютно нечему. Будь я хозяином – сам бы вывез, до последней пульки к духовушке.

Объезд вокруг квартала сработал: мы добрались до стоянки «ивеко» по вполне свободной дороге – видать, все, что здесь раньше ездило, застряло в заторе или нашло другие пути. Большой ангар, огромная стоянка, десятки и десятки машин, все как на подбор со светло-серыми кабинами, что удивило. Здесь других не брали или что? Грузовики бортовые, самосвалы, фургоны, тягачи, развозные фургончики «дейли» – все, что угодно. И ни одной машины для бездорожья. Вообще ни одной.

– Что будем делать? – спросил я у Сэма.

Тот выглядел озадаченным. Сдвинув шляпу и почесав затылок, он сказал:

– Грузовик все равно нужен, так что надо взять что-нибудь. А потом, если получится, сменим. Эти хотя бы новые.

– А что именно?

Сэм задумчиво оглядывал машины вокруг, затем подошел к относительно небольшому бескапотному грузовику с короткой, сдвинутой вперед кабиной и с надписью «Еврокарго» на решетке, постучал по гулкому борту кабины.

– Вот это, пожалуй.

– Хм...

Может, и верно. Машина не слишком большая, к сожалению, невысоко сидящая над дорогой. Небольшой кузов с откидными бортами из штампованного алюминия, и самое главное – самый настоящий кран между кузовом и кабиной, компактно сейчас сложенный.

– Мечта мародера, – сказал я, разглядывая машину.

– Точно, – подтвердил Сэм. – Кстати, твой мотоцикл теперь увезем запросто.

– Это да, – согласился я. – Заведешь?

– Дай мне минут десять – пятнадцать спокойной возни, чтобы ничего не ломать, – сказал он. – Тогда смогу переделать все на кнопку.

– Там наверняка есть ключи, – показал я на дилерскую контору. – Машины же на продажу – как же без ключей?

– Это верно, – согласился Сэм. – Давай сходим.

Я это уже не раз проходил. Стоянка RV в Юме, гараж в Хьюстоне, автосалон уже здесь, в Марбелье. Ключи должны быть, куда они денутся.

К конторе решили подъехать на джипе, для того чтобы свести пешие хождения к минимуму. Пусть всего полста метров, но если, например, придется убегать со всех ног, то машина должна стоять рядом с дверью. Про шляющегося где-то совсем поблизости мутанта мы пока не забыли.

Контора оказалась незапертой, распашные двустворчатые двери легко распахнулись от толчка. Света через пыльные стекла внутрь попадало немного, да и на улице было пасмурно, поэтому включили фонари. Два ярких луча разрезали густой сумрак словно лезвиями ножей. Было тихо, мертво и, что хуже всего, – пахло мертвечиной. Сильно пахло, и не зомби с какой-то ацетоновой примесью, а именно падалью, разлагающимся трупом. Кучей трупов.

– Смотри под ноги, – сказал я, посветив вниз.

На улице дождь, похоже, смыл все следы, а прямо у нас под ногами остался след волочения – размазанная по каменной плитке запекшаяся кровь и слизь. То, что здесь проволокли чье-то тело, никакого сомнения не вызвало.

Сэм выругался, сделал пару шагов вперед, затем остановился, явно озадаченный. Я тоже пребывал в растерянности. Понятное дело, что ключи от машин мы сейчас найдем, но шляться по этому темному и большому помещению, к тому же с многочисленными смежными комнатами, было откровенно страшно. Словно какая-то сигнализация включилась где-то внутри, посылая сигналы «не лезь!» прямо в мозг.

– Точно сможешь без ключей все сделать? – спросил я.

Голос звучал странно, от волнения начисто пересохло горло.

– Сказал же, что смогу, – быстро ответил Сэм, отступая обратно к дверям.

Я обернулся к двери, и единственное, что успел сделать, – рвануться в сторону, потянув за собой Сэма. Темная туша врезалась в створки, распахнув их настежь, пролетела дальше, пытаясь зацепиться когтями за полированный каменный пол, но продолжая скользить, не в силах остановиться. Луч фонаря вырвал из темноты бугристую мерзкую серую тушу, проступающий через кожу хребет, мощные мышцы.

Автомат загрохотал, завибрировал в руках, выбрасывая короткие очереди одну за другой в сторону мутанта, который все никак не мог развернуться. Я видел, как за маркой прицела пули рвали мертвую плоть, разбрызгивая что-то бурое и отвратное даже на вид.

Когда я дернул Сэма на себя, он споткнулся и упал, хотя и быстро вскочил. И когда затвор моего оружия встал на задержку и я закричал: «Пустой!» – Сэм уже вскинул короткий «коммандо».

Перекинуть пустой магазин «спарки» на полный было делом секунды. И когда уже Сэм отстрелял в дергающегося мутанта еще тридцать патронов, я опять открыл огонь. Грохот очередей колотил по ушам, эхо суматошно металось между стенами, запах пороха перебил запах мертвечины, от ствола уже тянуло жаром через накладку, а тварь все не затихала.

– Пустой! – вновь заорал я.

– Стой! – крикнул Сэм, удерживая «коммандо» наготове. – Смотри!

Лязг сорвавшейся с задержки затворной рамы, легкий толчок после того, как она встала в переднее положение. Только потянуть пальцем...

Тварь крутило на полу, она дергалась, было слышно, как щелкают зубы, – и все, никто на нас не бросался.

– В хребет ты ему попал, похоже, – сказал Сэм. – Или я, все равно.

– А ведь точно, – кивнул я. – Ну пусть так и валяется – уходим.

Сэм лишь кивнул, и мы выскочили через дверь наружу, одновременно с наслаждением вдохнув чистого воздуха.

26 мая, суббота, утро. Коста-дель-Соль, окраина Марбельи

С зажиганием грузовика Сэм справился минут за десять. Тот завелся с первой же попытки, выбросив клуб черного вонючего дыма из трубы, – долго простоял. Солярки в баке оказалось едва на доньшке, продавец лишних затрат нести не хотел, справедливо полагая, что покупателю ничего не стоит доехать до ближайшей заправки, до которой отсюда было примерно с пару километров.

Поскольку заправка оказалась опустошена, мы доехали до того самого грузовика с прицепом, в баке которого я замерял уровень оставшегося топлива. Протолкнув шланг, перекачали в бак «мародера», как я сразу назвал добытый грузовик, примерно литров двести солярки. Пока точно хватит, останется только бочками кузов загрузить – благо на «Проныре» их хватает.

Заправили машину без происшествий, хотя пара заблудших мертвецов к нам все же подтянулась. Но на этом открытом со всех сторон месте угрозы они не представляли, и я просто убил обоих, подпустив метров на пятьдесят, чтобы стрелять наверняка.

Дорога назад никаких поначалу сюрпризов не принесла. Пусто, дождливо, ветрено. Военные нас остановили, просто расспросив, кто мы такие и куда едем. Представились случайно оказавшимися в этих краях людьми, собирающимися уехать на север. Этого хватило, к тому же нам посоветовали, если мы вдруг решим здесь остаться, двигаться в сторону Ронды. Как мы узнали, именно там базировался Испанский легион, который и сумел удержать ситуацию в руках. Местность там горная, дорог мало, и все они легко перекрываются, так что целая область для мертвяков недоступна, и там шла почти что нормальная жизнь.

Поблагодарив за совет, мы с солдатами расстались вполне по-дружески. Спустились с перевала, проехали мимо Фуэнхирола, поприветствовали по радио гостеприимных ирландцев из форта, выслушав в ответ такую фразу, какой общими усилиями понять не смогли.

Неторопливо добрались до Марбельи, до автосалона «Крайслер-Джип», где и обнаружили мой мотоцикл в целости и сохранности. Подцепив его краном, легко закинули в кузов, и я даже восхитился такой «грабительской» конструкцией машины. Подъехал куда надо и что хочешь сам себе загрузил. Благодарь.

А вот затем мы решили, чувствуя себя вполне освоившимися на местности, проехать по другой дороге. Просто так, чтобы посмотреть, что там делается.

Первым, что привлекло наше внимание, был гигантский торговый центр «Ла Каньяда». Такой современный, длинный, чем-то напоминающий корабль, много стекла и лакированного дерева. Мы туда свернули из чистого любопытства, никакой разумной мотивации у нас не было. И лишь позже, поднимаясь по развязке в сторону невероятной по размеру открытой стоянки, я сообразил, на что смотрят мои глаза – на вполне современного вида здание с несколькими воротами для машин и пожарной каланчой. На нем было написано «Parque de Bomberos», то есть это и была пожарная станция.

– Заглянем? – спросил я в надежде раздобыть там что-то полезное, например бочку, в которую можно накачать сразу много топлива и не мучиться.

– Попробуем, – согласился Сэм.

Когда выехали наверх, обнаружили, что на стоянке у торгового центра, до которого было метров пятьсот, скопилось много мертвецов. Пока они выглядели неактивными и на нас внимания не обращали, но кто знает, что дальше будет...

Все ворота пожарной станции были закрыты, заглянуть за них было бы проблематично. Зато открыта дверь в дежурку, видна пустая комната, стойка у дальней стены.

– Сэм, я посмотрю, следи за мертвяками, – сказал я в рацию.

– Уверен?

– Бочкой бы разжиться, – объяснил я свою идею.

– Только без риска, – ответил Сэм, что, в сущности, подразумевало, что он не против.

– Да, сэр, – ответил я.

Один зомби обнаружился сразу – он сидел возле стойки дежурного и, похоже, выходил из спячки. Он был медленным, вялым и даже явно с трудом сфокусировал взгляд на мне. Хлопок «зиг-зауэра» с глушителем был совсем негромким, я даже услышал, как стукнулся его затылок о деревянную стенку. Тело обмякло, на стенке осталось пятно бурой слизи, мерзко пахло.

Больше на меня никто ниоткуда не бросался, и я огляделся. Похоже, покидали место в спешке: какие-то бумаги разбросаны по полу, телефон тоже валяется под ногами, стекло в двери, ведущей внутрь здания, разбито. Мертвяк под ногами еще пованивает.

Я подошел к двери с табличкой «Cochera», потянул – дверь распахнулась. Заглянул – и охнул: в огромном темном зале стояло несколько красно-белых машин, самых разных. Я даже разглядывать их не стал, метнулся сразу к стойке, перескочил резвым паркуром на другую сторону, распахнул шкаф в поисках ключей... Вот они, все здесь, и бирочки с номерами!

– Сэм!

– Что случилось?

– Сэм, есть бочки, много. Причем на колесах.

– Иду.

Послышались быстрые шаги, Сэм забежал внутрь.

– Что? Где?

– Там.

– Пошли.

Вновь распахнули дверь, включили фонари – окна в гараже были маленькие и под самым потолком, света давали мало. Зато мертвечиной не пахло вообще, что обнадеживало.

У самой двери увидели маленький развозной фургончик «пежо». Судя по биркам на ключах, здесь еще обычно стояло несколько внедорожников – разных, от «витары» до «дефендера», но вот их-то как раз и не было ни одного. Впрочем, нам они и без надобности. А вот дальше стояли обычные пожарные машины. Три обычных, городских, низких и широких, а вот еще три заставили восхищенно замереть.

– Зачем им здесь такие? – спросил я.

– Здесь лес кругом и горы, – ответил Сэм. – Лесные пожары кто тушит, по-твоему? Эти же ребята, да, сэр.

Три машины были такими, какие можно вообразить разве что в мечтах: высоко сидящие, на мощных колесах, однозначно полноприводные. Два «мерседеса» и один URO, на капоте виднелась такая же аббревиатура, как и на испанских военных джипах, что видели на перевале.

– Это бочка? – спросил я, все еще пораженный.

– Это бочка, – кивнул Сэм. – Вон там написано, видишь? Две тысячи семьсот литров. Это сколько галлонов?

– Мм... примерно семьсот, – прикинул я.

Я поглядел на «унимог», там тоже был объем указан... К тому же он вообще уважение вызывает: лебедка и даже каркас безопасности наружный – что еще нужно?

– Тут вообще три с половиной тысячи! – крикнул я, обернувшись.

Сэм подошел ближе, посмотрел, сказал:

– Верно. Думаю, что с запчастями к «мерседесу» тоже получше будет, как полагаешь?

– Наверняка, – кивнул я.

Действительно, URO – машина испанская, черт ее знает, что там внутри.

– И знаешь еще что? – спросил меня Сэм.

– Что?

– Такие машины умеют не только поливать водой.

– А что еще?

– Они умеют набирать воду, понимаешь?

– Не совсем, – прищурился я, чувствуя, что тормознул.

– Эта бочка может высасывать топливо из баков со страшной скоростью, да, сэр, – сказал

Сэм. – Она будет как вампир, понимаешь?

Я лишь кивнул. А ведь верно, тут целый насос на колесах, куда там до него нашему механизму с ручным приводом. И плюс кабина – большая, просторная, многоместная кабина.

– Я думаю, что эта машина нам точно подойдет, так? – спросил я.

– Да, сэр, – сказал Сэм, как всегда, когда уровень эмоций повышался, – эта машина нам точно подойдет. Здесь даже лебедка есть, мы проедем где угодно.

– Слушай... – осенило тут меня мыслью, – а от солярки резинки не развалятся?

– Если и развалятся, то очень не скоро, – ответил Сэм, подумав. – Или ты собираешься эту машину как пожарную дальше использовать?

– Нет.

– Тогда и волноваться не о чем. Сам танк внутри полиэтиленом толстым отделан, так что ему все равно, пожарные рукава сейчас вообще выбросим – освободим место...

– А самим заправляться?

– Твоей помпой: будем шланг внутри запихивать. Кстати, откачивать из баков топливо можно и так тоже, если не удастся приделать заборный шланг к нашей «иголке».

– Ну... да, наверное.

Мне вообще понравилась идея с пожарной машиной: получается вроде как грузовик с супербаком, точнее, даже двумя баками. Не знаю, как там дальше все сложится, но есть подозрение, что такой автомобиль может и в будущем очень здорово пригодиться.

Сэм забрался в кабину, воткнул ключ. Машина завелась не сразу, но все же быстро. Пыхнула дымом, затарахтела мощным дизелем, завибрировала.

– Сэм? – окликнул я своего спутника.

– Что? – высунулся он из кабины.

– Заправлена?

– Полный бак, – ответил он и даже высунул в окно кулак с отставленным большим пальцем.

Хоть в этом повезло, за что большое спасибо.

– А на каких поедem? – спросил я.

Нас теперь двое на три машины. Он подумал минутку, потом сказал:

– Знаешь, я бы, будь моя воля, поехал бы на одной. Снял бы запаску с той машины, – он указал на второй «мерседес», – и поехал бы. Все вместе, в одной большой кабине.

– А если сломается?

– Это не «мерседес» твоей любовницы, это – «унимог», – с оттенком иронии, как говорят с малограмотными, сказал Сэм. – Даже если он сломается, то все равно довезет нас туда, где мы сможем найти другую машину, да, сэр. Эти грузовики делают так, чтобы они если и ломались, то очень не сразу. А сейчас надо бы еще и кран прихватить: придется перегружать груз с яхты.

Я задумался. Вообще-то некий смысл в его словах был. Нас мало, если ехать на двух машинах, то стрелять сможет только один, а если на одной – то двое. Рискнуть? Пока с машинами у нас больших проблем не было: все, на чем мы ехали, не ломалось. И не так уж туда далеко, максимум две с половиной тысячи километров, а можно и короче добраться.

Черт с ним, выигрыш больно велик. Так и сделаем.

Запершись изнутри в гараже, взялись за дело. Сбросили запаску с крыши второго «унимога», подкатали ее к дверям. Надо ее теперь аж на крышу закинуть, а для этого балка нужна,

и следует ворота открыть. А они электрические. Или надо ручку крутить, но для нее один шпенек торчит, а где сама ручка – черт ее знает. К счастью, ворота были вроде поднимающейся шторки, прочности более чем умеренной. Мы их крюком троса подцепили, двинули машину назад, и огромное полотно с треском вырвалось из направляющих, а затем просто рухнуло на бетонный пол. Через ворота в ангар упал свет, и, к удивлению своему, я обнаружил, что дождь прекратился, а где-то вдалеке, у самых вершин гор, в тучах появился просвет, через который было видно голубое небо.

– Давай, покати колесо к грузовику, – сказал Сэм.

На всякий случай я высунулся наружу из ворот и заметил несколько зомби, направляющихся в нашу сторону от торгового центра. Пока еще метров двести до них, но скоро будут здесь. Стрелять и шуметь не хотелось: про то, как выстрелы привлекают внимание оживших мертвецов, я уже все выучил.

Когда с колесом справились, Сэм побежал за «унимогом», а я вытащил из джипа прихваченную с собой М-16 с оптикой и вскарабкался в кузов грузовика – все позиция побезопасней. С мертвецами вообще так: чем выше – тем лучше. К тому же крыша кабины дает хороший упор.

Дальше Сэм грузил, а я стрелял. Стрела «ивеко» поднимала тяжелое колесо, мой мотоцикл, обвязанный нейлоновым тросом, моток шланга с помпой – наш заправочный агрегат, найденный шкафчик с инструментом и какими-то запчастями, который легко катался на колесах. Каждый раз Сэму приходилось по лесенке карабкаться на крышу пожарной машины, отцеплять груз от крюка и как-то прилаживать его там. Не быстрый процесс, и, когда он закончился, я уже изрядно нервничал. Отстреливать наступающих зомби у меня пока получалось, ближе чем на пятьдесят метров ни один из них еще не подошел, но со стоянки уже валила целая толпа, грозя нас захлестнуть, как морской прибой песчаные куличики.

Я уже хотел крикнуть: «Бросай все, что не успели, и сматываемся!» – как Сэм сам крикнул мне:

– Закончил!

– Валим отсюда быстро! – заорал я с облегчением.

Сиганул из кузова на землю, так что чуть не свалился, влез в кабину «мародера», с облегчением выдохнув. Взревел дизель, грузовик увесисто и солидно тронулся с места, развернулся на кругу и по короткому бульварчику выбрался на развязку у шоссе. Следом пристроилась красная пожарная машина. Спустились на «каррETERу» и поехали дальше, по указателю «Пуэрто-Банус».

На пляже «унимог» остановился возле того самого зомби, от которого с утра мы уехали на машине. И Сэм его застрелил: хлопок «кольта» получился совсем негромким на фоне шума моря и ветра, – а затем Дрика забрала нас на лодке.

26 мая, суббота, вечер. Коста-дель-Соль, спортивный порт в Пуэрто-Банусе

– Все, подходящая машина у нас есть, – сказал Сэм за ужином в салоне «Проныры». – Мы можем собирать топливо по всему побережью и возить сюда, на яхту, или просто поехать по дорогам. Пора решать.

– Я уже высказывалась, – сказала Дрика, быстро прожевав кусок сэндвича. – По дороге. Не могу больше ждать, пока одна здесь сидела – чуть с ума не сошла.

– Ты что скажешь? – повернулся Сэм ко мне.

Я вздохнул, тяжело задумавшись. Яхтой все же безопасно, но очень долго, это огромный кусок Европы надо обходить на малой скорости. И на заправку судна еще прорва времени уйдет – наверное, несколько дней. А машиной дорога почти прямая.

– Мне еще от Амстердама до Москвы добираться долго, – сказал я. – А я понятия не имею, что там с моими. Так что я предлагаю на машине. Найдем маму Дрики, а потом рвану на Москву. Кстати, Сэм, а ты что планируешь?

– С тобой поеду, наверное, – сказал он задумчиво. – Меня ничто нигде не держит, а в том, чтобы все время катиться по поверхности земли, как игральная кость по столу, есть какой-то смысл. По крайней мере, я этот смысл научился видеть, да, сэр. Сначала в Москву, а потом – погляжу. Может быть, поеду куда-то еще.

Вот вроде бы и решили все как надо. Консенсус достигнут. Завтра сядем вместе в одну машину, перельем в ее танк солярку из яхты да и поедem.

– Надо немного с машиной повозиться, – сказал Сэм. – Проверить, что можно, перед дорогой и все лишнее с нее снять, чтобы не перегружать. Как бы нам это сделать?

– Можно к ирландцам в гости напроситься, – сразу предложил я. – Пока я буду с ними пить пиво и петь «Buggie off», ты вполне можешь заниматься грузовиком. Верно, Дрика? – обернулся я к девушке.

– Разумеется, – уверенно сказала она. – Никогда не была на пикнике в старой крепости.

– Кстати, ты сейчас на пиво сильно не налегай, – кивнул я на банку в ее руках. – Тебе завтра прикрывать погрузку: возиться будем долго. Пока топливо перельем, пока весь груз перетаскаем...

– Может, другое место найти? – вскинулась она. – Где мертвецов поменьше?

– Не вижу смысла, – покачал я головой. – Мы загоним грузовики на вот этот пирс, который к стенке порта прилегает, и к нему же пришьвартуем «Проныру». Тебе придется стрелять в одну сторону, а мертвецам надо пройти метров... там метров пятьсот будет, пожалуй.

– Да? – присмотрелась она к месту, на которое я показал. – Верно, можно отбиться.

Меня все время подмывало спросить Дрику, что она будет делать, если мы так и не найдем ее мать, но я благоразумно сдерживался. Девушка и так извелась: по ней видно, даром что старается скрывать свое состояние. Подкидывать ей лишних страхов точно не нужно. А с другой стороны, хочется как-то подготовить ее и к худшему варианту – всякое может случиться. Может даже случиться такое, что мы найдем ее мать, но в виде ожившего мертвеца. Очень даже может, потому что большинство людей на земле стало именно такими, и лишь жалкое меньшинство вроде нас оставалось в живых. Теория вероятностей работает не в нашу пользу в этом случае, куда проще предположить исход печальный.

Хотя каких только чудес на свете не бывает. Никаких вестей из Нидерландов мы не получали, а гадать на кофейной гуще – занятие неблагоприятное.

– Надо маршрут детально проработать еще, раз сейчас время есть, – сказал я. – Чтобы не хуже, чем у меня от Аризоны до Порт-Артура, был проложен. Места привалов, потенциальные угрозы, альтернативные пути – все подробно.

– Верно, – сказал Сэм, – давай займемся.

– Кстати, – сказала Дрика, поднимаясь с кресла и спихивая на пол разомлевшего у нее на коленях кота, – в порту есть пара мутантов. Они сожрали мертвеца как раз вон там. – Она указала рукой на полускрытый от нашего наблюдения перекресток.

– К лодке пробраться не пытались? – насторожился я.

– Нет, – покачала она головой, и свободно свисающие пряди светлых, почти белых волос хлестнули ее по глазам. – Один пытался наблюдать, но я в него несколько раз выстрелила и даже, как мне кажется, попала. Потом они исчезли.

– Ладно, в любом случае их следует иметь в виду, – сказал я, подразумевая на самом деле, что иметь «суперов» в виду следует теперь постоянно – достаточно вспомнить наше сегодняшнее приключение, а заодно и мое суматошное проникновение в магазин электроники.

27 мая, воскресенье, утро. Коста-дель-Соль, спортивный порт в Пуэрто-Банусе

Опыт вождения грузовиков у меня никакой, разве что тот эвакуатор из Хьюстона, но он был куда короче. Поначалу никак не получалось чувствовать габариты при движении задним ходом. Так вроде все нормально, но вот задом по узкому и изогнутому пологой дугой пирсу было как-то страшновато, все время казалось, что не вырулю и свалю машину в воду. Из-за этого часто останавливался, а Сэм, едущий следом и тоже задом наперед, подгонял меня по рации. Но под конец вроде приноровился и остановился именно там, где и требовалось.

После нашего сигнала «Проныра» заработал винтами и медленно двинулся к причалу. А я смотрел на него и думал о том, что привык жить на борту. Так там все... уютно, комфортно, тепло и безопасно. Шторм, кстати, к сегодняшнему утру тоже совершенно стих, море было мутноватым и взбаламученным, но вполне спокойным, это было словно приглашение изменить планы и отправиться вплавь. Я даже заново поразмыслил на эту тему, но понял – нет, лишних двух, а то и трех недель у меня нет. Почему? А мне так кажется, я это чувствую. Мне *надо* домой. И чем быстрее – тем лучше.

Заскрипели резиновые кранцы, свисающие с борта яхты, о бетонный пирс, мы с Сэмом быстро наvertsели швартовые концы на причальные тумбы, подтянув яхту. Все, грузимся. Все приготовили еще с вечера, вытащили почти что на палубу, увязали тросами, теперь только цепляй краном «мародерки» да и грузи.

Дрика уже привычно заняла позицию с винтовкой на мостике, прикрывая проход по пирсу. Но место, как я вчера и сказал, было «незომбоопасным», редкий мертвяк сумел бы пройти хотя бы половину расстояния от большого ангара с лодками, откуда и начиналась стена порта, до нас. Разве что мутант какой из вчерашних – тех, что Дрика видела, сколько-нибудь проскакал бы, но мутанты осторожны, насколько мы успели заметить. Да и все равно не доскакал бы: полверсты открытого пространства – не шутка.

Имущество запихивалось в пожарную машину с некоторым трудом: свободного места в ней оказалось не так уж много, а барахлом мы все же обросли. Особенно восхищал меня мотоцикл на крыше: как его оттуда спускать, случись такая надобность, – ума не приложу. Подняли-то краном, а вот обратно... Ладно, потом что-нибудь придумаем.

Первый выстрел Дрика сделала только через полчаса после того, как мы начали возиться на пирсе. Похоже, зомби вдаль особенно не смотрят, и, если ты за пределами их «области интереса», риск их появления резко снижается. Это если не шуметь. А вот первый выстрел как раз был шумом, и мертвецы с набережной, на которых уже давно перестали обращать внимание, понемногу потянулись к пирсу. Но очень понемногу, потому что после первых сваленных выстрелами Дрики большинство из них развернулось и пошло назад, на пирс же направились самые тупые из них, предоставив голландке возможность поупражняться в стрельбе на дистанции от трехсот до пятисот метров.

Пока грузились, взмокли как мыши. Несмотря на механизацию процесса, возни все равно хватало, даром что заранее подготовились. Но часа через полтора весь наш груз был распределен по пожарному «унимогу», и дело осталось за малым – перекачать топливо из танка лодки в танк машины. Ускорить процесс даже новая техника не могла бы – шланг надо было пропихивать по загогулистой траектории, так что всю работу выполнял наш старый добрый ручной насос, на что ушло еще полтора часа посменного вращения тугой рукоятки. После того как перекачали солярку и из бака «ивеко», оставив в баке столько, чтобы хватило километров на пятьдесят, танк пожарной машины почти что заполнился.

– Можно ехать, – сказал Сэм.

– Можно, – подтвердил я и крикнул: – Дрика, сворачиваемся!

Она кивнула, подхватила винтовку и кота и направилась к трапу.

Я попрощался с «Пронырой», который сумел перевезти нас через Атлантику, и полез в кабину «унимога». Все, очередной этап нашего похода позади. Мы добрались до Европы, мы приготовились к новому броску, и вот мы поехали. Сэм уселся за руль, зарычал дизель, и грузовик неторопливо поехал по пирсу. Свернул направо, оставив справа от себя большое здание с конторами яхтенных брокеров, сбил могучим бампером шлагбаум на выезде, проехал по бульвару, обогнув нечеловечески уродливую статую работы великого скульптора Зураба Церетели, своим видом как нельзя больше соответствующую случившемуся концу света и нашествию зомби, и вскоре машины выбрались на трассу. Я тщательно рулил «маро-дером» впритирку к пожарке, и вроде пока получалось.

Впрочем, сейчас нам недалеко ехать: мы к ирландцам в гости, а вот уже завтра с утра – в путь.

Грузовики проскочили темный и мрачный тоннель, выехали на широченную шестиполосную дорогу и покатали вперед.

27 мая, воскресенье, день. Старинный форт возле г. Фуэнхирола

Ирландцы нас в крепость впустили. Более того, на этот раз даже дали закатить машины внутрь, узнав, что мы приготовили «мародера» им в подарок. А что еще делать с этим грузовиком? А им пригодится, раз уж они собирают добро по всему мертвому побережью: машина полезная, сам увидел – сам украл. Таких тут много, но и эта лишней не будет, как мне кажется, с доставкой-то на дом.

Сэм, естественно, занимался модернизацией пожарной машины не в одиночку: несколько местных взялось ему помогать. Выбросить с нее много удалось – одни шланги тянули на центнер, наверное, учитывая шланг для забора воды, толстый и жесткий. Никак не удалось приспособить к нему нашу «иголку», поэтому от механизации процесса откачки топлива из брошенных машин пришлось отказаться – будем и дальше ручку крутить. От пожарного оборудования осталась только бочка и снимающийся с машины переносной генератор, которому мы обрадовались. Потому что американский, который мы так и тащили с собой, европейским электроприборам никак не соответствовал – мы его просто на «Проныре» оставили.

Зато освободился обширный багажный отсек, закрывающийся металлической шторой, в который удалось поудобней разложить наш груз. Багажное отделение на крыше тоже уложили аккуратней, с мотоцикла слили бензин, который сочился через пробку и вонял. На этом и завершили.

Вообще машина внушала уважение, а просторная светлая кабина так и вовсе очень понравилась: троим в ней самое настоящее раздолье. Я еще пригляделся к ней повнимательней на предмет того, как в будущем укрепить ее решетками, и понял, что проблем никаких нет. И окончательно в этом убедился после того, как Сэм с каким-то парнем подтащили сварочный аппарат и приварили нетолстую решетку на наружный каркас безопасности, прикрыв ветровое стекло.

– Ладно, прорвемся, – заключил я, оглядывая наш трофей. – Не танк, но все равно солидно. Кого хошь задавим.

Ближе к вечеру возню с машиной закончили, а заодно сторговали «мародер» Дэйву, который на этот раз торговался не сам, а с помощью некой его подружки по имени Трейси, манерой одеваться и причесываться похожей на располневшую и перезрелую принцессу из детской сказки. Эдакая Златовласка килограммов на девяносто. Я хотел махнуть грузовик на пулемет, но все вышло как всегда – изобилие брошенного транспорта делало такой товар не слишком ценным, а пулеметов было мало. Договорились лишь на то, что нам танк на «унимоге» дольют под пробку, ну и консервами мы неплохо разжились, а заодно испанскими копченостями. Они у испанцев вообще ужасно вкусные, копчености эти самые.

Еще нам подкинули в дорогу три ящика пива и ящик хорошего красного вина, а в довершение всего – почти новую ручную лебедку: мы с ее помощью мотоцикл с крыши спускать сможем. Ну и все, что удалось добыть. И за то спасибо.

Вечер, естественно, застал нас в местном пабе – скоплении столиков у торгового киоска. Там собралось почти все население крепости, за исключением разве что караула. Пили все много, потом запустили генератор, обеспечив свой паб электричеством, и плавно перешли на караоке, начав, разумеется, с ирландского аналога «Степи да степи кругом» – такой же печальной «Fields of Athenry».

– Тебе столиков сюда еще не надо привезти? – спросил я у присевшего к нам за столик Дэйва. – Места много, а народу тесно.

– Ирландцам не бывает тесно, – решительно заявил он. – У меня одиннадцать братьев и сестер, а выросли мы в домике с двумя спальнями. Прикинь, как там было? Отсутствие тесноты нам подозрительно на генетическом уровне.

После упоминания о семье Дэйв заметно погрузтел и быстро покинул наш столик, взявшись помогать бармену – темноволосому круглолицему коротышке по имени Грег, и его помощнице – тоже круглолицей и очень симпатичной девочке с крашеными черными волосами и в полосатом платице – типичной «эмо», – которую звали Джорджия.

Потом к нам подсели Наполлион и «Бруйн», оба пьяные в дым, долго трясли мне руки, хлопали по плечам, но о чем мы беседовали, я так и не понял, да и они, кажется, тоже не очень. Ну и ладно, главное, что оба были чрезвычайно дружески настроены.

Спали мы в крепостной башне, на надувных матрасах и завернувшись в спальники. Пахло морем, было тепло, только комары немного доставали.

28 мая, понедельник, утро. Андалусия, автотрасса «Сьерра-Невада»

Выехали с рассветом, причем за рулем сидел я – Сэм настоял, хотя как водителю грузовика мы ему доверяли куда больше. Но «отработка взаимозаменяемости членов экипажа» – тоже дело полезное, с этим грех спорить.

Как я говорил, за исключением эвакуатора, мне еще не приходилось толком водить грузовики, старый армейский случайный опыт не в счет. Было непривычно сидеть за рулем так высоко над дорогой, при этом видеть ее практически под ногами – машина почти что бескапотная. Но в остальном – ничего сложного, мотор тянул машину легко, руль лежал в ладонях вполне комфортно, сиденье с амортизатором баюкало задницу – в общем, все в норме.

Людей поначалу вообще не видели, разве что проехали через уже знакомый опорный пункт военных на перевале, но они нас даже не притормозили – только так, вгляделись в лица через стекло. Справа осталась Малага, мы проскочили мимо нее по опустевшей окружной дороге. В городе было пусто, мертво, мрачно, серо, на некоторых из выездов на шоссе мы видели большие пробки. Людям не повезло: похоже, шел тотальный ремонт этой самой окружной, и узкие, огороженные бетонными блоками проезды просто не выдержали потока бегущих. Что творилось тогда в этих местах – не хотелось даже представлять.

Дорога пошла на Гранаду и почти сразу за Малагой начала понемногу карабкаться на подъем – приближались горы Сьерра-Невада. В которых, кстати, Серджио Леоне снимал все вестерны с Клинтом Иствудом. А сцены в пустыне снимал восточней, но тоже в Испании, а ни в какой не Америке ни разу.

У поворота на Антекеру мы увидели еще один опорный пункт военных, тоже на двух БМП и двух внедорожниках URO. Похоже было, что они выставили посты по периметру заселенного людьми района: как раз с этого места дороги начинали карабкаться вверх, превращаясь в серпантин.

Потом вновь наступило полное безлюдье. Горы, дорога, небо над головой. Становилось жарко, не хуже чем в Аризоне, – хорошо, что машина с кондиционером. Часто въезжали в тоннели, пугавшие своей почти непроницаемой темнотой, но ничего страшного не случилось. Пару раз видели небольшие скопления зомби, один раз пришлось толкнуть бампером сцепившиеся легковушки. В одной из них при этом бесновался разбуженный мертвец, изнутри бросаясь на стекло и колотя по нему руками. Дрика высунулась в окно и выстрелила в него прямо через стекло.

– Зачем? – спросил я, когда машина уже прорвалась через затор и ехала дальше.

– Не знаю, – ответила девушка неуверенно. – Как-то очень жутко это... превратившись в живого мертвеца, остаться в запертой машине навечно, да еще и в полной темноте. Лучше уж так.

– Хм... может быть.

Дорога петляла и петляла среди гор. Я даже как-то не знал, что они здесь такие большие – скалистые, поросшие местами лесом, тяжелые и огромные. Вновь увидели людей мы возле Хаена, причем довольно много: целая колонна грузовиков и пикапов выстроилась вдоль обочины дороги. Люди выглядели... буднично, что ли, заведомо неагрессивно, хоть и вооружены были все поголовно, кто чем.

Остановились. Оказалось, что мы угодили в центр большой коммерческой операции – с побережья приехали машины от рыбаков менять, естественно, рыбу на какую-то местную продукцию. Уже и торговля натуральная появилась – быстро мы скатились в средневековье.

Крепкий круглолицый небритый мужик по имени Пепе, что на самом деле было короткой версией от Хосе, рассказал, что в долине между хребтами люди живут вполне нормально. Здесь городки маленькие, от мертвецов отбились быстро, а из-за гор и малого количества дорог, которые легко перекрыть, зомби в эти края не доходят. Разве что перешли на самообеспечение, но эта проблема тоже невелика: тут основой хозяйства всегда было скотоводство. Не голодают, в общем.

В это верилось легко – раньше тут вообще разбойничьи места были. Один из местных «авторитетов» прославился фразой о том, что король правит в Мадриде, а в горах правит он. Так и было, в сущности, места здесь и до сих пор диковатые – даром что Европа. Удивило то, что есть люди и на побережье. Как нам объяснили, прекрасно выжили места не престижные и не курортные – те, где народу было раз-два и обчелся. Рыбаки там проявили предприимчивость, перегнав в свои порты до кучи и траулеры из мест гиблых, чтобы добро не пропадало. Заодно получила разгадку мистерия «кто слил все топливо со всех яхт». Сделали это рыбаки с юго-восточного побережья – вот эти самые, что привезли рыбу. Прошли неторопливо и методично, в несколько заходов, на добрых двух десятках траулеров по всем доступным портам да и слили в бочки. И заодно сумели угнать из порта Валенсии танкер, который теперь стоял на рейде у гавани крошечного городка Сан-Хосе.

Что с другой стороны гор делается, сказать никто не смог: сами они за пределы перевала не выбирают, и на выставленную там заставу тоже почти никто не приходит. Живут сами по себе, как на необитаемом острове. Хорошо хоть так – большинство и вовсе уже никак не живет.

В общем, приняли мы в дар большую банку маринованных с зеленью оливок, крупных, треснувших сбоку, одуряюще пахнущих, поблагодарили добрых людей и дальше поехали, поплеывая большими шершавыми косточками в окна.

Затем горы закончились, и потянулась Ла-Манча, Кастилия, самый центр Испании, плоский как стол, даже не как стол, а как лист стекла, на этот самый стол уложенный, и жаркий как печь. Дорога шла вперед почти без поворотов и изгибов, огибать было нечего – ни бугорка, ни единой неровности. И ни одного населенного пункта ближе чем в километре от нее, поэтому и угадать не получалось, живы здесь люди или нет. Зато по обеим сторонам дороги тянулись бесконечные поля, а каждый километр мы встречали по указателю, приглашающему свернуть с дороги, для того чтобы закупиться отличным вином и сыром «манчего» – одним из испанских деликатесов. Хотя сомневаюсь, что эти указатели еще актуальны, это осталось от мирных времен.

Была середина дня – самое жаркое время, то есть сиеста, и уважающий себя испанец не должен сейчас проявлять никакой активности, разве что за обеденным столом и после обеда в спальне с женой, как это раньше было в этих краях в традиции. Это не от лени, что бы там ни думали, а из-за жары – находиться крестьянину в поле в такой зной невозможно, солнечный удар гарантирован, поэтому работали с утра пораньше и потом ближе к вечеру, когда становилось прохладней. Ну а уже потом просто сохраняли традицию, потому как очень трудолюбивыми испанцев все же не назовешь, и главное слово здесь – «таñaña», то есть «завтра». Эдакая постоянная устремленность в будущее.

Дрика время от времени включала рацию пожарной машины в режим сканера, и иногда мы принимали обрывки каких-то разговоров, но ничего интересного не выловили из них. Разве что в очередной раз убедились, что земля опустела не окончательно.

Мадрид появился перед нами ближе к вечеру, точнее, к концу сиесты. Огромный город с широко раскинувшимися пригородами, застроенными промзонами и складами, бесчисленными мебельными фабриками и много чем еще, был мертв. Точнее, мы увидели людскую активность в индустриальных зонах: люди вывозили оттуда все полезное и даже, как нам показалось, оборудовали несколько постоянных баз, но сам город был мертв. Об этом предупре-

ждали огромные плакаты – они говорили, что дальше только «los muertos vivos», и никого больше.

Мародеры были доброжелательны и незлобны: видя, что мы не претендуем на их добычу, а едем себе мимо, многие махали руками, иногда даже свистели вслед. Пару раз над головой пролетали военные вертолеты, что-то выискивающие в огромном мертвом городе, но на нас никакого внимания не обращали. Ну и не надо, нам вообще бы внимания по минимуму, а скорости по максимуму.

На окружной дороге мы несколько раз останавливались у брошенных грузовиков и пару раз нашли не слитую еще солярку, заполнив наш танк опять до самого верха, а заодно и заправив «унимог».

Обогнув город по большому кругу, ехали еще часа два по пустынной дороге. Сэм уже давно сменил меня за рулем, никто не разговаривал, и даже кот просто спал. Монотонность пути по мертвой пустыне отбивала охоту говорить. Так, смотрели по сторонам и оружие держали под рукой на всякий поганый.

Когда начало смеркаться, решили озаботиться ночлегом. Заранее собирались к населенным пунктам и даже к отдельно стоящим строениям не соваться, чтобы избежать всех возможных проблем. Нам никто не нужен, мы ничего не хотим в этих краях, поэтому лучше всего поспать в кабине, поочередно забираясь на крышу машины для несения караула, а с рассветом ехать дальше.

Пронеслись через окраину замертвевшего городка Вильяльмансо, после чего присмотрели подходящее на первый взгляд местечко – невысокий холм, из каких здесь весь ландшафт состоит, густо заросший поверху невысокими деревьями и густым кустарником. Дороги там не было, да она нам и не нужна: «унимог» и без дорог прекрасно обходится. Ограждение на обочине здесь было только местами, так что Сэм свернул прямо в поле, перевалив через неглубокую канаву, и неспешно погнал машину в сторону.

– Потом сверни – и параллельно дороге проедем немного, – сказал я.

– Зачем? – немного удивился он.

– Чтобы следы не прямо к нам вели.

– У тебя мания преследования, да, сэр, – усмехнулся Сэм.

Я промолчал. Может, и так, но все же сделать «петлю» не помешает, мало ли что. Понимаю, что маразм, но все равно ни одну предосторожность лишней не считаю. Они вообще никогда лишними не бывают, особенно теперь, предосторожности эти самые. Даже если ты параноик, это не означает, что за тобой не следят.

Поле, как и следовало ожидать, было пустынным. Машина пропихнулась в небольшую ложбинку, оказавшуюся неожиданно хорошо укрытой для взглядов со стороны, при условии что эти взгляды не будут слишком внимательными, хорошо потрудившийся за день дизель замолчал, потрескивая от жара, а мы выбрались наружу. Резко проснувшийся кот ускакал в заросли – мышковать, наверное, или просто нужду справить, – но мы не беспокоились: Тигр давно доказал, что у него хватает ума далеко не отходить и надолго нас не покидать.

Обзор был отличным во все стороны, так что можно было пока даже поста не выставлять: никак к нам незаметно не подберешься. Вытащили из багажного отсека большой кусок брезента, расстелили на траве, взялись готовить ужин. Если есть возможность поесть горячего – отчего не воспользоваться? Банки «Кулэнз Кемп Хит» заканчиваться пока не собирались, вот и вскрыли очередную. Вскоре над спиртовкой уже закипала в кастрюле вода, а рядом лежала вскрытая упаковка спагетти.

– День проехали спокойно – уже хорошо, – сказал Сэм, высыпая щепоть соли в закипающую воду. – Если так пойдет дальше, то через два-три дня доберемся до места. Дрика, кстати, – обернулся он к девушке, – ты сегодня весь день молчишь.

– Места себе не нахожу, – вздохнув, ответила она, откинув ладонью волосы с лица. – Чем ближе к дому, тем страшнее, понимаете... Я же не совсем наивная – я вижу, что творится вокруг. И все равно не могу верить в плохое. И сны стали сниться отвратительные.

– Это понятно, – влез я в разговор, – но ты бы все же старалась об этом думать меньше. Пока ты не можешь повлиять ни на что, нельзя себя изводить. Мало ли что нам придется делать уже там, в Амстердаме? Ты нужна сильной: нас очень мало.

– Я пытаюсь, – сказала она. – Я действительно пытаюсь. Но у меня очень плохо получается.

Вроде как короткую лекцию прочитал, поучил жизни. А у меня самого сны такие, что хоть спать не ложись, и думать уже ни о чем другом больше не могу. Каждый час на счету. Дрике уже недалеко, а мне? У меня еще путь длинный и кривой, кривей некуда, и что дальше будет... я имею в виду все эти мысли о семье, сны, беспокойство. Это же рехнуться можно еще до конца путешествия. Чем ближе – тем хуже, просто крючит уже от дурных мыслей. Безлюдная земля, мертвые города, никаких ведь причин для оптимизма нет. Хорошо, что я с ними на связи был, пока возможность была, знаю, что самый страшный период они пересидели в крепком месте. Ну а дальше? Что там было дальше? Что там вообще может быть дальше?

Одиночка Сэм – он сейчас самый свободный из свободных, беспокоиться нужно только о самом себе, а он и о себе не слишком волнуется. А за Дрикой я тоже сегодня весь день наблюдал – у нее губы уже в кровь искусаны, а ведь не водилось за ней такой привычки, не водилось.

Тигр вернулся через час, когда уже совсем стемнело. В зубах у него была птичка с оторванной головой – меры безопасности по-кошачьи. Поиграв с добычей недолго, он ее проглотил, после чего умял еще и полбанки консервированного мяса. А потом запрыгнул в кабину и уснул на полу за передними сиденьями.

Распределили смены. Я себе взял среднюю – среди ночи, чтобы дать остальным поспать «одним куском». Расстелил матрасик на передних сиденьях да и завалился спать.

Дрика, дежурившая первой, разбудила меня в два, потерев за плечо. Проснулся сразу: сон все равно был нервный и беспокойный, каждые пять минут просыпался и вообще не всегда мог понять, сплю я или бодрствую. Подхватил автомат, вскарабкался на крышу «унимога» и уселся на запаску. Все, три часа бдим.

Ночь была свежей, хоть и не холодной, но после дневного зноя, уже накрывшего Испанию, ощущалась ласковой, как шелковое покрывало. Безоблачное высокое небо было усыпано звездами, луна, почти полная, освещала землю, и кусты отбрасывали на сухую почву узорчатые, слегка шевелящиеся тени, дул легкий ветерок. Ну и цикад было настоящее изобилие – стрекотали так, что в ушах звенело.

Примерно через четверть часа после того как я заступил на пост, по дороге, до которой от нас было метров пятьсот, проехала машина, освещая горизонт дальним светом фар. Потом опять все затихло, а еще через полчаса проехала вторая, в противоположную сторону. Затем прошло еще около часа, и я услышал шум сразу нескольких двигателей. На этот раз из-за пригорка появилась небольшая колонна уже из трех машин, каких – непонятно, кроме фар, я ничего не видел. К моему удивлению, они остановились прямо напротив нас, а еще больше меня удивило то, что они фары погасили. Я вытащил из чехла лежащую рядом М-25⁴, установил на сошки, устроился, глянул в прицел.

Видно было плохо, едва-едва, это же не ночник, но луна была полной, и какая-то суета на дороге наблюдалась. Детали разглядеть не получалось. Попробовал погонять карманную рацию в режиме сканера, но никаких переговоров не обнаружил. И верно: чего им болтать, они там все рядом.

⁴ Самозарядная винтовка, выпущенная компанией «Спрингфилд Армори» на основе и из частей старой военной винтовки М-14.

Будить остальных? Не уверен, что есть смысл: поле достаточно хорошо освещено и никого в нем не видно. Нас пока никто не обнаружил, и о нашем присутствии не догадываются. Это просто звезды так сошлись, что люди на машинах остановились возле нас, случайность. Я так думаю, по крайней мере.

Они там что, на ночлег решили устроиться? А почему бы и нет. Несколько машин – их может быть много, до городов отсюда далеко, а в поле лезть, как нам, не каждому захочется, да еще по темноте. Ладно, светать будет – и разберемся, сейчас-то чего гадать?

Ясность пришла раньше: до конца моей смены оставался еще час. С той же стороны, откуда приехали машины, появился свет. Опять фары, дальний свет. Их лучи то поднимались вверх, то размашисто скользили по окрестностям, а вскоре послышался и звук мотора. Затем машина выехала на холм, откуда уже можно было заметить те три автомобиля, затем скорость немного снизилась, словно водитель усомнился, стоит ли приближаться к стоящим машинам, но так окончательно ничего и не решил.

А вот дальше загрохотали выстрелы. Много выстрелов, разом, из пулеметов и автоматов. Фары подъехавшей машины погасли, темноту прорезали только дульные вспышки и россыпи искр, которые иногда выбивали пули из металлического кузова. Били с нескольких направлений, из доброго десятка стволов, а может, даже и больше чем десятка. Через несколько долгих секунд стрельба закончилась. Послышались голоса людей, перекрикивающихся в темноте.

– Что там? – послышался перепуганный голос Сэма снизу, из кабины.

– На дороге что-то, не видать, – ответил я. – Кто-то кому-то устроил засаду. И засадил. Дрика, замри! – зашипел я, скорее услышав, чем увидев, как испуганная девушка выскочила из машины.

На дороге включились фары, осветив небольшой белый фургон, съехавший передним правым колесом в кювет. Кроме фар замелькали, заматались по темной округе еще и лучи фонарей. Гулко хлопнула автомобильная дверь, донесся вроде бы взрыв хохота, почти съеденный расстоянием. Ветер в нашу сторону – он звук принес. Затем послышалось несколько пистолетных выстрелов, неторопливых таких, спокойных, прицельных – контроль: явно убитых упокаивали окончательно.

Я вновь приложился к оптике, навел винтовку на место засады. В свете фар можно было разглядеть, как несколько человек быстро вытаскивали из кузова фургона какие-то коробки и перекидывали их в кузов грузовика. Возле фургона стоял немолодой «патруль» на высоких колесах, со снятой крышей, с пулеметом на дуге. «Безумный Макс», «воины пустыни», блин, кобель их мать, уже созрели.

– Что будем делать? – спросила Дрика напряженным голосом.

– А ничего, – ответил я ей. – Они нас так и не видят, поэтому думаю, что скоро они уедут.

– А если не уедут?

– Там посмотрим, – ответил я философски. – Одно из двух – или уедут, или не уедут. Если не уедут, поглядим, что будут делать дальше.

– И?..

– Удерем, – ответил за меня Сэм. – За нашей машиной так просто не погоняешься. Вон туда, в поля, поедem, и никакой джип не догонит. И здесь холмики везде, прямого выстрела никак не добьешься.

– Ага, – согласился я с ним. – Мы быстро-быстро убежим.

29 мая, вторник, утро. Баскония, автотрасса «дель Кантабрико»

Нас так никто и не заметил. Нападавшие растворились в ночи минут через двадцать после перестрелки, и, когда рассвело, мы увидели лишь расстрелянную машину на дороге, а возле нее три трупа. Кто это такие, кто на них напал, зачем – не суть важно, нам не узнать, да нас и не касается. Хорошо, что не на нас, вот и вся радость. Немало: в принципе мы опять оказались в числе тех, кому повезло, а таких в мире остается все меньше. Даже разглядывать не стали, что же там случилось на шоссе, выехали на дорогу чуть дальше в стороне и покатали на север.

Ехали осторожно, гоняли постоянно рацию в режиме сканера, надеясь, что это предупредит нас о возможной опасности, но ловились все больше никому не понятные и ничего для нас не значащие переговоры. Да и те нечасто, в основном эфир был пуст. И мертв.

После городка Алтзола наткнулись на большую пробку. Уже начались Пиренеи, дорога поджималась вверх, спускалась в долины, огибала горы. «Унимог» карабкался на подъемы легко, на спусках тоже держался отлично, так бы и ехали, но...

Сэм выругался очень выразительно. А потом я, уже по-русски, еще грубее высказался.

– Что это? – спросила Дрика, перегибаясь с заднего сиденья.

– Здесь была большая авария, – ответил наш водитель. – Очень большая и очень плохая.

Со спуска можно было разглядеть весь затор очень хорошо – от самого его начала и до самого конца. «Унимог» остановился, чуть скрипнув тормозами, и мы, все трое, вышли из машины, не отводя глаз от открывшейся нам картины смерти.

Внизу, как раз в том месте, где спуск превращается в довольно крутой поворот, столкнулись два грузовика, в лоб, причем один из них развернуло так, что он перекрыл почти все полосы движения в обе стороны. Затем образовался затор: по дороге ехали люди. Легковушки, грузовички, фермерские фургончики – они собирались перед перевернутыми машинами, не имея возможности проехать. Не знаю, пытались ли люди оказать помощь или просто ждали, но вот потом, насколько нам удалось представить события, произошла настоящая катастрофа: в затор врезалась огромная автоцистерна. И не просто врезалась, а еще и перевернулась, разорвавшись и залив все топливом. А после был пожар.

– Ужас, – только и сказала Дрика, глядя на груды спрессованных в кучу легковых машин, обугленных, с отслоившейся краской.

В кабинах были люди, обгорелые до состояния головешек. Некоторые высовывались из окон, изогнутые адскими муками, застывшие в последнем рывке, – они явно пытались спастись, а некоторые так и сидели на своих местах спокойно, будто уснув.

Зрелище было настолько иррационально кошмарным, оно даже не давало поверить в то, что это реальность: казалось, что это какая-то безумная и идиотская инсталляция больного на всю голову скульптора-авангардиста.

– Давай назад – не проедем, – сказал я, чувствуя, как сел голос.

– Смотри, этот шевелится, – голосом куда испуганней моего сказала Дрика, показывая на останки маленького «пежо», прижатого к релингу ограждения.

Действительно, обугленный и похожий на головешку водитель машины немного шевелился, так незаметно, что поначалу я решил, что это обман зрения, игра теней.

– Я проверю, – сказал я, с трудом ворочая враз пересохшим языком.

Сэм и Дрика ничего не сказали.

Казалось бы, что уже ко всему привык, а идти было страшно. По-настоящему страшно, аж мороз по спине и волосы дыбом. Такого я еще не видел, да и видеть не хочу. Зачем пошел?

А потому и пошел, что не хочу даже представлять, что такое возможно. Надо все исправить. Исправить – и убежать отсюда, в надежде на то, что эта картина потом не поселится в моих снах.

Чем ближе, тем страшнее. Да, он шевелится. Очень слабо, и при этом с него сыплется угольная кроша. Как он нас почуял? У него даже глаз нет – все выгорело, от ушей на почти голом черепе какие-то пеньки остались. Наверняка ведь был неподвижен до нашего появления, был в мертвецкой этой самой коме, в «стэндбае», а тут зашевелился.

Вскинул М4, навел красную марку прицела на черный череп – и выстрелил. Мертвец лишь дернулся и затих: упасть он не мог – расплавившаяся обшивка кресла прилипла к нему, держала. А я повернулся и со всех ног побежал к «унимогу». Хватит, нагляделся.

Все с облегчением полезли в машину, хлопая дверьми, зарычал дизель, Сэм начал разворачивать пожарку в обратном направлении. А я подумал о том, что нам повезло. Как нам всем троим повезло тогда, когда мир начал умирать. Мы не оказались в таком или подобном месте вроде тех пробок, что видели на выезде из Малаги, – там бы никакое оружие не помогло. Просто вот так – кому-то казалось, что он уже вырвался из пожираемого мертвецами города, и тут такое... И какая удивительно нехорошая смерть: как подумаю, так страхом одеваюсь. А с другой стороны, я ведь как раз такого и боялся, когда вместо поспешного бегства укрывался в окрестностях города. Сколько едем – везде встречаем следы Беды, накрывшей дорожные заторы. Правильно я тогда поступил, правильно, что засел в пустыне, выждал, пока схлынет эта первая паническая волна.

Объезд нашелся легко – пришлось проехать назад с десятков километров, а затем неширокая асфальтовая дорога провела нас через несколько маленьких городков с непронизимыми баскскими названиями и опять вывела на шоссе. Удивило то, что городками этими правили мертвецы. В Америке такие городишки в большинстве своем уцелели, особенно на Западе и Среднем Западе, а здесь вот так. Вот как аукнулась всем политика «оружия людям не давать», – это же ежу понятно. Нечем здесь было отбиваться, вот и не отбились. Действительно, зачем людям оружие? Полиция всех защитит.

Шоссе сначала вело нас в сторону океанского побережья, после чего свернуло параллельно ему. Мы проехали мимо фешенебельного, а теперь мертвого Сан-Себастьяна, добравшись наконец до французской границы, – и встали. Мост через реку, по которой эта граница проходила, был взорван. Добротнo взорван: все пролеты обрушены вниз, в мутную речную воду, и лишь опоры торчали из течения, увенчанные коронами из гнутой арматуры.

Перед мостом было много брошенных машин – самых разных, включая грузовики. Это нас и задержало, потому что Сэм предложил еще разжиться топливом, заполнить освободившиеся емкости, а заодно и долить баки «унимога».

– А дальше как? – спросила сидящая с винтовкой на крыше Дрика.

– По навигатору здесь путей хватает, – ответил я ей, разматывая длинный шланг с помпой и подтягивая его к горловине бака большого тягача «МАН». – Найдем как прорваться.

– Если кто-то специально не сделал так, что проехать невозможно, – буркнул Сэм.

– Не по всей же границе, – возразил я. – Переберемся как-нибудь.

Едва мы начали слив топлива, как появились мертвяки. Их оказалось немало прямо здесь, в этом скоплении машин, и наша возня их, похоже, разбудила. Они были медленными и вялыми, но достаточно целеустремленными. Они шли со всех сторон, неуклюже ковыляя, медленно и вроде бы пока неопасно, но нервничать уже заставив. Дрика, вставшая на колени, крутилась во все стороны, стреляя сверху из М4, а время от времени я тоже хватался за автомат, прикрывая крутившегося рукоятку помпы Сэма.

– Дерьмо, не ожидал, что их так много, – сказал наш запыхавшийся водитель, когда я свалил выстрелом в лоб женщину в пропитанном запекшейся кровью платье, появившуюся прямо из-за кабины грузовика, с которого мы качали солярку.

– Город вот, рукой подать, здесь вообще, наверное, людно было, – ответил я, оглядываясь по сторонам.

Отстрелялись, отбились, справились, хоть и понервничали и закачали меньше солярки, чем собирались. Забравшись в машину, рванули в город, где должен был быть еще один мост через реку, совсем неподалеку. С ним не повезло – он оказался в точно таком же состоянии, что и другой, от которого мы уехали.

– Вот еще один, – ткнул Сэм пальцем в экранчик навигатора. – Можно попробовать.

Сан-Себастьян был замертвячен полностью, причем, похоже, Катастрофа началась здесь неожиданно и в разных местах одновременно. Были и пробки, настоящие скопления столкнувшихся машин, в которых до сих пор шевелились запертые мертвецы, и их нам приходилось объезжать, хватало и сгоревших домов, как в любом другом городе, населенном только зомби.

Мост на Авенида де Ипарральде был цел, зато прямо посреди него стоял военный грузовик, изрешеченный пулями так, что на нем не было ни единого куска целой поверхности размером хотя бы с ладонь. По нём словно целая рота отстреляла весь боекомплект. На бампере машины висел знак, предупреждающий о наличии взрывчатки, но кузов машины оказался пуст. То ли успели разместить взрывчатку, да помешали им ее взорвать, то ли тротил, как ему и подобает, на обстрел не среагировал и машину просто разгрузили, перебив экипаж. Главное другое – мы пересекли реку, и Авенида превратилась в Бульвар де Жeneralь де Голль. Вот так, вместо зомби испанских нас окружили мертвецы французские.

Узкая, но гладкая, как письменный стол, дорога номер десять вывела нас из города, и здесь мы вновь увидели живых людей. Во дворе большой фермы, среди белых домиков и сараев под красными черепичными крышами, выстроились в рядок несколько военных машин. По забору были намотаны спирали проволоки, на явно недавно построенной караульной вышке стояли два человека в беретах и камуфляже, со странными французскими автоматами FAMAS в руках. На нас смотрели, но этим весь контакт и ограничился. Похоже, у них здесь был опорный пункт, а значит, какой-то людской анклав должен быть неподалеку. Другое дело, что нам в этом анклавe ничего не нужно. Вообще ничего – нам бы как можно дальше и как можно быстрее проехать.

Трасса вела вдоль берега, мимо маленьких городков для туристов, пустынных и мертвых. Кое-где еще были пожары, дым поднимался в чистое голубое небо, пачкая его словно для того, чтобы всем дать понять – эта чистота уже ничего не значит. Мертвые Байонн, Биарритц – одни названия чего стоят. Словно доказательство того, что всякое богатство лишь иллюзия, а жизнь одинаково хрупка что у бедных, что у богатых. Опять одни бродячие мертвецы вокруг.

Поля и виноградники, фермы в полях. Там еще несколько раз заметили людей, сплошь вооруженных, на грузовиках и внедорожниках. В контакт ни с кем вступать не хотелось, и с нами общаться никто не рвался. Ну и не очень надо, мы и так как-нибудь.

Город Лабойер оказался «человеческим», с охраняемым периметром и заметным присутствием военной техники у города. Там нас впервые остановили. Несколько военных изъяснялись только на французском, на котором ни я, ни Сэм ни слова не понимали, так что выручила нас Дрика, которая этот язык учила в школе. Нас пропустили дальше, честно предупредив, что людей впереди мало, а мертвецов очень много, чему мы легко поверили. Европа пострадала куда страшней, чем Америка, это было видно сразу, и это буквально лезло в глаза. Много людей, плотное население, и при этом почти никакого оружия. И куда им было деваться?

Бордо, Тур – все было мертвым. Кто будет собирать теперь урожай с бесконечных виноградников вокруг? Уже никто, видать. Не пить нам больше местного вина, а вот это тоже при-
скорбно: мало какое могло с ним сравниться.

За Туром заночевали. Нарушив свои же правила, устроились на маленькой ферме, в хозяйском домике, в котором не было никого. Куда все делись – неизвестно: ни людей, ни мертвяков вокруг. Зато прекрасно выпались на нормальных кроватях, заперев дверь

и закрыв крепкие ставни на окнах. Поели в просторной светлой кухне, где со стен свисали связки лука, чеснока, пучки зелени и в которой удивительно сильно пахло шалфеем, и поехали дальше. Нам сегодня надо было еще объехать Париж, и я уверен, что с этим мы намучаемся.

2 июня, суббота, утро. Бельгия, Антверпен

– Надо проверить район порта, даже если весь город забит мертвецами, – сказала Дрика. – Здесь очень большой порт, в нем наверняка кто-то мог укрепиться.

– А стоит ломиться в город? – усомнился Сэм.

Мы стояли прямо посреди дороги, у указателя, сообщающего, что до Антверпена осталось десять километров. Вокруг раскинулась, как обычно возле больших городов и бывает, бесконечная промзона. Склады, офисы, опять склады, стоянки грузовиков. Называлось это все «Северный индустриальный парк».

Здесь кто-то за дорогой следил. Это было видно из того, что собравшуюся на развязке пробку растолкали какой-то могучей техникой, просто сбросив машины с дороги. Хороший знак.

– А дорога идет как раз через город, все равно никуда не денемся, – сказал я, проматывая пальцем экран навигатора.

– Это не очень хорошо, – вздохнул Сэм. – Мне вообще больше нравилось ехать через Мид-Вест: простор и покой, не то что здесь... даже поля и те как дверные коврики размером, не развернешься.

– Это точно, – согласился я. – В России все исправится, там тебе и Техас тесным покажется, гарантирую.

Сэм только фыркнул презрительно.

Промзона закончилась, сменившись опять мешаниной маленьких полей, в то время как на горизонте уже поднимались силуэты городских зданий. Действительно, очень тесно здесь. Куда ни глянешь – обязательно видишь или город, или сразу несколько ферм, или какие-то еще строения. Нет «сельской местности», какой-то бесконечный пригород. Вся страна – сплошной пригород или город. Представить страшно, что здесь творилось.

Без проблем, естественно, не обошлось. Тоннель под Шельдой, носивший имя Кеннеди, через который шла трасса, был забит бесконечной пробкой, начинавшейся еще перед въездом в него. Второй тоннель, Ваастланд, затоплен. Едва заехав в него, уперлись в срез воды. Форсировать ее на машине нечего было и мечтать, пришлось выбираться обратно. Тут небось воду раньше откачивали, ее здесь очень много, даже поля повально дренажными канавами окружены, а как все *случилось*, так заботиться об этом стало некому.

– Вот здесь можно попробовать, прямо в порт дорога, – сказал я, разглядывая карту города, развернутую на коленях.

Мы ее добыли, взломав запертый магазинчик на заправке. Там не было почти ничего, но стенд с картами и путеводителями уцелел, вот мы и разжились.

– Там опять тоннель дальше, – потыкал пальцем Сэм в узкую полоску, пересекающую голубую ленточку реки.

– Ну и что? – пожал я плечами. – Много времени не потеряем, если даже там не проехать. Не получится – двинем сюда и переедем в Темсе или Дендермонде, там мосты есть.

– Хорошо, давай попробуем, – кивнул он. – Язык сломаешь с такими названиями.

Порт был занят людьми, Дрика оказалась права. Это было видно хотя бы по тому количеству спиральной колючки, которой были опутаны даже подступы к порту. Возле нее тут и там попадались трупы, человеческие и собачьи: зомби все же к ограждению шли. В одном месте мы увидели запутавшегося в колючке мутанта, расстрелянного буквально в клочья. От трупов пахло, над ними вились облака мух.

За линией колючки работала строительная техника – экскаваторы и огромные бульдозеры «Катерпиллар», явно занимавшиеся созданием крепостного рва, в который, видать, со временем пустят воду, благо ее здесь с избытком. Рычали мощные двигатели, тянуло

дымом, люди в оранжевых жилетах и желтых строительных касках что-то размечали с помощью веревки, натягивая ее на вбиваемые в глину колышки.

Вдоль самого ограждения медленно ехал броневомобиль «динго», похожий на неуклюжий катафалк с крупнокалиберным пулеметом на крыше. Солдат, высунувшийся из люка, показал нам жестом «езжайте дальше», что мы и сделали.

Показался порт, причем он появился как-то сразу со всех сторон. Мачты кораблей, огромные нефтяные резервуары, бесконечные ряды складов в гигантских ангарах. Огромный, невероятно огромный порт, причем, в отличие от хьюстонского, не разбросанный по всему городу, а собранный в одном месте, отчего выглядел еще грандиозней.

Понятное дело, что такое добро отдавать мертвецам было нельзя, и его не отдали. Очень даже допускаю, что сюда бросилась чуть ли не вся уцелевшая бельгийская армия, настолько очевидной была важность этого объекта. Я бы точно бросился на их месте.

Въезд в порт вел через шлюз, перед которым виднелось явно недавно возведенное из мощных бетонных блоков укрепление, подступы к которому тоже перекрывала колючая проволока. Свободным оставался один проезд, да и тот, похоже, на ночь закрывался рогатками с навитой на них спиралью. Не пройдешь.

На блоке были солдаты в непривычно выглядящем зелено-желто-бурым камуфляже, с автоматами FNC на груди. Там нас и остановили.

– А теперь на каком надо говорить? – с затаенной тоской спросил Сэм.

– На фламандском, – сказала Дрика. – Французскую Бельгию мы уже проскочили. Но вообще здесь все говорят по-английски, как у нас дома. И в любом случае можете рассчитывать на меня.

Дальше все было уже стандартно и привычно, подобным образом нас уже не раз останавливали на пути. На этот раз подошедший к нам сержант был разве что без темных очков, но его глаза было трудно разглядеть из-за низко надвинутой каски в камуфляжном чехле такой же необычной расцветки, как и его униформа. Он спросил что-то на фламандском, Дрика ему ответила длинной быстрой фразой, после которой сержант кивнул и повторил свой вопрос на английском:

– Кто вы, откуда и куда следуете?

Мы ответили со всей возможной откровенностью, и сержант чуть дара речи не утратил. Пару раз переспросил: «Из Америки? В Москву?» – и, получив утвердительный ответ, помолчал, а затем обратился к Дрике:

– И вы в Москву?

– Нет, я в Амстердам, почти приехала, – ответила девушка.

Возникла пауза, потому что растерянный сержант не знал, о чем нас еще надо спрашивать, а мы ему не подсказывали. Потом он задал простейший из доступных вопросов:

– Хотите проехать на территорию порта?

– Если там можно будет отдохнуть в безопасности и получить информацию о том, что нас ждет дальше, – мы были бы рады иметь возможность проехать, – выдал я несколько велеречивый ответ.

– Да, это все возможно, – радостно ухватил потерявшуюся было нить разговора сержант. – У нас есть гостевая территория. И есть где узнать новости: там увидите вагончики, радиофургоны и табличку «Центр информации».

Процедура пропуска оказалась недолгой, нас зарегистрировали вместе с машиной, и шлагбаум из горизонтального положения передвинулся в вертикальное.

– Следуйте по указателям «Гостевая зона», – сказал сержант напоследок.

Нам осталось только поблагодарить и следовать этим самым указателям, написанным, к слову, аж на четырех языках – фламандском, французском, немецком и английском. Стрелки вели нас мимо больших складских зданий, какого-то завода,строек – и вывели на огромную

площадку, уставленную до боли знакомыми контейнерами, прямо как в Хьюстоне. У самого въезда мы увидели четыре командно-штабные машины и антенны вокруг них, и там же было два сборных домика-бытовки и несколько биотуалетов на улице. Все обнесено легким сетчатым заборчиком с табличкой, извещающей, что это и есть искомый нами информационный центр.

Какой-то человек в синем комбинезоне и с красной повязкой на руке показал нам светящимся жезлом, чтобы мы проехали дальше, а затем еще один, уже в путанице проездов между контейнерами, указал нам на место, где мы могли припарковаться.

Когда мы остановились, он подошел к машине и сказал что-то по-фламандски. Дрика перевела:

– Он говорит, что сутки можно стоять бесплатно, а потом надо будет немного заплатить. Мы можем пользоваться вот этим контейнером... – она указала на огромный белый параллелепипед, – ...как нам заблагорассудится. Как складом, например, если нам надо что-то хранить, или даже можем там ночевать – так многие делают.

Насчет «многих» верилось: на площадке было относительнолюдно. Пока мы в Европе ни разу еще не видели столько людей в одном месте – прямо как в центр цивилизации попали.

Я обратился к подошедшему человеку уже по-английски, спросив:

– А что за люди здесь в основном?

Тот обернулся, оглядел площадку, затем сказал:

– Разные. Из разных коммун приезжают за разным товаром, в порту много всего скопилось. Некоторые ночуют здесь по дороге в другое место, некоторые собираются здесь остаться навсегда.

– А вы оставляете?

– Разумеется, если нормальные люди, – ответил тот. – Здесь много работы, а в перспективе планируют отрезать район вокруг улицы Шарля де Костера каналом от материка – получится остров с жилой застройкой, – а затем прорыть еще канал вокруг промзоны на Экспрес-свег. Так что если решите присоединиться – дайте знать в Информцентре.

– Хорошо, спасибо, – поблагодарил я его, поняв, что так или иначе, но все дороги ведут в тот самый Информцентр.

Человек ушел, оставив нас одних.

– Что будем делать? – спросила Дрика.

– Как и советовали, в Информцентр пойдем, – ответил я.

– А что ты хочешь там узнать?

Странный вопрос, но спишем его наивность на юный возраст.

– Ты слышала, что здесь уже даже какая-то торговля наладилась? – спросил я, попутно приседая, наклоняясь и прогибаясь назад, чтобы как-нибудь размять занемевшее от длительного сидения тело.

– Ну да, а что? – ответила она вопросом на вопрос, вытаскивая из машины кота и отпуская его прогуляться.

– Значит, сюда должна стекаться информация из всех мест, в которых живут люди. Ну и военные должны хотя бы радиосвязь установить с другими анклавами. Вот и спросим у них, знают ли они что-нибудь про обстановку в Амстердаме.

– А, понятно, – кивнула Дрика, как всегда заставив меня поморщиться, когда я увидел, как концы светлых прядок хлестнули прямо по глазам.

– Сэм, идешь? – обернулся я к нашему спутнику.

Он открыл металлическую шторку в борту машины и теперь пытался то ли перекладывать наше имущество, которое мы туда запихали, то ли что-то там искал.

– Нет, с машиной останусь, – ответил он не оборачиваясь. – Если будут новости, то просто скажите мне.

– Хорошо.

И мы с Дрикой вдвоем пошли через уставленную контейнерами площадку, с завистью поглядывая на часто попадающихся навстречу велосипедистов. Расстояния тут все же были огромными – для пешехода, разумеется, – на велике было бы самое оно.

– Дрика, а дома ты на велосипеде каталась?

У Амстердама велосипед вообще одним из символов был – это первое, что на ум пришло. Основной городской транспорт, все на них повально разъезжают.

– Конечно, с детства. И мама тоже на работу ездила на велосипеде.

– А где она работала?

– В Рийкс-Музеуме, она реставратор. Знаешь такой?

– Знаю, даже бывал.

Быть в Амстердаме и туда не зайти – даже неприлично. Я в этом музее два дня пропадал, с самого утра и до самого закрытия. От Дам, возле которой жила Дрика с мамой, и до этого музея на велике в самый раз кататься – только размяться.

– А твой университет где?

– Калверт-страат знаешь? Где всякие магазинчики прикольной одежды, джинсы там, куртки и все такое?

– Это которая от Дам в сторону Рембрандт-плейн?

– Ага, – кивнула она.

– Знаю, конечно.

– Вот немножко по ней пройти и свернуть направо. Пешком от дома десять минут.

– Повезло.

– Конечно. Одно время мама хотела купить дом и переехать за город, но так и не смогла решиться. Хотя дом, в котором живем, старый и квартира тесновата. Но все равно не смогли уехать – очень старый город любим.

Старый Амстердам даже я люблю – таких городов больше в мире нет. Он словно со старинной гравюры целиком сошел. Прижавшиеся боками островерхие дома с тремя окнами по фасаду, выстроившиеся над каналами, мощенные брусчаткой площади, рынок цветов, доброжелательные люди, атмосфера какого-то покоя и твердая уверенность в том, что если ты пойдешь гулять, то обязательно наткнешься на что-то очень интересное. Единственный город, где мы с женой из отеля шли не в какое-то конкретное место, а просто так, куда ноги принесут. И никогда не ошибались.

– Слушай, а в Амстердаме порт не меньше? – спросил я.

– Меньше, хотя тоже очень большой, – ответила Дрика. – А самый большой в Роттердаме. Смотри, какой здоровенный!

Она указала рукой на огромный круизный теплоход, пришвартованный к одному из причалов. Я поднес к глазам бинокль, пригляделся... люди стоят на палубах, строители что-то делают на причале...

– Они там людей поселили, кажется, – сказал я, передавая девушке бинокль.

Она тоже пригляделась, кивнула, отдала бинокль обратно. Затем сказала:

– Наверное, там даже неплохо, верно?

– В такое время везде неплохо, если в этом месте никто не может тебя съесть.

– Да, пожалуй, – согласилась она. – А почему ты про амстердамский порт спрашивал? Думаешь, там тоже могли люди уцелеть?

– Вполне, – кивнул я. – Чем Амстердам хуже Антверпена?

– Он лучше, – убежденно ответила Дрика. – Намного. Если бы Антверпен был лучше, то мы бы в нем жили.

– Логично, – кивнул я с уважением.

В последние пару дней Дрика начала постоянно и как-то нервно шутить, чего до этого за ней не замечалось: молодая художница была девушкой серьезной и обстоятельной. Похоже, в такой форме проявил себя мандраж: чем ближе к дому, тем больше она боялась столкнуться с реальностью и при этом все же надеялась на лучшее. Она то замолкала надолго, то вдруг становилась болтливой, а то шутила вот так, как сейчас, некстати.

– И все же?

Я пожал плечами и ответил:

– Ну если здесь сумели занять такую территорию и отбиться, то почему не могли там? В порту есть все для выживания, причем этого хватит на долгие годы – за такой ресурс люди наверняка будут бороться. Вам же совсем недалеко до порта от дома, верно? – прикинул я расстояние от Дам.

– Да, пешком за несколько минут можно добраться. Правда, там улочки узкие и каналы – если мертвецы столпятся, то уже не прорваться.

– К морю можно и по каналу ведь прорваться, верно? – вспомнил я карту города.

– Да, можно, они все туда ведут, и по Амстелу можно, но только на чем?

– Ну не знаю... экскурсионные баржи ведь катаются туда-сюда, вполне могли людей собирать, – импровизировал я на ходу. – Да на надувном матрасе хотя бы: зомби в воду не лезут.

Импровизировал, но вообще-то это было бы разумным решением. Каждое такое суденышко, широкое и плоскодонное, может взять чуть не сотню человек, а шкиперы их водят по каналам виртуозно – кажется, что вот-вот в каменную стенку уткнется, а не тут-то было: громоздкое судно чуть не на месте разворачивается и идет туда, куда и требуется. Помню, что с удовольствием сыпанул горсть монет в деревянную туфлю у места шкипера, предназначенную для чаевых, – поразился такому отточенному мастерству.

– Да, наверное, – согласилась она. – Их очень много, если успели организовать, то они весь город могли бы вывезти в порт.

– Конечно, – закивал я.

У Информцентра скопилась небольшая толпа – человек двадцать, явно чего-то ожидавших. Рядом со входом за сетчатый заборчик пристроился небольшой киоск, из которого торговали водой, пивом, сигаретами – кто-то уже сообразил открыть бизнес среди ожидающих. Этот «кто-то» был белобрыс, красноморд и толстопуз. Он сидел в киоске и смотрел на людей ничего не выражающим взглядом белесых глаз под покрасневшими веками с рыжими ресницами.

Я заметил, что платили какими-то жетонами, больше похожими на «собачьи бирки» военных, – похоже, придумали некий эквивалент местной валюты. Не удержался, подошел и спросил.

– Вон там, – указал он толстой веснушчатой рукой, – в том корпусе есть местный банк. Они принимают всякий товар и взамен дадут таких жетонов.

– Какой товар?

– Оружие, патроны, топливо, консервы, алкоголь и сигареты в основном, – ответил рыжий. – Если ничего этого нет, можете попробовать менять то, что есть, на блошином рынке.

– Далеко?

– Вон там, на складах на Кетинслаан. – Он опять, не жеманясь, указал направление пальцем, потом добавил: – Но если что, то я могу взять патроны – они тут как деньги.

Неоригинально, хотя и более чем логично. Патроны – жизнь, они действительно сейчас чуть не главная валюта в природе. А пить хочется, кстати, сюда весна тоже уже в полный рост пришла, даже лето. Впрочем, что это я – по календарю уже второй день лета... Пожалуй, хуже весны в истории человечества пока не случалось, так, чтобы сразу всем раз – да и погибнуть. И чтобы уцелевшим потом прятаться по таким промзонам. Плохая была весна, очень плохая.

В Информцентре, а точнее, в той бытовке, что стояла на самом проходе, нас приняла деловитая женщина в очках, с длинным лицом и лошадиной улыбкой, открывающей не только

зубы, но и верхнюю десну, широкую и бледную. Кроме нее в бытовке было еще двое – молодая конопатая курносая девушка с идеально круглым лицом и средних лет мужчина, похожий на примерного банковского служащего, лысоватый и какой-то пыльный.

– Чего вы хотели? – спросила женщина с лошадиной улыбкой, и я только в этот момент сообразил, что мы шли сюда, так толком и не сформулировав наших вопросов.

Спросила она на фламандском, разумеется, вопрос я понял из контекста, а содержание разговора мне уже позже пересказала моя спутница.

– Мы едем в Амстердам, – заговорила Дрика. – Я сама из Амстердама... не была там с того момента, как все началось... в общем...

– Не знаете, что вас там ждет? – закончила вопрос за нее собеседница.

– Ну... да, верно, – закивала Дрика.

– Город сильно пострадал, как и Антверпен, – ответила женщина, глядя Дрике в глаза. – Очень сильно. Здесь тоже была настоящая резня. Порт отбили военные, причем не сразу: спасли уже кого получилось.

– Там... было так же?

– Абсолютно. У вас там кто-то остался?

Дрика вздохнула судорожно, кивнула, зажала ладони между коленями. Пальцы у нее заметно дрожали, и она вообще не знала, куда девать руки. Когда стояла, она клала их на автомат, а сидя так не получалось.

– Да, мама осталась.

– У нас пока нет полной базы данных по всем анклавам, – ответила женщина, глядя в экран монитора и щелкая мышкой. – Но мы стараемся такую создать – связь есть уже почти со всеми. Люди стараются перебираться на Остершельде и Вестершельде... это здесь, в Бельгии, – добавила она, перехватив уже мой взгляд и сменив язык на английский.

– Это такие острова большие у самого берега, с дамбами, – добавила Дрика для меня.

– Да, верно, – кивнула женщина, сняв очки и разминая пальцами покрасневшую переносицу. – Туда советуют всем переселяться. Море прокормит в любом случае, и оно же не пустит мертвых с материка.

– А как там с зомби? – уточнил я.

– Их уже уничтожают, – пояснила она. – Скоро, наверное, ни одного не останется. Здесь остается только анклав в порту, вот этот самый, и отдельные группы людей, которые не хотят ни с кем объединяться.

– А что в Нидерландах? – спросила Дрика.

– Почти то же самое, – ответила женщина.

Она взяла из коробки на столе салфетку и начала протирать стекла очков, и без того сверкавшие чистотой. Надев их вновь, она добавила:

– Там хотят очистить всю северную часть, от Амстердама до Ден-Хелдера. Провести границу по каналу, опутать все проволокой и там жить.

– Много людей осталось? – спросила Дрика.

– Не знаю, как в Голландии, но в Бельгии не больше семи процентов, – как-то сухо, глядя при этом не на нас, а в окно, ответила женщина. – Приблизительно.

Мне показалось, что она солгала насчет того, что ей неизвестен процент уцелевших в Голландии. Скорее всего, она не хотела заранее окончательно расстраивать Дрику, переложив ответственность на нее саму – мол, доедет и узнает. Да здесь и догадаться можно: у нас за спиной половина Европы осталась. Живых людей почти что и не видели, в Америке такое разве что в Калифорнии да в районе Нью-Йорка.

– Заполните анкету на тех, кого вы разыскиваете. – Женщина придвинула Дрике два распечатанных листа и карандаш. – Оставьте здесь, завтра мы сможем вам точно сказать, числится ли разыскиваемое вами лицо в какой-то из баз данных, на живых ли или на погибших.

Голос звучал как запись, никаких эмоций. Настолько никаких, что я понял: каждое слово из уже в который раз произносимой речи ее ранит. Семь процентов осталось. Девяносто три процента или погибло, или ходит по земле в виде неживых разлагающихся тварей. Сколько среди них ее близких? Кто погиб у нее? Муж? Дети? Родители? Все, кого она знала?

Разговор смялся и смолк. Дрика тщательно заполнила анкету из множества пунктов, в которых перечислялись все возможные зацепки для опознания, перечитала внимательно и отодвинула по столу от себя.

– Завтра с утра можете заходить, – сказала женщина, положив листочки в стопку таких же. – Мы в девять утра открываемся. Желаю удачи.

Мы опять оказались на улице. Пожертвовали шесть патронов за две маленькие пластиковые бутылки минеральной воды, которые рыжий толстяк достал нам из переносного холодильника, – у него таких целый штабель стоял за спиной.

– Как думаешь, они что-то узнают про маму? – спросила Дрика, явно боясь услышать от меня какой-то конкретный ответ.

– Нет, я думаю, – сказал я не очень искренне. – Откуда им было всех людей в базы собрать? Да и в Бельгии мы пока, не в Нидерландах.

– Ну да, конечно, – с готовностью согласилась она.

– Пройдемся до рынка? – предложил я, вспомнив «целеуказание» толстяка из киоска.

– Да, давай.

2 июня, суббота, день. Бельгия, Антверпен

Огромный складской терминал, метров так двести в длину и не меньше ста в ширину, с въездами для больших грузовиков. Грузовиков сейчас в нем нет, зато есть великое множество контейнеров – тех самых, которыми так богат любой морской порт в этом мире. Стоят рядами, прижавшись друг к другу боками, внутри обосновались торговцы. Много торговцев, неожиданно много, и людей между торговыми рядами тоже хватает.

Рынок хоть и большой, но совсем не шумный – это не Восток, тут все культурно. Смотрят люди товар, если что-то надо – спрашивают у продавца. Никто не торгуется, цена везде написана, как в магазине.

Торгуют всем. А нам, как выяснилось, всего и надо. У меня вот пена для бритья закончилась. Можно мылом, но нет помазка, а ладонью толком не намылишься – уже проблемка получается. У Дрики дела женские, тоже важно. Все важно, даже одежда нужна нормальная, а то у меня исключительно «тактическая», что тоже не всегда удобно.

Здесь были деньги – те самые жетоны, которые мы заметили раньше. Был «Новый Антверпенский банк», да-да, не надо смеяться, который принимал всякого рода ценности от людей и менял их на эти самые жетоны по установленному курсу, тоже никакого торга. Прорезалась былая сметка старой Антверпенской биржи, старейшей в мире? А почему бы и нет.

– Смотри, оружием торгуют, – сказал Дрика, толкнув меня под локоть.

Я обернулся, глянул, куда она указывала. Точно, сразу несколько стоящих бок о бок контейнеров торговали вполне конкретным товаром, в нынешние времена самым востребованным из всех прочих.

– Поглядим?

– А нам разве что-то нужно? – удивилась Дрика.

В чем-то права, наверное: у нас одних патронов почти три центнера, и стволов тоже хватает, и гранаты ящиками. Но кое-что все же требуется, если вспомнить.

– Нужно, – ответил я. – К снайперке патронов почти нет. Их и так было мало, и почти все в Нью-Йорке по «братьям из гетто» расстрелял. Да и вообще...

– Что «вообще»?

– Там посмотрим.

Выбор, к удивлению моему немалому, оказался богатым. Потом уже вспомнилось, что Бельгия хоть страна и маленькая, но производитель оружия очень большой, чуть ли не половину мира снабжала. В продаже было почти все, что можно пожелать, хоть выбор был куда меньше, чем в среднем аризонском магазине в былые времена. К удивлению моему, у торговцев хватало старых винтовок FAL, которые, как я думал, уже давно должны были быть проданы в страны «третьего мира». Было много пистолетов «Браунинг Хай Пауэр» – уважаемая модель, хоть и старая, а еще я увидел несколько новых «браунингов», модели «Про-Найн», которые мне приходилось видеть в Америке, но стрелять или держать в руке не довелось.

Продавец – высокий худой мужик с растрепанной бородой – заметил мой интерес и протянул мне пистолет, сказав:

– Хотите посмотреть?

– Да, спасибо, – кивнул я.

Удобно. Самое первое впечатление – очень удобно, почти как M1911. Пластиковая рукоятка в ладонь села плотно, затыльник рамки улегся на руку сверху. Покрутил, прицелился в стену – точно нормально.

– Есть сменная задняя часть рукоятки, – сказал продавец. – Можно под руку подогнать.

– Да вроде и так ничего, – ответил я. – Магазины к нему?..

– Два в комплекте, и есть запасные, – ответил тот, выкладывая на прилавок несколько черных коробочек со стилизованной оленьей головой – эмблемой «Браунинга».

– А что по надежности? – спросил я.

– Нареканий не было вроде бы, – пожал тот плечами. – Бывают проблемы на первой сотне выстрелов, потом все нормализуется.

– А кобура под него?

– С этим сложнее, – поморщился он. – Модель новая, ничего под него не выпустили еще. Блэкхоковская «Серпа» от «Хеклер Пи 2000» подходит, кстати, только болтик регулировочный чуть-чуть распустить надо.

– А есть?

– Не было – не предлагал бы, – ответил тот спокойно, снимая с крючка прозрачную пластиковую коробку.

Открыв ее, продавец вытащил черную пластиковую кобуру с рычажком-стопором, покрутил винт крестообразной отверткой, протянул мне:

– Попробуйте.

Действительно, «браунинг» вошел туда как влитой, щелкнув запором. Все, теперь никак не вывалится, пока указательным пальцем не прижмешь плоский рычажок. С другой стороны, а зачем он мне? Сорок пятого у нас запас еще большой, а так я потрачу, как я понимаю, ресурс куда более ценный – патрон автоматный.

– Триста восьмой калибр матчевый есть? – спросил я, с сожалением отложив «браунинг» обратно.

– Есть, – ответил продавец. – Не много, но пару сотен наберу. Могу просто поменять на пять пятьдесят шесть.

– И курс?

– Обычный, три к одному, если военный стандарт.

– Кстати, откуда такое богатство?

– Я был местным дистрибьютором нескольких марок, еще с тех пор осталось, – ответил он. – А военным оружием уже потом разжился. Людей осталось мало, а оружия оказалось много.

Я задумчиво посмотрел на несколько FNC, выстроенных в рядок. Есть соблазн такой винтовкой разжиться, внутри ведь это, по сути, «калашников», как и мой утраченный все в той же Уичите Sig⁵. Причем все армейское, с полноценным «фулл-авто», разве что стандарт под все наши прицелы-фонари-ручки не подходит, тогда хоть выбрасывай добро... Нет, не вижу смысла. До России мне и наличного оружия хватит, а там все равно надо будет искать под другой стандарт. Лишнее это все.

Стоп, а вот это уже интересно... Мой взгляд упал на несколько стальных труб сантиметра по четыре толщиной, крашенных в черный матовый цвет и с какой-то маркировкой белой краской. Они явно напоминали глушители, и, судя по величине, не пистолетные.

– Глушители? – уточнил я на всякий случай.

– Они самые, – кивнул продавец. – «Брюггер унд Томет». Очень хорошо покупают.

– А у вас что, «сабсоники» в продаже есть? – немного удивился я.

Дозвуковой автоматный патрон должен быть сейчас ресурсом ценным – сомневаюсь, что кто-то его на продажу потащит.

– Нет, – ответил тот, – «сабсоники» нет. Но им и так можно пользоваться, звук все равно намного тише получается. – Он показал на мой М4, добавил: – Резьба подходящая, стандарт один и тот же, так что не пожалеете.

⁵ Sig – он же «зиг» в книге – карабин конструкции американского филиала фирмы Sig-Sauer, которым был вооружен главный герой в предшествующих книгах.

Перехватив мой непонимающий взгляд, сказал:

– Звуковой удар от такой пули негромкий, как воздушка хлопнула, а сам звук выстрела снижается на тридцать децибел.

– Ресурс какой? – уточнил я.

– Пожизненный, – сказал он. – Он полностью стальной, нечему портиться. Кстати, пристрелять только надо заново оружие: он скорость пули снижает немного, так что точка попадания смещается вниз. Хотя вблизи непринципиально, разница маленькая.

Хм, это мне точно пригодится. Просто наверняка, с гарантией. Шум от выстрела в замертвевших местах в настоящую проблему превратился. Если его снизить хотя бы чуть-чуть – было бы очень здорово.

– Автоматика срабатывает?

– Разумеется, – ответил тот. – Даже у FNC срабатывает, а в М4 сопротивление меньше.

– Хорошо, вот это мне отложите. – Схватив с прилавка, я протянул продавцу сразу четыре глушителя. – И двести патронов «триста восемь». И вот это... – Я постучал пальцем по серой коробочке, в которой лежал гибрид пистолетного подствольного фонаря и лазерного целеуказателя. Потом добавил еще пару ЛЦУ⁶ для автоматов, с проводками и креплениями, получив одобрительный кивок продавца. – Мне надо сходить за... – Я запнулся, затруднившись с формулировкой.

Сказать «за патронами» – звучит странно, «за деньгами» – так это не деньги.

– За платежным средством, – послышался сзади чей-то веселый голос, говоривший по-английски с сильным акцентом. – Извини, что вмешался, подсказал просто.

Я обернулся и увидел чернявого молодого парня с чуть горбатым носом, с трехдневной щетиной. Одет он был вроде чеченского боевика – кожаная куртка, камуфляжные штаны, берцы, разгрузка. На груди, стволом вниз, висел непривычного вида автомат. Я сначала чуть было за «галил» его не принял, лишь потом сообразил, что это какой-то совсем другой клон «калашников». И у него, кстати, была планка под всякие прибуды, как раз наверху ствольной коробки, – это я сразу отметил. А вот магазин закруглен несильно, явно под натовский патрон машинка.

– Спасибо, – усмехнулся я в ответ. – Действительно проблема с термином.

– Издалека? – спросил он, взяв с прилавка обтянутый резиной бинокль.

– Из Амстердама, – вдруг ответила молчавшая Дрика.

– Надо же! – вроде как удивился парень. – Я тоже оттуда. Теперь уже нет, мы в Кааге сидим, там вода и безопасно, но раньше в Амстердаме жил.

Дрике явно хотелось поговорить – давали о себе знать нервы, а вот мне совершенно не хотелось давать ей разбалтываться. Больно уж собеседник на чеченца похож – общим своим стилем, я имею в виду, не лицом. Как-то вот так, ассоциации возникают. И жил он «раньше» в Амстердаме недолго, как мне кажется, судя по акценту. Не местный у него акцент.

Я обратил внимание на то, что он не один. Еще двое мужчин – один совсем молодой, другой постарше, лет сорока, одетые так же, как и он, кожа и коммерческий камуфляж, – прогуливались у прилавков. Все темноволосые, крепкие... вообще балканский типаж, может, даже и сербы, чего это я так напрягся. Ладно, все равно не до них сейчас.

Слово «Амстердам» оказалось для Дрики триггером: она начала выпрашивать парня о том, что делалось в городе, но ничего неожиданного мы не услышали. Эпидемия началась в Амстердаме быстро, сразу во многих местах, через два дня город превратился в ад. Узкие улицы центра превратились в ловушки для тех, кто пытался убежать. Лишь день на пятый в городе появились спасательные группы военных, забиравшие людей из домов прямо через окна, и те, кто смог просидеть в своих квартирах до их появления, спасся.

⁶ Лазерный целеуказатель.

Все это время одна часть выживших уходила к порту, другая – как раз к огромному аэропорту Схипхол, где поначалу пытались создать что-то вроде пункта приема беженцев. Получилось это плохо – никого не проверяли, туда проходили укушенные, скопилось много мигрантов, которые обычно склонны к анархии, а у военных не нашлось командира «с железной рукой», которой следовало навести порядок. Правда, теперь там поселилось много других людей, которых привлекло огромное здание аэропорта, ограждение и запас горючего.

Но, в общем, как-то людям удалось организовать и спастись, на них работал голландский ландшафт. Не меньше чем треть страны расположена на самых настоящих островах, а каналы пересекают почти весь север во всех направлениях. Причем большие каналы, судоходные, настоящие реки, явившиеся непреодолимым препятствием для бродячих мертвецов. Остатки военных, вооружившиеся гражданские и даже люди из других стран, решившие, что надо жить ближе к морю, которое сможет кормить, занимали такие изолированные территории и постепенно уже очищали их от зомби. А вот внутренние европейские земли, лежащие южнее, были почти полностью зачищены мертвецами от людей, последние из них как раз и ушли к морю.

– На юге вообще нечего делать, можно сутки ехать и ни одного живого человека не встретить, – сказал собеседник. – Все погибли или ушли. Мы там бываем иногда по своим делам, даже привозим оттуда людей, но их совсем мало.

Потом парня с загадочным «калашом» позвали его спутники, и он попрощался с нами, заодно оделив полезным советом – показал, где можно взять в прокат велосипеды, к огромной нашей радости. И обошлось недорого, и удобство великое.

В первую минуту, взгромоздившись на черный, архаичного вида велосипед с проволочной корзиной на багажнике и еще одной впереди, я даже испугался, что не смогу поехать – так давно я делал это в последний раз. Но ничего, как оказалось, навык не утрачивается, и через пару минут мы уже катили к своей машине с ветерком.

Жизнь в порту кипела. Сновали люди туда-сюда, ездили машины, по Шельде двигались катера, лодки, все было при деле. Где-то что-то строили, что-то перестраивали, были даже полицейские патрули в самой настоящей полицейской форме, приглядывающие за порядком. Часто попадались импровизированные бары и рестораны, пахло жареной рыбой, причем так пахло, что слюнки текли, хотя, казалось бы, за долгое морское путешествие рыба могла бы и надоесть. Новая жизнь как-то налаживалась, что и неудивительно: народ в этих краях всегда был крепко работающим.

Сэм, как оказалось, не перетрутился в наше отсутствие. Нашли мы его развалившимся в раскладном кресле и попивающим холодное пиво. Кот валялся у его ног, вытянувшись на нагретом солнцем бетоне, вроде как тоже блаженствовал.

– Что-нибудь узнали? – спросил Сэм после того, как мы слезли с велосипедов.

– Не очень много, если честно, – ответил я, открывая заднюю дверь кабины и вытаскивая из-под сиденья пластиковые упаковки патронов.

– Может быть, завтра будет что-то, Информцентр взял заявку на поиск мамы, – добавила Дрика.

– Даже так? – удивился Сэм. – Они здесь как-то организовались?

Дрика вкратце рассказала ему о том, что нам удалось узнать. Сэм выслушал и заключил:

– То есть всей информации у них все равно нет, и даже если они о твоей маме ничего не знают, то это ничего не значит, так?

– Да, наверное! – поддержала эту мысль девушка.

– А теперь вы куда?

– На рынок, – ответил уже я. – Нужны патроны для М-25.

– Патроны нужны, да, сэр, – кивнул Сэм. – Но думаю, что вы без меня там справитесь? Я бы пока здесь посидел.

– Здесь есть бары, – намекнул я ему.

– А это пиво как раз оттуда, – сказал он, приподняв бутылку. – Не думаешь ведь ты, что у меня совсем нюх не работает?

Послышались шаги неподалеку. Я обернулся и встретился взглядом с тем парнем, с каким только что общались на рынке. Его спутники тоже шли вместе с ним. Увидев, что я его заметил, парень показал большой палец и сказал:

– Отличная машина! Если мы загоримся, то непременно вас позовем.

Его взгляд скользнул по забитой патронными упаковками сумке, и я затолкнул ее под сиденье, захлопнув дверь. Затем ответил:

– Из машины удалили все лишнее, так что она умеет только возить и не умеет гасить пожары.

– А жаль! – засмеялся тот, и мужчины с необычными автоматами прошли дальше.

3 июня, воскресенье, утро. Бельгия, Антверпен

Мы были возле Информцентра еще до его открытия, минут за пятнадцать. Дрика собиралась сюда вообще за два часа прийти – я ее еле удержал, убедив в том, что стояние у закрытых дверей нам точно ничем не поможет. Но сейчас уже удерживать не мог, и мы стояли вдвоем, опираясь на загородку и наблюдая за тем, как рыжий усатый буфетчик открывает свой киоск и выгружает туда ящики с напитками, которые привез на чем-то вроде садового мотоблока.

Кроме нас троих, на площадке никого не было. Персонал Информцентра появился почти к самому открытию, причем все подъехали на велосипедах. Женщина с лошадиным лицом узнала нас, поздоровалась, Дрика было рванулась к ней, но та быстро зашла в вагончик и захлопнула дверь за собой.

Начала собираться небольшая очередь, человек пять всего. Все подходили к висящей на стене вагончика штуковине и отрывали вытягивающиеся билетки с номерами. У нас тоже такой был, с черной единичкой, и, когда выглянувший в окно похожий на бухгалтера мужчина крикнул: «Ein!» – мы зашли внутрь.

Женщина с лошадиной дежурной улыбкой открыла папку, достала заполненную Дрикой анкету и прочитала, что написано на небольшом листочке, прикрепленном к ней скрепкой.

– Похоже, что мы не нашли вашу маму, – сказала она. – Есть две женщины со сходными именами, но отличаются даты рождения и адрес проживания до Катастрофы. Вот здесь, на всякий случай, их нынешние координаты. Не могут быть родственницами?

– Нет, не могут, – совершенно убитым голосом сказала Дрика.

– Не отчаивайтесь, – попыталась утешить ее женщина. – Наши базы данных еще очень неполны, в них и половины людей нет. Кстати, я должна внести в нее вас – вы же не значитесь тоже.

Дрика махнула рукой, но женщина настаивала:

– Не следует к этому так относиться. Кто знает, может быть, ваша мама жива и сейчас пытается разыскать вас? А вы тоже не зарегистрированы. Заполните эти формы, пожалуйста. – Она подвинула и к Дрике, и ко мне по паре отпечатанных листов, при этом уже перешла на английский язык.

– Мне не надо, – сказал я, отодвигая анкету. – Я не местный и здесь не задержусь. Никого не ишу, и меня никто не знает. Разберемся с проблемой девочки – и я поеду дальше.

– Как хотите, – пожала она плечами. – Откуда вы?

– Из Москвы.

Ответ ее, против ожидания, не удивил, она лишь сказала:

– Вам очень далеко ехать.

– У меня там семья.

– Удачи.

Дрика заполнила анкету, пообещав обратиться в местный аналог Информцентра в том месте, где она все же устроится, и дать свой новый адрес, и на этом мы распрощались.

Мы встали у киоска на входе, опять взяли по бутылке минеральной воды.

– Куда мне теперь? – спросила девушка, явно растерянная.

Я достал из сумки атлас, раскрыл, прикрывая его собой от свежего ветра, дувшего со стороны Шельды.

– Ну смотри, – сказал я... – Ехать надо в Амстердам через Схипхол, может быть, там что-то удастся узнать. Больше всего на Амстердам надеюсь – там же недалеко до порта было, так?

– Да, так, – подтвердила она.

– Так и начнем тогда.

К нам кто-то подошел, мы обернулись и столкнулись взглядами с улыбающимся парнем – тем самым, с которым беседовали на рынке.

– Извините, что опять вмешался, – сказал он, – но вижу, что вы ищете кого-то?

Смотрел он на Дрику, белозубо улыбаясь. Ну понятен, в общем, мотив такой активности в общении.

– Да, – коротко улыбнулась девушка. – Я маму разыскиваю, но они, – кивок на вагончик Информцентра, – ничего не знают.

– Откуда им все знать? – вроде даже удивился парень. – Много людей живет в меньших коммунах, откуда никто в Информцентр не дает никакой информации. У нас на въезде прямо доска с объявлениями висит, там тысячи людей друг друга ищут. И еще много где так.

– Вы же в Кааге? – поморщив лоб, спросила Дрика. – Я правильно запомнила?

– Правильно! – радостно подтвердил тот и протянул руку, представившись кем-то вроде Димитра.

Понятно, все же Балканы. Дрика представилась в ответ, а я просто протянул руку, почему-то себя не назвав. Не знаю почему – что-то не очень он мне нравился. И это не ревность из-за Дрики, вовсе нет, просто почему-то никогда не доверял людям назойливым, пусть даже и очень дружелюбным. А этот Димитр постоянно рядом оказывается, и в недостатке назойливости его не обвинишь. Как банный лист примерно.

– Вы можете с нами доехать до Каага и там почитать все объявления, – предложил он. – И список людей есть, нас там уже почти две тысячи.

– Мама вряд ли бы оказалась в Кааге – далековато, – усомнилась Дрика.

– Объявления развешивает и те, кто едет в другие коммуны, – возразил Димитр. – Мы сюда тоже целую пачку привезли и развесили – от тех, кто у нас живет. Не видели? Почти у самого КПП на шлюзе. И к нам могли привезти.

– Нет, не обратили внимания, – ответил я. – Посмотрим обязательно.

– А Кааг прямо на пути к Амстердаму, даже крюка делать не надо – почти не потеряете времени. К тому же у нас много людей из Амстердама: люди из города во все стороны бежали.

Я мельком глянул на Дрику и увидел, что она явно загорелась идеей, подкинутой назойливым Димитром. Идея и вправду была разумной – было бы странно, если бы не появились такие доски с объявлениями о розыске близких. Поэтому, несмотря на всю антипатию к «кавалеру», я сказал:

– Дрика, давай тогда заедем, почитаем. Смотри, отсюда в Схипхол ехать не проблема.

– Да, конечно! – радостно согласилась она.

– Мы завтра с утра выезжаем, – сообщил обрадованный Димитр. – Мы стоим в соседнем ряду с вашей пожарной машиной.

– Хорошо.

Димитр ушел в сторону рынка, а мы с Дрикой, оседлав велосипеды, поехали в сторону КПП, где действительно обнаружили стену, почти сплошь оклеенную объявлениями. Их было очень много – сотни, тысячи небольших бумажек, на которых фломастерами, маркерами, карандашами и ручками были написаны имена, адреса, призывы. Это был словно молчаливый и одновременно оглушительный крик отчаяния – последние люди почти мертвой земли надеялись найти живыми тех, с кем потеряли связь. Я видел лицо Дрики, я видел, как она шевелила губами, читая объявление за объявлением, не дочитывала, перебегала с места на место, время от времени сталкиваясь с другими людьми... больно на нее смотреть, если честно. У меня ведь не просто так надежда на то, что моя семья в безопасности: они ведь были в безопасности. А что ждет ее? Семь процентов населения Бельгии. В Голландии немного больше. Сколько? Десять? Пятнадцать? Теперь о чем – о теории вероятности поговорим? Каковы шансы одинокой женщины, художника-реставратора, проживающей в центре старинного и к тому же большого города, пробиться в безопасное место?

- Нет, ничего нет, – вздохнула Дрика.
- Откуда здесь взяться? – вроде бы даже удивился я. – Мы же пока в Бельгии, до Нидерландов еще ехать и ехать.
- Ну да, верно, – кивнула она. – Поехали обратно?
- Да, давай.

4 июня, понедельник, утро. Бельгия, Антверпен

Вчера к нам опять зашел Димитр, или как там его правильно, и пригласил Дрику прогуляться. Она заметно обрадовалась приглашению, и я думаю, что не из-за самого признания ее привлекательности незнакомым парнем, а просто потому, что он внушил ей некую надежду на удачный исход наших поисков. Не убеждал ее ни в чем, боже упаси, а просто дал понять и доказал, что еще не все потеряно. И теперь девушка рада была держаться к нему поближе, словно продолжая заряжаться от него этой самой надеждой.

Мне, если честно, отпускать ее не хотелось: недоверие к странному прилипчивому парню никуда не делось, но нормального способа не пустить ее я не знал, да и вообще не мое это дело, я ей не отец. Пошлет меня куда подальше – и будет права.

Сэма визитер, похоже, тоже в восторг не привел. Он лишь сказал, что тот похож на мексиканского наркотрафиканта, и затем уточнил:

– В глазах что-то похожее. Не понравился он мне, да, сэр.

– Мне тоже, – признался и я. – Но здесь место безопасное, насколько я понял, патрули везде, и вообще... времена изменились.

– Верно, – кивнул Сэм, вытирая испачканные машинным маслом руки и закидывая грязную тряпку в инструментальный ящик. – Времена изменились, здесь девочка в безопасности, поэтому я и не сказал ничего. Но мы же поедем дальше вместе?

– Осторожно поедем, – сказал я, поморщившись. – По сути, этот парень прав: стоит заехать и посмотреть. Если все так, как он и сказал, то вполне можно что-то узнать.

– Люди бывают разные в это время, – вздохнул он. – Как узнать заранее, кто там живет?

– Никак, – покачал я головой. – Я пытался вчера вечером зайти в Информбюро, но там мне сказали, что сведений у них мало. Просто люди собрались в безопасном месте, живут. Все.

– Хорошо, если так.

С вечера у меня вообще мандраж начался. Мы впервые приблизились к какой-то «контрольной точке» нашего путешествия. Пусть пока не к моей, но все равно волновался я уже не меньше Дрики, пожалуй. Найдем? Не найдем? Что узнаем? Как все это будет выглядеть? И что, если... даже не знаю, останется она на родине в таком случае или поедет дальше? Что у нее здесь осталось? А что может ждать впереди? Я даже не знаю, что там ждет меня, хоть и верю в то, что у нас все же не так все ужасно, как в Европе.

Дрика пришла обратно, сопровождаемая Димитром. Сказала, что сидели в какой-то местной харчевне и пили пиво, больше и рассказывать нечего. Ну и ладно, обошлось без проблем.

С утра мы были готовы к отъезду. Вернули велосипеды в прокат, официально сдали место на стоянке и остановились на выезде с нее. Вскоре к нам подъехала трехосная полноприводная «скания» армейского оливкового цвета, с лебедкой и кенгурятником. В ней оказалось четверо – двое в кабине, оба возрастом постарше, и двое в кузове – тот самый Димитр и еще один небритый парень, носатый и с выбитым передним зубом. У носатого на голове был черный берет с какой-то непонятной кокардой, а черная полицейская разгрузка была надета поверх кожаной мотоциклетной куртки. Оружие немного удивило – бесшумный «Хеклер-Кох MP5 SD» с толстой трубой глушителя на месте ствола. А что, неплохо, если какое место от мертвецов зачищать, – и внимания не привлечешь, и патрон пистолетный, распространенный.

Димитр ловко выпрыгнул из кузова, подошел к нам, заглянул снизу в кабину.

– Езжайте прямо за нами... связь есть?

Я молча показал ему карманную рацию.

– Четыреста шестой канал, хорошо? – спросил он, постучав по своей, закрепленной на плече.

Я опять, молча же, кивнул.

– Дрика, а вы к нам в кузов не хотите? Веселей будет, – предложил он, заулыбавшись до ушей.

Дрика заметно обрадовалась, но я предостерегающе поднял руку. Они оба – и она, и Димитр – уставились на меня.

– В движении группу не разбиваем, – сказал я, больше адресуясь к «кавалеру». – Доедем – там общайтесь, у нас здесь все роли расписаны.

Тот лишь кивнул, а Дрика заметно расстроилась и даже оскорбилась, но ничего не сказала. Ну и я не сказал: большая уже, сама все понимать должна. Вообще-то к кому другому я бы ее отпустил, к кому-то вроде нашего Майка, что остался в Аризоне и к которому она заглядывала в трейлер в последние ночи, а вот к этому Димитру отпускать не хочется. Я за нее пока ответственность чувствую – хотя бы перед самим собой.

«Жених» забрался в кузов «сканий», в котором виднелся еще и небольшой штабель каких-то ящиков, после чего большая зеленая машина тронулась с места. А следом двинула и наша пожарка.

– Далеко ехать? – спросил Сэм, видя, что я перелистываю дорожный атлас.

– Сто пятьдесят примерно, – ответил я, прикинув расстояние. – Быстро доберемся.

Выезжали не через тот КПП, через который приехали сюда. Проскочили контейнерный терминал, затем по туннелю проехали под Шельдой. Затем был остров с огромным нефтехранилищем, вновь тоннель, огромная железнодорожная станция, на которой тоже кипела работа, а уже затем мы выбрались на трассу. Идущая впереди «скания» ускорила до семидесяти в час, ну и мы шли с такой же скоростью, отстав метров на двести. Отстали умышленно – не хотелось все время находиться под наблюдением. Нас пару раз запросили по рации с просьбой подтянуться, но мы просьбу проигнорировали. Просто так, на всякий случай.

– Андре, – окликнула меня сзади Дрика.

– Да? – спросил я, попутно распахивая по разгрузке увесистые кругляки гранат М67.

– Я тебя не поняла, – сказала девушка сухо.

– В смысле? – уточнил я, хотя на самом деле прекрасно понимал, о чем она.

– Дитмир хочет нам помочь, он хороший парень, а ты его просто ненавидишь. – Голос звучал осуждающе. – Так нельзя.

– Как? Как его правильно зовут, ты сказала? – чуть не подскочил я на месте. – Не Димитр?

– Дит-мир, – повторила она по слогам. – Дитмир. Ты даже его имя не соизволил запомнить, а разговариваешь как с врагом. Переводится как «Добрый день», кстати.

– Что переводится?

– Его имя.

– Ага... – Кое-что в голове у меня начало складываться. – А славный юноша Дитмир, «добрый день» который, часом, не рассказал, откуда он приехал? С какого языка оно так поэтично переводится?

– Это здесь при чем? – прищурилась она подозрительно.

– И все же?

Сэм явно прислушивался к разговору, но не вмешивался.

– Какая разница? – Голос звучал возмущенно. – Он из Косова, беженец, он бежал сюда от сербов. Хорошо, что здесь сумел устроиться, там бы его убили и зарыли в какой-нибудь могиле, как тех боснийцев в Сребренице.

Мне почему-то захотелось попросить Сэма остановить машину, вывести Дрику за ухо куда-нибудь в сторонку и там отлупить ремнем. Нагнуть, зажать голову меж колен и хлестать ремнем по тощему заду, до слез и визга, за дурость в тяжелой форме, которая наказуема. Доб-

ротную такую, наивную, светлую, чистую европейскую дурость, которой из нее не выбил даже Большой Песец, пробежавшийся по земле.

– Я что-то пропускаю? – спросил Сэм.

– Ты почти угадал, когда сравнивал нашего нового друга с мексиканцем, – ответил я, обернувшись к нему. – Эти «страдалцы» и «беженцы» исключительно для того, чтобы их не убили кровожадные сербы, контролируют почти весь оборот героина в Европе и заодно большую часть проституции. А вот эти вот... – я кивнул за окно, подразумевая сытые европейские страны, зарастившие мозговые извилины добротным бюргерским салом, – относятся к ним как к сироткам. Разрешают приезжать, позволяют оставаться, дают пособия и очень им сочувствуют. Почти даже больше, чем гомикам.

Дрика злобно фыркнула, но ничего не сказала.

– Дрика, еще раз, – обратился я к ней, глядя в злые, как у рассерженного Тигра, глаза. – Эти люди с большой вероятностью – бандиты. Обычные бандиты. И позвали нас с собой они не просто так: такие вообще ничего просто так не делают.

– Ты их не знаешь! – Тонкий палец с обгрызенным ногтем уставился мне в лицо. – Ты даже не разговаривал с ними, а делаешь такие выводы! О незнакомых людях!

– А мне и не надо их знать, – хмыкнул я. – Есть народы с дурными традициями, и албанцы – один из них. У нас в стране есть такие же чеченцы. С ними можно общаться там, где они не могут тебе угрожать, или тогда, когда ты сильнее. Но оставаться с ними наедине просто не стоит, и тем более быть слабее: эти самые традиции могут привести к тому, что тебя ограбят и убьют. Причем произойдет это с очень высокой долей вероятности, если они будут знать, что им за это ничего не будет. А сейчас *никому ни за что ничего не будет*: мир рухнул!

– Ты неправ, – решительно заявила она. – Ты основываешь свое мнение на предрассудках. Дитмир совершенно нормальный парень, мы с ним даже в одни и те же места ходили.

– В смысле?

– Ну... клубы и все такое, даже общие знакомые есть.

– А зачем он туда ходил? – вдруг спросил Сэм.

– А зачем ходят в клубы? – вопросом на вопрос ответила Дрика.

Сэм пожал плечами, затем сказал:

– Кто за чем, да, сэр. Кто-то идет закинуться таблеткой и танцевать до утра, а кто-то идет эту таблетку продать и посмотреть на прыгающих от нее идиотов.

– Вы... вы... – Дрика не находила слов от возмущения, даже немного заикаться начала. – Как можно быть настолько предубежденными? Настолько нетерпимыми? Как можно обвинять людей без всяких доказательств?

– Я их ни в чем не обвиняю, успокойся, – ответил я. – В чем я их обвинил? Ни в чем. Я просто предупреждаю о том, что от них лучше держаться подальше, на всякий случай. Как тебе, например, такой молодой, красивой и блондинке, не следует оставаться наедине с компанией мусульманских юношей. Просто на всякий случай – чтобы потом не жалеть.

– Ты неправ! – сказала она, опять почти что ткнув меня в лицо пальцем. – Ты неправ, ты оскорбляешь людей недоверием!

– Они не слышат, – сказал я примирительно и показал на едущий далеко впереди грузовик, – вон сколько до них. И я не сужу, я опасаясь. На всякий случай. И тебе советую.

На этом разговор прервался. Дрика не ответила и сидела теперь мрачнее тучи. Нет, что-то с ней неправильно. То нормальная была всю дорогу, а теперь, стоило добраться до места, дурь из нее полезла как тесто из квашни. Компенсация? Боится узнать страшное про мать и хватается за все, что кажется знакомым и привычным? Может быть, мы ведь с ней пока еще ни разу не ругались, а тут – на тебе... Нехорошо.

Затем «скания» свернула с трассы на второстепенную дорогу, заставив нас насторожиться. В рации послышался голос Дитмира:

– По главным дорогам не проехать, там все забито брошенными машинами. Не отставайте, а то замучаетесь искать проезд.

Сэм искоса глянул на меня, и я кивнул. Все верно, когда я смотрел на карту, то сам понимал: такое шоссе обязано быть забитым. Просто потому что не занятая людьми земля закончилась, один город будет перетекать в другой – здесь ведь даже «природы», как таковой, нет, кроме воды, только распаханное поле или застройка. Не страна, а газон. А ведь нам надо будет еще и проскочить через Роттердам: шоссе идет прямо через центр большого города, мостами зажатое между строениями, – даже представить страшно, что там может твориться. Проедем мы там вообще? Хотя... албанцы как-то проехали, значит, есть путь, в любом случае нам лучше сейчас за ними держаться.

Правда, там еще роттердамский порт есть, и в нем тоже люди... Хотя нам сказали, что база по спасенным и найденным оттуда в Антверпене есть, значит, и смысла нет заезжать. И в любом случае мы мимо не проедем – не получится.

Поля, городки, поля. Что в Испании, что во Франции пустующих земель хватало. Были и леса, были и горы, были и невозделанные поля, но здесь... как китайцы, вот ей-богу, каждый квадратный метр использован. И плотность населения здесь явно зашкаливала: городки и деревни кругом, всегда в поле зрения, нет толком никакой «сельской местности».

Городки были замертвячены, живых людей с момента выезда из Антверпена так и не видели, разве что несколько машин попало навстречу. Дорогу расчищали – остатки пробок мы видели почти в каждом населенном пункте. Не пусти здесь кто-то умный бульдозеров или чего-то подобного, мы бы вообще никуда не проехали. Тесная страна, прорва машин. И это еще на боковых дорогах – подозреваю, что на трассе вообще жуть что творится.

Рация вновь заговорила голосом Дитмира:

– Приближаемся к Роттердаму, держитесь к нам поближе и ни в коем случае не останавливайтесь.

– Там людей нет? – уточнил я.

– В порту только, и то не везде, – ответил он. – Порт большой, людей мало.

– Я понял, – ответил я и отключился.

Ладно, с нашими проблемами потом разберемся. Даже если у албанцев на уме плохое, то сейчас им шалить невыгодно: место будет очень уж опасным, это и по карте понять можно. Им лучше всего проскочить его без проблем и задержек, не будут они ничего лишнего устраивать.

– Сэм, давай пока к ним поближе, – сказал я.

Сзади, где сидела все это время, надувшись, Дрика, донеслось сердитое фырканье: она пока еще не успокоилась.

Вскоре наше неширокое шоссе влилось в широкую трассу, с обеих сторон замельтешили строения пригородов. Зомби тоже хватало – пусть и не на самой трассе, но вокруг, в поле зрения. Действительно, останавливаться в таком месте никак нельзя, если ты не самоубийца. Много их, очень много.

Чем дальше, тем теснее сдвигались дома, вызывая подсознательный страх того, что дорога вот-вот превратится в затор и мы застрянем среди массы зомби, затем был мост через Маас, с которого хорошо просматривался широко раскинувшийся порт Роттердама. После моста машины понеслись по улицам города – не слишком узким, но и не очень широким. Зомби были везде – замедленные, вставшие в ступор, вяло реагирующие на проносимые мимо шумные грузовики. Зрелище здорово давило на нервы: какое-то нелепое сочетание подчеркнуто уютной и обжитой архитектуры этого города с гуляющей по его улицам Смертью.

Пожары. Еще местами что-то продолжало гореть, и множество зданий, мимо которых мы проскакивали, демонстрировали обугленные оконные проемы, закопченные стены и прочие следы гулявших по городу пожаров.

Нет, здесь, где знаки смерти буквально на каждом шагу назойливо лезут в глаза, я оставаться не хочу. Я в Россию – у нас места больше. А не будь России, так в Америку бы вернулся, но здесь никак не хочу жить, категорически.

Снаружи в машину постоянно заносило запахи. Я выразился так потому, что слово «вонь» множественного числа не образует. Вонь гари сменялась вонью мертвечины, мертвечина – забитой канализацией, гниющими отходами, и так до бесконечности. Город был убит и теперь разлагался.

Я опять скосил глаза на мрачно молчащую Дрику, пытаюсь понять, о чем она сейчас может думать. Неужели все еще дуется?

Роттердам все никак не заканчивался, границы одного города наползали на границы другого, даже всегда спокойный Сэм, как я видел, заметно волновался. Страшно представить, что будет, если, например, машина сломается в этом рассаднике мертвечины. Даже не хочется представлять, учитывая то, что единственным шансом на спасение будет машина албанцев, а верю я им примерно как цыганам у метро или чуть меньше.

Вроде бы все, вырвались на простор, замельтешили по сторонам компактные голландские поля, окруженные дренажными канавами, – и вновь город, еще один, и опять вокруг мертвяки, и бегущий куда-то кривобокий мутант, из пасти которого свешивалась чья-то обгрызенная грудная клетка – беспорядочный набор поломанных ребер с ключьями свисающей гнилой плоти. Кошмар, Босх, мрак.

Потом потянулись бесконечные ряды теплиц с обеих сторон, поля и теплицы, теплицы и поля, разделенные только крошечными городками. Как тут вообще жить можно было, в такой тесноте? А как выжить? Страшно представить, что здесь творилось, – просто не получается. Миллионы людей в такой тесноте, никакого оружия, малопонятная маленькая армия – как выживать? Куда бежать? Куда прорываться? Зона порта? А ведь порты здесь не огорожены – я это с моста хорошо разглядел. В Антверпене основная зона портов расположена словно на островах, перекрыть все подступы нетрудно, а вот роттердамский, по всему городу размазанный, таких возможностей не предоставлял. Что в Амстердаме?

Дизель «унимога» глухо рычал, зубастые покрышки гудели на гладком асфальте, впереди покачивался наполовину поднятый полог тента «скании». Сколько нам еще ехать до Каага? Посмотрел в карту. Немного осталось, совсем немного: рукой подать до водохранилища, объехать его – а там уже все. Надо думать, что дальше делать. Не хочется делать все так, как планируют наши спутники. Не верю я все же, что они что-то хорошее могли спланировать: не тот это народ.

– Сэм.

– Да?

– Надо как-то проверить этих. – Я ткнул пальцем в едущую перед нами машину.

Он подумал недолго, кивнул, затем сказал:

– Доедем поближе и скажем, что передумали. Если задержатся или начнут настаивать, значит, точно что-то задумали. Если отнесутся спокойно, значит, им все равно, ничего не замыслили. Я так полагаю, да, сэр.

Я прикинул возможные варианты и решил, что ничего умнее тоже придумать не сумею. Дрика в этой оскорбительной для ее нового друга беседе участия не принимала, а лишь фыркала злобно. Совсем с ума сошла девка – как с цепи сорвалась.

Кое-что на карте привлекло мое внимание, и я мысленно обматерил себя за невнимательность.

– Сэм, в Кааг придется переправляться на пароме.

Он хмыкнул и, почесав в затылке, высказал вслух мою собственную мысль:

– На паром нам нельзя: оттуда никуда не денешься.

– О чем вы? – вдруг подала голос Дрика. – Почему вам надо везде видеть врагов?

Я обернулся к ней резко, уставился прямо в глаза, прикрытые желтыми защитными очками.

– Дрика, я хочу напомнить, что пока ты со мной – ты делаешь то, что я скажу. Мы с тобой об этом договаривались, ты помнишь?

Она промолчала, но отвела глаза, уставившись в окно. В очках отражались пробегающие мимо домики деревни, через которую мы сейчас проезжали. Я чуть надавил:

– Дрика, ты помнишь?

Она медленно, явно нехотя повернулась ко мне и ответила с обычно присущей ей серьезностью:

– Да, я помню.

– Поэтому будь добра, в походе делай то, что я тебе говорю. Когда мы находимся в безопасном месте и среди нормальных людей – веди себя как хочешь, но сейчас изволь слушаться. С этим разобрались?

С заметным усилием она ответила:

– Да.

– Хорошо, – кивнул я, чувствуя, что первую преграду удалось проломить. – Теперь два слова о том, как нам удалось забраться так далеко. Нам это удалось потому, что мы до конца не верили никому и никуда не лезли без проверки. А сейчас тебя несет вперед без всяких тормозов.

– Он – хороший человек, – явно из чистого упрямства выдала она.

– Дитмир? – переспросил я. – Очень может быть. Но с его друзьями ты общалась? Нет? Они тоже хорошие? Здесь сразу много хороших албанцев разом собралось?

Дрика опять зло засопела и отвернулась к окну.

– Ты можешь мне гарантировать то, что они все хорошие и никто, например, не захочет меня ограбить? – спросил я. – Не предположить, заметить, а именно гарантировать? Можешь?

– Нет! – зло выкрикнула она.

От этого выкрика проснулся Тигр, недоуменно покрутил головой и опять уронил ее на лапы.

– Тогда почему мы должны бездумно делать все, чего они от нас хотят? – спокойно спросил я. – Можешь объяснить?

– Нет!

– Мы все выяснили? – уточнил я.

– Да!

– Хорошо, – кивнул я удовлетворенно и повернулся вперед.

Вновь карта. Жаль, что недостаточно подробная, расположения домов нет, и даже навигатор этого не показывает – только дороги и каналы. Если там, впереди, нас ждет что-то нехорошее, то как оно будет выглядеть? Что захотят сделать наши спутники? Если они нападут, то когда? Уже на своей территории, окончательно нас туда заманив и дав расслабиться, или раньше? Где?

Машину они наверняка не захотят ломать. Хоть брошенных машин и много, но не таких, да и зачем зря вещь портить? Они наверняка дождутся того момента, когда мы из нее выйдем, чтобы взять тепленькими... Дрика. Этот самый Дитмир увивается вокруг нее, а это неспроста: он наверняка какие-то виды имеет. Если он не злодей, во что верится слабо, то виды одного порядка, если злодей – другого, но наверняка будет стараться ей не навредить. Стрельба по машине этого не гарантирует.

Вывод? Нас должны заманить туда, где мы выйдем из машины.

Так, что еще?

Они предусматривают, что мы можем их в чем-то заподозрить и дать задний ход, или нет? Лучше исходить из того, что они не дураки и на это мозгов хватило. Значит, в какой-то момент

у них появится возможность заблокировать нам отход. Если мы не поймем, где они это делают, то сами заведем себя в безвыходное положение, и нам останется принимать последний и решительный. Не наш стиль – мы так не делаем, мы смываемся вовремя.

Вообще отказаться? Опять это мысль, вроде бы здравая донельзя, но мотивировать ее никак не могу. А если в этом анклавe самые разные люди и к ним просто присоединилась маленькая кучка албанцев? А мы только их и видели? А если мы что-то узнаем? А если, если, если... до бесконечности, тысячи этих самых «если» в башке хороводы водят.

Нет, сейчас отворачивать нельзя, надо ближе подъехать и там попытаться оценить положение со стороны. Как? Там видно и будет – ничего я не могу понять из этой дорожной карты.

Сэм искоса поглядывал, явно наблюдая за моими мучениями, но ничего не сказал. Однако я заметил, что он вытащил из нагрудной кобуры M1911, взвел его и поставил на предохранитель. Тоже опасается. Все мы опасаемся, кроме этого наивного ребенка на заднем сиденье. Я ее уже за взрослую и мудрую начал почитать, а детство-то никуда и не делось – пряталось просто до поры, а теперь как чертик из коробочки...

Вообще да, Сэм прав, готовится... Я тоже выдернул рожок из автомата, воткнул на его место двойной, спаренный. Так я с ним постоянно не хожу – это только если драка точно ожидается. А точно? Да черт его знает, но лишним не будет. Гранаты на местах уже, пара дымовых тоже при себе.

– Дрика, будь ко всему готова, – сказал я девушке.

Та буркнула что-то согласное, но не слишком воодушевленно. Ладно, пусть хоть так.

Ну вот... городишко с невыговариваемым названием, впереди слева рябая поверхность водохранилища с таким же языколомательным именем. Уже рядом, совсем близко. Проверил, как вынимается Sig-Sauer из кобуры, пощупал спрятанный револьвер. Все на месте, вроде бы готов я... к чему? Черт его знает, я за весь наш анабазис впервые в таких непонятках, вообще ума не приложу, как тут правильно действовать. Вот зараза-то...

Нервы, нервы... пальцы автомат теребят, адреналин в кровь чуть не струей вливается заранее – никуда не годится. Спокойней надо, спокойней, мне мозги нужны соображающие, а не так, сквозь красный светофильтр...

А в городке мертвяков, похоже, стреляли. На глаза не попадают, а вот обгрызенных костяков вдоль дороги хватает. Похоже, с машин целенаправленно били... да вот кто-то обьедал. Не добили, видать, а жаль.

Городок позади, вода слева, кругом все те же зеленые портянки полей. Хотя какие это поля – поля вон слева, а на островах пастбища, на них ни черта, кроме травы, не растет. И овцы пасутся, толстые как свиньи. Серьезные такие овцы, одной можно роту небось накормить. Лоскуток пастбища, ограниченный дренажной канавой, затем еще лоскуток – и еще канава. Ну да, голландцы же прыжки с шестами и придумали: шел пастух и через эти канавы с шестом прыгал, чтобы мостиков не строить. И этой же палкой овец по толстым курдюкам... наверное. А зимой по льду на коньках рассекал. Черт, с выдумкой народ, не откажешь.

А дальше – опять теплицы стройными рядами... блин, да сколько же их тут? Этими помидорами, или что там выращивают, можно, наверное, было весь мир накормить. Не, народ тут все же работающий, ты гля, с каких лоскутков суши, и то у моря отбитой, сколько всего получили. Каждый метр использован.

Деревни местные здесь тоже не как в других странах. Дома все добротные, из красного кирпича, такие по тыще лет стоят – и ничего с ними не делается, а друг к другу чуть не вплотную, чтобы меньше места занимать, и растут больше вверх, а не в ширину. На заднем дворе обычно совсем крошечный садик с тюльпанами, а вся земля в дело – или пастбище, или теплица, или еще что полезное.

Кстати, на дома глядя, вспомнилось: довелось мне в Германии три месяца прожить, в маленьком городке на Эльбе, откуда мы станки для деревообрабатывающего завода закупали.

И снимал я там небольшой домик из такого же красного кирпича, очень добротный и симпатичный. Полез как-то на чердак и обнаружил в стене кирпич с датой «1667». Не поверил глазам своим и уточнил у знакомых – нет, все верно, во второй половине семнадцатого века строен и до сих пор стоит. Еще в том городе аптека была семнадцатого века – с дубовыми шкафами, которые ей ровесники. Дуб почернел и закаменел, но шкафы службу свою несли безупречно.

Домику тому, кстати, через пару лет кранты пришли. Он потом городу отошел, его владелец без наследников скончался, а городские власти туда каких-то восточных людей заселили, мигрантов, скрепя сердце сбежавших в страну мерзких кяфинов из какого-то очень праведного шариатского государства. Тем жалко было деньги тратить и дрова для камина в магазине покупать, и они на чердаке балки и стропила остругивали. Потом на них черепичная крыша упала, когда ее стропила держать перестали, задавила кого-то насмерть, ну и дому хана пришла, естественно.

– Вот! – сказал Сэм, указав вперед. – Этот самый Кааг.

– Вижу, – кивнул я, чувствуя, что сердце встало колом где-то в трахее и окончательно перекрыло дыхание. – Да кто же такое вообще придумал?

Хуже и быть не могло. Дорога, прямая как стрела, шла прямо по берегу, открытая со всех сторон всем ветрам, а заодно и скрытному наблюдению с любой точки. Слева вода, справа, метрах в десяти от дороги, канава с водой. Они тут везде, канавы эти самые, простора для маневра ноль. Ни кустика, ни укрытия – вообще ничего. Справа опять поля, плоские, как стол, к тому же на них пока еще ни росточка не выросло – не спрячешься и не укроешься, а слева просто озеро: ныряй на здоровье.

Деревня на двух берегах. Сейчас дорога втянется между берегом и линией крепких, как доты, кирпичных домов, стоящих стеной, причем уже отсюда видно, что там весь периметр рогатками с колючей спиралью закрыт-заплетен, а пристань паромная уже дальше, от крайних домов до нее... с полкилометра. И два парома вижу – две желтые баржи.

Туда заезжать нельзя: обратно уже не выберемся, случись у спутников на уме нехорошее. Точно не выберемся – некуда оттуда деваться, тупик получается, в ту сторону выезд перекрыт, мне даже отсюда видно, что там из контейнеров стена, между домами не протиснешься, да и что угодно там быть может, – нам надо обратно. И развернуться ведь негде, это задним ходом только!

– Сэм, хреново, – сказал я, заметив, что наш водитель сбросил скорость, явно не горя желанием заезжать в деревню.

– Вижу, – процедил он сквозь зубы. – Я уже чувствую, как нас поймали, как Кинг-Конг девственницу. «Как девственница! Как в самый первый раз!» – пропел он строчку из песенки Мадонны удивительно противным голосом.

– Да что вы, с ума совсем сошли, параноики? – вдруг закричала сзади Дрика. – Нам никто ничего не сделал! Он сказал, что, кажется, помнит мамино имя, она может быть здесь! Она меня ждет!

Я обернулся рывком, столкнулся с ней взглядами – глаза безумные, лицо красными пятнами от злости пошло, губы кривятся – то ли заплачет сейчас, то ли плевать начнет.

– Сидеть! – рывкнул я на нее. – Без проверки мы туда не пойдем!

– Они останавливаются, – сказал Сэм, подразумевая впереди идущую зеленую «сканию». – Они что-то заподозрили, слышишь?

Я вдруг понял, что непрерывно слышу голос из рации, голос Дитмира, назойливый и даже требовательный, пытающийся чего-то добиться, но я его не слышал, не понимал – я думал о том, что ситуация начинает ускользать из рук.

– Подожди, у нас тут проблемка, – ответил я в рацию, на секунду отвернувшись от Дрики.

Ответа Дитмира я не услышал. Я услышал, как сзади распахнулась дверь, а затем с грохотом захлопнулась.

– Назад! – крикнул я в окно выскочившей Дрике, но она прокричала что-то ругательное по-фламандски и изо всех сил рванула вперед, в деревню. Причем рванула не по дороге, а отскочив в сторону, за канаву, и побежав по дорожке между домами.

Я увидел, как «скания» начала сдавать задним ходом, нам навстречу. Полог кузова был откинут, я видел Дитмира и второго, носатого, державших оружие на изготовку. Сэм, не говоря ни слова, рванул «унимог» с места, вперед, закричав:

– Останови ее!

Пока мы соображали, что к чему, Дрика успела оторваться от нас метров на сорок, а то и больше. Грузовик албанцев катил все быстрее и быстрее, носатый уже вскинул свое оружие, прицелившись нам в лобовое стекло, и я понял, что выскочить за Дрикой не могу – не успеваю.

Из проема между двумя домами показался зеленый борт армейского джипа, сдающего задом на дорогу. Показался совсем рядом, в каких-то двух десятках метров. Я даже не увидел его – он словно проявился у меня в мозгу серией быстро сменяемых слайдов: скрученный и уложенный вдоль бортов брезент, человек в черном берете и камуфляже в кузове, рука в перчатке без пальцев, рывком взводящая пулемет на вертлюге.

Дрика на бегу оглянулась на них, на ее лице, до того перекошенном судорогой бешеного, иррационального упрямства, мелькнула растерянность... или мне показалось, потому что невозможно видеть сразу столько деталей... или возможно, не знаю, не пойму. Может быть, мне просто привиделось или потом так вспоминалось.

С глухим стуком что-то пролетело через лобовое стекло «унимога», оставив за собой круглые дырочки в белом обрамлении, носатый в кузове «скании» даже привстал, я разглядел даже крошечное облачко дыма, сорвавшееся со ствола его оружия.

Я высунулся в боковое окно «унимога» и выстрелил очередью, целясь не в «сканию», а в неожиданно возникшего перед глазами пулеметчика, который должен был начать прямо сейчас, я это по его лицу видел, по сощурившимся глазам, по напряженным плечам, по плотно сжатым губам, по глазам, в конце концов.

Человек за пулеметом вдруг странно взмахнул руками и завалился на бок, потеряв берет с лысой головы и оставив свою смертоносную «машинку» вращаться на вертлюге.

Вновь частая россыпь дырочек в лобовом, ругань Сэма, кровавая полоса у него на щеке, остановившаяся прямо посреди дороги Дрика, растерянная и словно всеми брошенная, звук частых коротких очередей и огонек дульной вспышки из темного провала кузова «скании». Крик Сэма:

– Держись!

«Унимог» резко рванул вправо, с ходу ударив могучим стальным бампером зеленый «лендровер», с грохотом, звоном и лязгом. Тяжелый грузовик потащил легкую машину перед собой, вбил ее со всей силы в кирпичный угол дома, вмял, сложился со скрежетом металл, с громкими хлопками полопались стекла.

– Разберись с ними! – крикнул Сэм и, схватив автомат, вдруг выскочил из кабины на дорогу.

Высунувшись уже по пояс в окно, я длинной, на весь остаток магазина, очередью перекрестил кабину внедорожника, в которой дергались и откуда пытались выскочить двое: я видел их белые, искаженные страхом лица в обрамлении коротких бород. Пули прошли ее тесное пространство, хлестнуло кровью, послышался короткий крик. Один из них смотрел на меня, выпучив глаза в ужасе и зажимая обеими руками рану на шее, из которой прямо сквозь пальцы брызгало ярко-красной кровью, второй же уткнулся окровавленной бритой головой ему в колени.

Второй магазин в горловину, большим пальцем с задержки, толчок, когда затворная рама донесла затвор до ствола и жестко впечатала его на место, зацепившись боевыми выступами.

«Скания» уже стояла, и из кузова свешивалось чье-то тело – я не понял, чье именно. Еще три фигуры, стреляя на ходу, я видел вспышки, разбегались от грузовика в стороны в поисках укрытия.

Сэм стоял на колене и бил короткими очередями по противнику. Гильзы барабанили в железный борт машины, отлетая от него яркими латунными вспышками. А еще в них стреляла Дрика – стреляла нелепо, без всякого укрытия, стоя прямо посреди дороги и неловко расставив тощие ноги в слишком массивных для них ботинках.

– Назад! – заорал я так, что в горло словно кипятку кто плеснул. – Назад, Дрика, дура тупая, назад! Уходим!

Она меня не слышала и продолжала стрелять. Я увидел какие-то темные фигурки на противоположном берегу канала, бегущие в нашу сторону, каких-то людей с оружием, выбегающих со стороны паромной пристани, и понял, что еще чуть-чуть – и нам конец.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.